

ПАВЕЛ ЛУСПЕКАЕВ. «ГОСПОЖА ПОБЕДА»

РОМАНТИК И РЕАЛИСТ МАКСИМ ГОРЬКИЙ

**РУССКИЕ АРИСТОКРАТЫ,
ПОКОРИВШИЕ ПАРИЖ**

**НОВЫЙ СВЕТ: ЗЕМНОЙ РАЙ
КРЫМСКОЙ ТАВРИДЫ**

Лариса Кольчева. Комсомол — это вся моя жизнь!
Читайте на странице 40.

Звезды не гаснут

Андрей Колобаев «Госпожа Победа» 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **С верой в человека** 18

Замечательные современники

Лариса Колычева **Комсомол —
это вся моя жизнь!** 40

Виктор Ом «Птица-Песня» 75

Елена Воробьева **Анна Аглатова: «Я давно
не говорю о мечтах.
Я — работаю!»** 96

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Русские аристократы в Париже** 45

Это интересно

Дмитрий Зелов **Новый Свет: земной рай
крымской Тавриды** 58

Алла Зубкова **Та, которая лишила
Англию короля** 106

Судьба художника

Ирина Опимах **Ян Ливенс.
Гениальный и забытый** 66

Рассказ

Наталья Романова-Сегень **Бабуин** 83

Посмеемся вместе

Ольга Степнова **Дзынь** 102

Остросюжетный роман

Андрей Быстров **Зеркальная угроза** 120

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино Павел Луспекаев
в роли таможенника Верецагина,
к/ф «Белое солнце пустыни»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

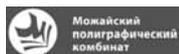
**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7800

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.06.2018

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« В семье Романовых, которая к 1917-му году насчитывала почти семьдесят человек, был один, о котором родственники никогда не говорили: ни с другими, ни даже в своем кругу. Он действительно совершил такой проступок, который и простому обывателю не прощается, а уж особе царской крови... Его царская семья скрывала более чем тщательно. А ведь, как говорится, «ничего не предвещало»...

И все-таки вынужденная изоляция от семейства Романовых позволила великому князю Николаю Константиновичу мирно скончаться в собственной постели, избегнув ареста и казни — участи, постигшей большую часть его родственников.

Денис **Логинов** «Непростительный грех»

« Один из крупнейших поэтов XX века, художник-плакатист, драматург, редактор журнала, кинорежиссер, сценарист и актер — это все Владимир Маяковский. Его можно считать глашатаем и певцом революции, которую он поначалу принял безоговорочно, видя в ней «очистительную бурю» и грядущее «обновление мира». Характер у него был тяжелый и мнительный, обиды долго не забывал, но под нарочито грубоватой оболочкой скрывалась очень ранимая и очень одинокая душа. В автобиографии «Я сам» Маяковский с вызовом писал: «Я поэт. Этим и интересен». Однако жизнь его была наполнена множеством событий, дел и поступков, далеко выходящих за рамки «чистой» поэзии.

Юрий **Осипов** «Становясь на горло собственной песне...»

« Имя «Майя Плисецкая» долгие годы было практически синонимом советского, а затем российского балета. Всю свою жизнь Майя Михайловна посвятила балету и даже в семьдесят лет выходила на сцену в достаточно сложных партиях. В этом виде искусства она создала свой собственный стиль и ряд приемов, никогда до нее не использовавшихся. Каждый, кому хоть раз доводилось увидеть Плисецкую на сцене, помнит об этом до сих пор. Балерина дала путевку в жизнь многим молодым исполнителям, находила талантливых танцоров и передавала им частичку своих знаний и умений. Но при этом Майя Михайловна Плисецкая так и осталась единственной и неповторимой..

Светлана **Бестужева-Лада** «Бессмертный лебедь»

« В 1912-м году состоялось открытие Музея изящных искусств имени императора Александра III. Сегодня он носит название «Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина». Но, если по чести, он должен был бы носить имя своего основателя и первого директора — Ивана Владимировича Цветаева, человека, который мечтал о создании в России первого публичного музея и посвятил этому всю свою жизнь. Вспоминая впоследствии о торжественном открытии музея, на котором присутствовала почти вся императорская семья, включая детей, дочь Цветаева Анастасия писала: «И было тихое торжество радости: не папе дарят что-то сильные мира сего, а он дарит всем, кто сейчас здесь, всей России — созданный им музей!..»

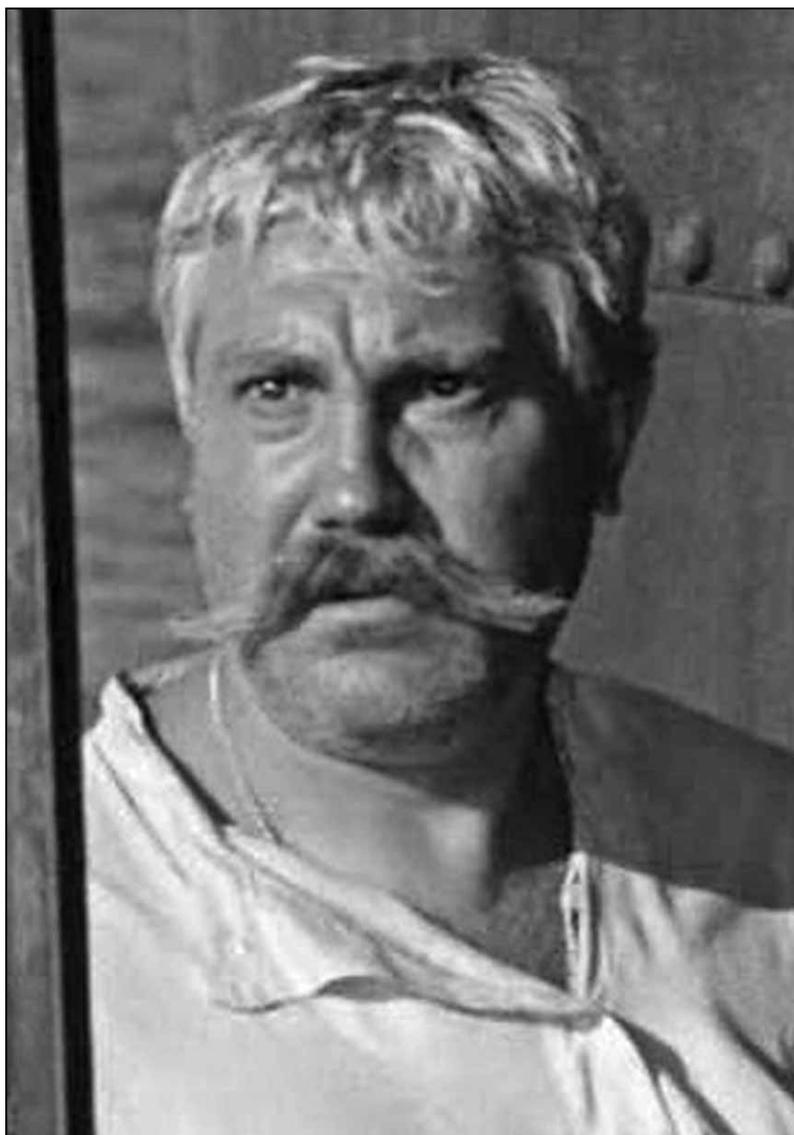
Евгения **Гордиенко** «Отец Марины и Музея»

« Окончание остросюжетного романа Андрея **Быстрова** «Зеркальная угроза»

«Госпожа Победа»

В 2017 году легендарному актеру исполнилось бы 90 лет.

Павел Луспекаев. Таможенник Верещагин. «Белое солнце пустыни». Как ни крути, а одно от другого неотделимо. Подсчитано: у актера Луспекаева всего-навсего неполных 15 минут чистого времени на экране. Но именно эта картина (в ней он снимался на протезах, потому что ходить толком уже не мог), принесла ему фантастическую народную любовь, славу и бессмертие.

История жизни Павла Борисовича уникальна. Фронтовик, не получивший толком даже среднего образования. При этом актер-самородок,

широкая натура, душа компании, любимец женщин. Его ждал феерический взлет: из театральной провинции — в легендарный БДТ. Почти

сразу — в самом расцвете лет — неизлечимая болезнь. И как приговор: крест на блестящей театральной карьере. Крах всего, что дорого: прощай, любимая сцена! Что позади? Два десятка ролей в кино, не принесших ни славы, ни удовлетворения. Впереди — игла, наркотики, инвалид с ампутированными ногами. Ясное понимание, что это конец — бесславный и мучительный. Именно в этот момент во всей красе проявился луспекаевский железный характер. Видно, всеми нервными окончаниями своей израненной души он чувствовал, что еще не сделал в своей жизни чего-то самого важного — самая главная его песня еще не спета.

Помните знаменитую фразу, с самоуверенной улыбкой брошенную Черным Абдуллой: «*Аристарх, договорись с таможенной!*» Аристарх кивнул и выстрелил: пуля, которая должна была навеки «уговорить» неговорчивую «таможню», срикошетила и рассекла Верещагину бровь. Он размахнулся. Мощный удар в челюсть и... «*Помойтесь, ребята!*» Мало, кто знает, что этого эпизода не было в сценарии — он был вынужденным и полностью придуман режиссером Владимиром Мотылем прямо в день съемки. Дело в том, что накануне Павел Луспекаев (несмотря на увечье!) попытался разнять двух дерущихся дагестанцев во время ужина в ресторане, и на съемочной площадке появился с глубокой ножевой раной возле брови. Гримеры увидели и ужас-

нулись — здесь они были бессильны...

Или — другая фраза из фильма, давно разлетевшегося на цитаты. Сухов кричит: «*Верещагин! Уходи с баркаса — взорвешься!*» А Луспекаеву не привыкать — он не на экране, он всю свою жизнь прожил как на пороховой бочке. Такой уж он был человек: удивительно еще, что смог дожить почти до 43-х. Уговорить его пойти против себя — было невозможно.

А началось все еще с детства. Появился на свет Павел 20 апреля 1927 года в селе Большие Салы Ростовской области. По собственным воспоминаниям, «оторвой и драчуном он был отчаянным». Однажды во время драки мальчишке попали раскаленным металлическим прутком в лицо — прут рассек и ожег лицо в каких-то миллиметрах от глаза. А что вы хотите? Характер — горючегремучая смесь! Отец — мясник, армянин Багдасар Луспекян, мать — Серафима Авраамовна Ковалева — донская казачка. Что может быть взрывоопаснее? От матери Павлу достались высокий рост, стать, склонность рубить правду-матку в глаза. От отца — горячий нрав, неистовый темперамент, тяга к загулам, влюбчивость и патологическое неумение-нежелание жить разумно и распланированно. Со временем именно этот неистовый темперамент станет визитной карточкой большого артиста.

...С самого начала войны Пашка вступил в подпольную молодежную

организацию под Ростовом — наподобие «Молодой гвардии». Мальчишки подрывали поезда, собирали для партизан сведения о немцах. В 1943-м году 15-летний юноша добровольцем сбежал на фронт. Воевал в партизанском отряде (оперативная разведгруппа 00134). Во время одного из рейдов в тыл врага юному разведчику пришлось четыре часа неподвижно пролежать в

снегу на лютom морозе. Он сильно обморозил ноги — с тех пор кровь по сосудам уже не могла циркулировать нормально. Именно это и «аукнется» ему годы спустя... Вскоре в одном из боев парня тяжело ранило в руку разрывной пулей — раздробило локтевой сустав. Его отправили в саратовский военный госпиталь, где врачи вкололи наркоз и стали готовить к немедленной ампутации ру-

ки: *«Иначе пацан не выживет!»* Но «пацан» не позволил хирургу даже дотронуться до своей руки, пока тот не поклялся попытаться спасти руку. Невероятно, но это удалось. В 1944 году война для него закончилась — Луспекаев демобилизовался.

Судя по всему, на сцену Павла привела как раз неумная, кипучая натура. Ее было столько, что срочно требовался выплеск — желательно «в мирных целях».

Летом 1946-го Луспекаев приехал в Москву и подал документы в Театральное училище имени Щепкина. По свидетельству однокурсников, он отлично понимал все свои огрехи — у него был специфический южный говор, грубые манеры, сказывался и недостаток общего образования. То есть шансов на поступление было мало.

О том, как он сдавал экзамены, сохранилась такая легенда. Вместо сочинения абитуриент Луспекаев сдал экзаменаторам пустой лист. Это означало одно: «кол» за сочинение и «не принят». Педагоги действительно хотели поставить ему «единицу», но профессор Зубов сказал: *«Я все равно его возьму! За талант!»* И его приняли.

После окончания театрального в 1950 году Луспекаев распределился в Тбилисский русский драматический театр. С одной стороны, там пришел первый актерский успех, с другой... В 1953 году война впервые серьезно напомнила о себе — сказалось то самое обморожение. Кро-

вообращение в ногах нарушилось, у Луспекаева развился атеросклероз сосудов.

Из дневника Павла Луспекаева от 30 октября 1953 года:

«Все было бы хорошо, если бы не моя страшная болезнь, которая может окончиться плачевно, а главное, это не даст мне работать на сцене. Конечно, многие терпят. Почему бы мне не быть одним из тех, кто несчастен, но ведь не хочется умирать, а тем более, остаться калекой».

Почти одновременно с физической болью пришли муки творчества — вскоре амбициозному актеру стало тесно в провинциальном театре, и он перебрался в Киев — в Театр русской драмы имени Леси Украинки. Там уже дебютная его роль в пьесе Крона «Второе дыхание» стала поворотной. Госпожа Удача повернулась, наконец, к нему лицом.

Дело было так. В 1959 году ведущий актер БДТ Кирилл Лавров приехал к родным в Киев. «Вечером пошел на спектакль, — спустя годы вспоминал Кирилл Юрьевич, — давали пьесу Крона «Второе дыхание». И вдруг я увидел в главной роли незнакомого мне актера, он меня сразу поразил своей немислимой, звериной правдоподобностью. Он мне очень понравился — высокий, крупный, красивое лицо. Я был так переполнен впечатлениями от его исполнения, что, не имея никаких полномочий ни от Товстоногова, ни от театра, пригласил его в Ленинград, к нам в Большой Драматический театр». Так Луспекаев оказался в БДТ.

В то время Товстоногов ставил спектакль «Варвары». Лавров, чтобы убедить Георгия Александровича, что он не ошибся, предложил попробовать «новобранца» на ключевую роль Чиркуна, которую играл сам. Луспекаев «попробовался» так, что после репетиции Лавров попросил Товстоногова снять его с этой роли, «а Луспекаева оставить».

Отныне в стенах БДТ Луспекаев выпускал по две новые роли в год. Все его новые работы — мощные, яркие. Галлен — в спектакле «Не склонившие головы», Бонар — в «Четвертом», Нагульнов — в «Поднятой целине». Он быстро стал любимцем ленинградской публики, а на гастролях завоевывал города, в которых был БДТ.

Четырежды оscarоносный британский актер Лоуренс Оливье, посетивший несколько спектаклей БДТ во время своего визита в Ленинград, оставил истории фразу: «В России есть один актер — абсолютный гений! Только фамилию его произнести невозможно». Эта непризнанная для британца фамилия — Луспекаев.

Рассуждая о личности Луспекаева, его друг и коллега Владимир Татосов рассказывал: «Паша обожал петь. Когда он брал гитару, срывал галстук, чтобы тот не давил, рывком расстегивал рубашку и начинал чуть хрипловатым голосом петь "Две гитары за стеной", "Очи черные", — все замирали. Его хотелось слушать снова и снова. Было в этом и что-то

разгульное, широкое, русское, цыганское. А возможно, и гусарское. Еще он всегда хорошо понимал, когда и как надо выглядеть, и умел соответствовать моменту. Помню, в последнее время Паша приходил на приемы в легком летнем костюме цвета кофе с молоком, белой сорочке, шоколадного цвета галстук. Плюс — шоколадного же цвета его карие бархатные глаза, смуглая кожа, седина в висках, а сверху слегка подкрашенные для съемок волосы, отливающие золотом на свету. А на банкет иногда надевал вместо обычного галстука бантик, знаете, такой "кис-кис". Просто шикарный мужчина! Но, выпив, срывал этот бант, расстегивал рубашку...»

В своих мемуарах рассказ об одном из своих закадычных друзей актер Евгений Весник начал так: «Этот рассказ об одном из тех, кто помогал видеть, слышать и понимать, что такое справедливость, труд и красота душевная, о Павле Луспекаеве... Он был человеком, который своей личностью, всем своим поведением заставлял тебя корректировать свои поступки, даже чувства. Бескомпромиссность! Любить — так любить! Ненавидеть — так ненавидеть! Работать — так до самозабвения! Драться — так по-настоящему! А если уж помочь, так даже часы заложить в ломбард, но помочь!.. Может быть, он был неуравновешенным. Было от чего! Ощущение безнадёжности и...жизнелюбие, улыбка, общительность, энергия, энергия во всем!»

Евгений Яковлевич знал, что говорил: характер у друга был ох не легкий. Для некоторых — просто тяжелый. Даже Товстоногов иногда предпочитал держаться на расстоянии.

Однажды во время гастролей БДТ в Берлине произошла такая история. На приеме, который устраивал министр культуры ГДР, кроме актеров труппы во главе с Товстоноговым были немецкие актеры, дипломаты. Переводил главный переводчик Министерства культуры ГДР, который неплохо говорил по-русски. Речь зашла о красоте Ленинграда. Луспекаев начал в красках рассказывать, как потряс его город: «Я влюбился в него с первого взгляда!» И тут подал

голос переводчик: «*Геноссе Луспекаев, я тоже видел Ленинград!*» «*Когда?*» — чтобы поддержать разговор, поинтересовался актер. Но тот ответил так, что в зале мгновенно установилась гробовая тишина: «*В бинокль, с Пулковских высот.*». И тут произошло невероятное: Луспекаев очень медленно встал (он уже тогда плохо ходил), схватил немца за грудки, поднял, как штангу, и закричал: «*Ну что, видел Ленинград?!*» Высказал все, что он о нем думал (в основном в непечатных выражениях!) и бросил обратно на стул. Переводчик начал было оправдываться: «*Геноссе Луспекаев, что вы делаете? Я — коммунист!*» В той же мертвой тишине актер вер-

нулся к столу, залпом выпил пол-стакана водки и ушел.

Конечно, потом в театре этот его публичный выпад резко осудили. Но он все равно остался при своем мнении: тот факт, что кто-то наблюдал за умирающим от голода блокадным Ленинградом в бинокль, его, фронтовика, не мог не взбесить. И в этом был весь Луспекаев!

Со своей женой — Инной Кирилловой — актер познакомился в конце 40-х, еще в театральном училище. Инна училась на два курса старше его и, как говорили, подавала большие надежды. Это была подтянутая, всегда строгая девушка, с длинной косой, всем своим внешним видом напоминавшая гимназистку. Их любовь была одной из самых бурных

и трогательных в училище и в скором времени состоялась свадьба. В 1959 году у них родилась дочь Лариса.

Это была очень гармоничная пара, хотя семьянином Луспекаев был, мягко говоря, не идеальным, ему приписывают множество романов с самыми видными советскими актрисами. Многие знали, что, влюбившись, он мог пропасть на несколько дней. Потом появлялся, чуть ли не на коленях просил прощенья у жены, плакал, клялся, что этого больше никогда не повторится и... периодически снова пропадал.

В 1968-м году на пробах в картину «Бег» по Булгакову Луспекаев страстно влюбился в актрису Татьяну Ткач. Вот как вспоминала об этом сама Татьяна Дмитриевна: «*Не ста-*

*К/ф
«Белое
солнце
пустыни»*

ну лукавить, Луспекаев мне сильно нравился, но я не представляю, как можно встречаться с "ураганом"! А это определение ему подходило как никому другому... В "Бег" меня пригласили на роль Люськи, "походной жены" генерала Черноты. Черноту должен был играть Луспекаев. Но Паша эту роль так и не получил, хотя так о ней мечтал! Думаю, его забраковали из-за болезни ног, боялись, что он физически не выдержит съемки.

Я уже знала, что на эту роль утвердили Ульянова, но не могла об этом сказать Паше. А он звонил очень огорченный: "Таня, ну как там? Неужели они променяли Луспекаева на Ульянова?! Скажи им, что только я смогу ходить по Парижу в кальсонах!"»

По словам Татьяны Ткач, когда Луспекаева утвердили на роль в «Белом солнце пустыни», он поставил Мотылю ультиматум: без нее он сниматься не станет.

«Ко мне в коммунальную квартиру на улицу Марата, 13, приехал сам Мотыль и стал уговаривать сняться в роли главной жены гарема. Я попросила показать сценарий. Тогда он начал нести какую-то чушь: дескать, тот... потерян. Когда я приехала на съемки и увидела Пашу, то сразу все поняла. О его любви ко мне знала вся съемочная группа. Он не скрывал своих чувств даже от жены Инны. Кстати, о съемках у меня сохранились самые теплые впечатления. Я сыграла старшую жену Абдуллы. Правда, при монтаже почти все вырезали».

Несмотря на подобные увлечения актера, брак Луспекаева с Инной Кирилловой, тем не менее, выдержал все испытания.

Несмотря на фактурную внешность и дарование, «взаимной любви» с кино у Луспекаева не получалось. Конечно, он снимался, например, в таких популярных лентах как «Три толстяка», «Тайна двух океанов», «Балтийское небо», но славы они ему не принесли. Видимо, у режиссеров он ассоциировался в основном с театром.

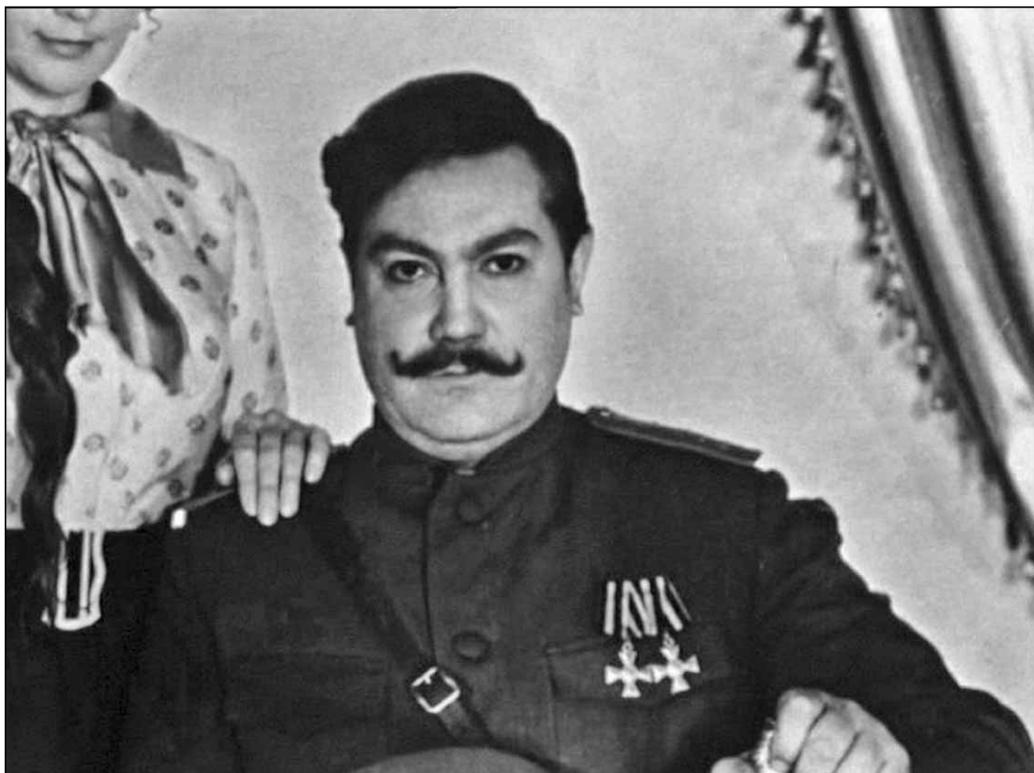
...1962 год. Блистательные репетиции спектакля «Горе от ума» обещали интереснейшего Скалозуба в исполнении Луспекаева... Но, увы, в этой роли ленинградский зритель так его и не увидел. Облитерирующий эндартериит — болезнь сосудов нижних конечностей. Вскоре началась так называемая «никотиновая гангрена». Прямо со съемок карти-

ны «Капроновые сети» Павла Борисовича увезли в реанимацию.

В 1965-м Луспекаеву было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР. В том же году он покинул труппу БДТ — у него просто уже не было физических сил стоять на сцене. Написал Товстоногову письмо: *«Дорогой мой Георгий Александрович! Должен вас огорчить, я никогда не буду вам врать. Театр любит сильных и здоровых людей, а на меня рассчитывать нельзя».*

Единственным заработком отныне осталось кино и ТВ. И через год актер получил-таки роль, способную открыть его широкому зрителю как мощного киноактера. Геннадий Полока предложил ему сыграть одного из центровых персонажей — учителя физкультуры Косталмеда — в своей картине «Республика ШКИД». Однако в самый разгар съемок у актера вновь обострилась болезнь. Врачи настаивали на немедленной ампутации обеих ног до колен. Павел Борисович предложил компромисс: начать с ампутации одной стопы. На съемки фильма он уже не вернулся, поэтому роль Косталмеда сократилась до эпизодической. Тогда же многие «за глаза» решили, что это «конец актера Луспекаева».

Ему ампутировали сначала одну, потом другую ступню. Всего было восемь операций — актер отдавал свои ноги «по кускам». Самое страшное, что ампутация не избавила его от страданий — стали мучить так называемые «фантомные боли». Чтобы хоть немного их снять, ему стали

увеличивать дозы сильнодействующего болеутоляющего наркотика — пантопона. Но быстро появилась зависимость — он уже не мог без уколов. Луспекаев признавался в дневнике: *«Я погряз в этой мрази и хочу, чтобы побыстрее наступил конец. Но я держусь. И все это выдержу»*. А через несколько дней добавил: *«Да, да! Поборол! Самому не верится! Пантопончики тю-тю! Будь они прокляты! Могу смело сказать себе: молодец!»*

У фильма «Белое солнце пустыни» была чрезвычайно трудная судьба. Как он вообще был снят и дошел до зрителя — до сих пор во многом загадка. Сначала никто из режиссеров его снимать не хотел — сценарий считали бесперспективным. Когда Владимир Мотыль скре-

пя сердце все-таки взялся, поставил жесткое условие: ни Госкино, ни сценаристы не будут вмешиваться в его работу. Согласие получил. Тем не менее, все равно в ходе «доработки сценария» и особенно в разгар съемок его несколько раз пытались «уволить», а когда картина была снята, ее наглухо уложили «на полку», что означало по тем временам — полное забвение. Но об этом — потом.

По сценарию роль Верещагина была крошечной, да и персонаж особых симпатий не вызывал — выпивоха, гуляка, подкаблучник. Таможенником он не был и погибал в середине картины — от удара бандитского ножа в спину. Обдумывая сценарий, режиссер Мотыль понял: нужен третий главный персонаж. И полностью переписал роль Верещагина: сделал

его таможенником и наградил богатырской силой. На эту идею «нанизал» все остальное: историю с баркасом, драку, гибель.

«А вот найти актера на роль Верещагина, — рассказывал режиссер, — оказалось гораздо сложнее. Я перепробовал десяток разных артистов, но никто не тянул. Луспекаев — подходил идеально, но он был инвалидом... И вдруг я узнаю: оказывается, какими-то правдами-неправдами Луспекаеву закинули сце-

нарий, он рвется сыграть в моем кино и намекнул: может, режиссер меня навестит... Когда я позвонил в дверь, открыл он мне сам. Он был на ногах, с палочкой, когда меня увидел, он взял ее в руки и пошел на одних пятках, демонстрируя, явно, как он умеет ходить. Я ему сказал, что могу предложить сыграть эту роль на костылях. Он ответил: "Слушай, я сначала сыграю твоего богатыря, свою "лебединую песню", а потом, может, когда-нибудь в другой раз —

инвалида". Вот так судьба Верещанина была решена!»

Лето 1968 года. Съёмки «Белого солнца» проходили под Махачкалой и в туркменской пустыне возле города Байрам-Али. Жара — под плюс 50 в тени. Раны кровоточили, а работать надо было на качающемся корабле, где палуба постоянно уходит из-под ног, к тому же до него еще надо было дойти — несколько километров по тяжелому песку, в котором вязли колеса машин, не то что ноги. Для Луспекаева сделали специальные ортопедические башмаки, которые помогали ему заглушить боль при хождении. Несмотря на все меры предосторожности, актер вскоре почувствовал резкое ухудшение здоровья. Его жена носила с собой маленький складной стул, так как Павел Борисович вынужден был отдыхать через каждые 20 шагов. Тем не менее, Луспекаев настоял на том, чтобы во всех сценах драки на корабле он снимался без дублеров. Когда заканчивалась сцена с его участием, уходил в сторону, сбрасывал сапоги и раскаленные до красна свои культи засовывал в ведро с холодной водой, чтобы снять боль...

Как признавался исполнитель роли Сухова актер Анатолий Кузнецов, сниматься было невероятно трудно, но когда они смотрели на Луспекаева, любые испытания казались просто детскими.

Наконец съёмки завершились. Все, кто в них участвовал, понимали — такого в советском кино еще

не было, и жили в ожидании премьеры, триумфа. Все, кроме режиссера, который отлично понимал, что «кино не будет» — слишком много он нажил в Госкино личных врагов своей строптивостью и несговорчивостью. Премьеры не было, картину сразу же уложили на полку. Но тут, по словам Мотыля, «после долгих мытарств, Господь, как это уже не раз бывало, меня взял да и выручил». Однажды нагрянувшие на дачу к Леониду Брежневу его друзья и родственники решили вечером посмотреть какой-нибудь фильм. Посыльный, которого отправили на «Мосфильм», по ошибке привез ленту «не с той полки». На следующий день Леонид Ильич позвонил председателю Госкино и поблагодарил его за «прекрасный фильм о пустыне». Тот от неожиданности чуть не упал! И тут же дал добро на выход «Белого солнца пустыни» в большой прокат.

Успех был феноменальный! В первый же год картину продали в 130 стран мира. Но, несмотря на это, ее долго не подпускали ни к одному фестивалю, даже советскому. Космонавты, у которых появилась традиция смотреть «Солнце...» перед полетом на орбиту, трижды выдвигали ее на Госпремию. И каждый раз Госкино и Комитет по госпремиям единогласно ее «заворачивали». Уникальный случай в истории кино: госпремия за картину была вручена аж через 27 лет после ее создания, в 1997 году — по специальному указу президента Бориса Ельци-

на. Кстати, Государственную премию за свою роль тогда же «получил» и Павел Луспекаев. С припиской в скобках: «Посмертно».

И все-таки он успел попробовать на вкус это сладкое слово «слава».

...Конец марта 1970 года. «Белое солнце пустыни» — впервые на широком экране. Луспекаев радовался, как ребенок.

Актер и режиссер Михаил Козаков вспоминал: *«Паша купил три билета в кинотеатр "Москва", и мы с ним и моей тогда двенадцатилетней дочерью пошли в кино. Была ранняя весна, он медленно шел по улице, опираясь на палку, в пальто с бровым воротником, в широком белом кепи-аэродром — дань южным вкусам, и волновался, как мальчишка. Фильм начался. Когда еще за кадром зазвучал мотив песни Окуджавы и Шварца "Не везет мне в смерти, повезет в любви", он толкнул меня в бок и сказал: "Моя темочка, хороша?"*

После фильма он рассказывал о съемках, хвалил Мотыля, подмигивал мне, когда прохожие улыбались, оборачиваясь на него: "Видал, видал, узнают!" "Теперь тебя уже никогда не забудут, — пообещал я ему. — Журналисты станут брать у тебя интервью, фотографы замучат вспышками. Привыкай!" "Да, буду привыкать», — ответил Паша"»

Вскоре Луспекаев получил сразу три новых предложения сниматься — отныне его увечья режиссеров не смущали. Актер дал согласие

сыграть майора НКВД в приключенческой ленте Григория Аронова «Зеленые цепочки», одну из главных ролей в музыкальной комедии Константина Воинова «Чудный характер» и Вилли Старка — в картине «Вся королевская рать», которую снимал Михаил Козаков. В ней также участвовали Татьяна Лаврова и Олег Ефремов. На 18 апреля были назначены съемки очередного эпизода, а 17-го у Луспекаева был выходной. Утром ему позвонил в гостиницу Козаков. Как рассказывал сам Михаил Михайлович: *«Он как-то странно говорил, путано. Спрашивает меня: "Ты снимаешь сегодня? Счастливый, я не люблю сидеть в номере... Ну, давай, работай". Вот это "Давай, работай" — последнее, что я услышал от него. Я приехал на студию, смотрю, мне навстречу бежит Володя Орлов — второй режиссер, говорит: "Паша умер". Я сначала не понял: "Какой Паша?" "Паша, Паша Луспекаев"»...*

Спустя всего 18 дней после премьеры «Белого солнца пустыни», Павел Борисович умер от разрыва аорты в московской гостинице «Минск», не дожив трех дней до своего сорокатрехлетнего дня рождения. Болезнь все-таки достала его...

Самое удивительное, что даже с его похоронами вышла нестыковка. Сначала, оказалось, что его просто ... негде хоронить. В те дни отмечали столетие со дня рождения Ленина, и государство закрыло все московские кладбища: дескать, в такой праздник трупы могут и в моргах

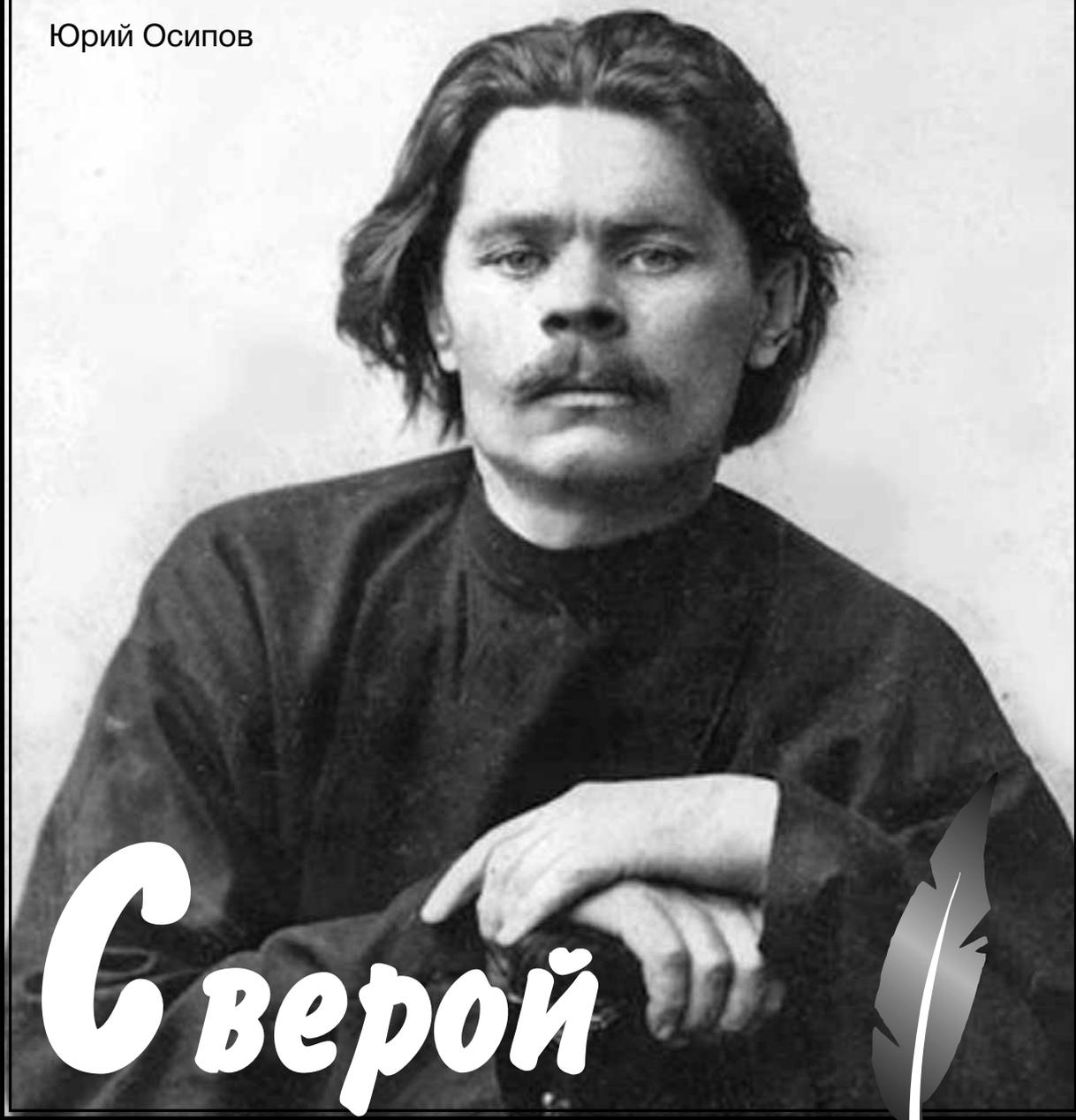

полежать. Михаил Козаков попросил помочь председателя правления ВТО Михаила Царева, но получил отказ. Пришлось купить гроб, нанять машину и везти тело в Питер. Но и там городские власти запретили траурную процессию в центре города как несовместимую с всенародными гуляниями. Тогда директор «Ленфильма» Киселев устроил панихиду на киностудии. Прямо там оформили зал, поставили гроб с телом, туда шли люди попрощаться с актером, и, по воспоминаниям очевидцев, «шли буквально колоннами». Потом окольными путями его «тайно» провезли на Северное кладбище...

Так закончилась жизнь человека, который одной-единственной ролью

вошел в историю и как великий актер, и как человек с негибаемой волей. И память о нем живет не только в зрительских сердцах. Отныне российские таможенники считают Верещагина своим символом. В его честь назван приписанный к порту Владивосток таможенный патрульный корабль «Павел Верещагин», стоят памятники Верещагину в Кургане, Луганске, а в феврале 2014 года огромный монумент открыт в московских Филях — рядом со штаб-квартирой Федеральной таможенной службы. Бронзовый Павел Луспекаев запечатлен с маузером в руке на баркасе контрабандистов. Ниже выбита его знаменитая фраза: *«Я мзду не беру, мне за Державу обидно!»* □

Юрий Осипов

С верой

В человека

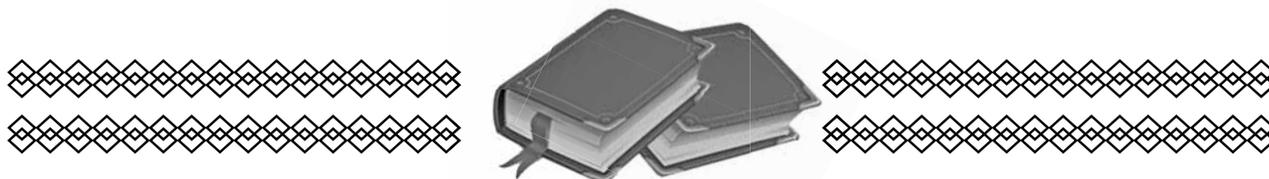
Пожалуй, не найти в истории национальной и мировой литературы рубежа двух последних столетий (за исключением разве Льва Толстого) фигуры столь масштабной, противоречивой и прославленной, как Максим Горький.

Свободолюбивый романтик, зоркий реалист, он дал высокие образцы новой прозы и драматургии, получившие громкое признание во всем

мире. Его рассчитанная на десятилетия вперед издательская и общественно-просветительская деятельность поражает. В годы революции, красного террора и большевистской диктатуры он, благодаря огромному международному авторитету, спасал и кормил десятки выброшенных на обочину жизни деятелей искусства, литературы, науки.

Партийная верхушка присвоила ему почетный титул «великого пролетарского писателя» (за нелюбимую им повесть «Мать»). Титул не очень-то подходил человеку, получавшему колоссальные гонорары в разных странах за издания и переиздания своих книг и привыкшему жить в зрелые годы дома и за границей на широкую ногу.

Больной туберкулезом, он хорошо чувствовал себя на Капри, где снимал виллу, а окончил дни в «золотой клетке» шехтелевского особняка в Москве, откуда его выпускали только в Горки и на крымскую дачу.

Алексей Максимович Пешков, напечатавший свой первый, нашумевший рассказ «Макар Чудра» под выразительным псевдонимом Максим Горький, появился на свет в 1868 году в шумном торговом Нижнем Новгороде, в большом деревянном доме, принадлежавшем его деду по материнской линии, владельцу красильной мастерской Василию Каширину.

Распространенная версия о происхождении писателя из недр народных не слишком соответствует действительности, так как его отец, Максим Пешков, хоть и был столяром, происходил из офицерской семьи. В память о нем автор пьесы «На дне» и назвался в псевдониме Максимом. У матери, Варвары Кашириной, в роду числились одни

мещане, и некоторые литературоведы полагают, что биологическим отцом Горького был на самом деле управляющий конторой Астраханского пароходства И. Колчин.

Отправлять одиннадцатилетнего внука на заработки «в люди», как описано в первой части полуавтобиографической трилогии Горького — «Детство», у деда особой нужды не имелось, хоть он к тому времени разорился. Скорее это было сделано в суровых воспитательных целях. Алеше пришлось поработать «мальчиком» при магазине, буфетным посудником на пароходе, пекарем, подмастерьем в иконописной мастерской.

Рано осиротев (отец умер от холеры в Астрахани, мать свела в могилу

чахотка), Алеша воспитывался в доме деда, окруженный любовью и заботой бабушки, которая заменила ему родителей.

Дед обучил его церковной грамоте и отдал в церковно-приходскую школу, а потом он два года посещал слободское начальное училище в Канавине. Алеша считался трудным подростком, плохо ладил с учителями, но обладал феноменальной памятью, благодаря которой впоследствии довел свое самообразование до поистине академических знаний. Его «школой жизни» на некоторое время стала улица. Там он куролесил со сверстниками, лишенными родительского присмотра, и получил в их среде кличку «Башлык». После уроков с компанией юных босяков собирал тряпье на продажу, подво-

ровывал со складов дрова. На уроках его высмеивали как «ветошника» и «нищоброда». Однажды одноклассники пожаловались учителю, что от Пешкова якобы пахнет помойной ямой, и сидеть рядом с ним неприятно. Уязвленный Алексей бросил училище.

Так и не получив документа о среднем образовании, дававшего право на поступление в университет, будущий писатель буквально набросился на книги. Читал запоем, по ночам, и через несколько лет уверенно цитировал Ницше и Шопенгауэра. А годы спустя вчерашний бродяга-босяк поражал дипломированных приятелей углубленным знакомством с классиками мировой литературы. При этом и в 30 лет Горький писал с массой орфографических и синтаксических ошибок, которые долго еще выправляла его жена Екатерина, профессиональный корректор.

Горький любил называть себя человеком, который «в мир пришел, чтобы не соглашаться». В этом утверждении — ключ к пониманию его жизни и творчества. В 1884 году он приехал в Казань поступать в университет и потерпел неудачу. Пришлось устроиться на работу грузчиком на пристанях. Там же Алексей Пешков начал посещать сходки революционно настроенной молодежи, читать марксистскую литературу. Следующие два года трудился в крендельном заведении и булочных В. Семенова и А. Деренкова. По-

следний был народником и львиную часть доходов направлял на содержание нелегальных просветительских народнических кружков в Казани и подпитку их движения.

несколько дней в больнице. Повздорив с профессором медицины, внезапно схватил в ординаторской большую склянку хлоралгидрата и сделал несколько глотков, после чего

Так и не получив документа о среднем образовании, дававшего право на поступление в университет, будущий писатель буквально набросился на книги, читая их по ночам запоем. А годы спустя вчерашний бродяга-босьяк поражал окружающих своим углубленным знакомством с классиками мировой литературы. Правда, при этом и в 30 лет писал с массой орфографических и синтаксических ошибок, которые выправляла его жена Екатерина, профессиональный корректор

Сочувствуя народникам, позднее — социал-демократам, участвуя тогда и потом в революционно-пропагандистской деятельности, Горький все же оставался «свободным художником», своего рода стихийным анархистом.

А еще, несмотря на жизненные невзгоды и испытания, он был сентиментален и порывист. В 1878 году, потеряв разом бабушку и деда, он, в приступе юношеской депрессии, совершил на высоком берегу Волги, за оградой монастыря, попытку самоубийства, прострелив себе из ружья легкое. Рана оказалась несмертельной, однако послужила началом длительной болезни дыхательных путей, перешедшей с возрастом в туберкулез. Попытку суицида 19-летний юноша повторил через

промыванием желудка был вторично спасен от смерти.

По мнению крупных психиатров, исследовавших особенности его личности, Алексей Максимович в юности был психически неуравновешенным человеком и сильно страдал от этого. Сам Горький в преклонном возрасте отрицал подобные диагнозы.

Так или иначе, но в дальнейшем он проявлял волю и самообладание в критических ситуациях. А их на его долю выпадало в молодости немало. В 88-м году Алексей Пешков приехал вместе с революционером-народником М. Ромасем в село Красновидово под Казанью для ведения революционной пропаганды и был там арестован. Выпущенный затем под строгий надзор полиции, одно время батрачил, работал сто-

рожем на железной дороге. Потом уехал на Каспийское море и подрядился в рыболовецкую артель. Начались знаменитые горьковские странствия по Руси-матушке...

Неуемная натура мотала Пешкова из стороны в сторону. Он попытался, было, организовать среди приволжских крестьян земледельческую колонию толстовского типа. Составил «от лица всех» коллективное письмо Льву Николаевичу и хотел лично передать ему письмо в Ясной Поляне, либо в Москве. Однако Софья Андреевна, изнемогавшая от многочисленных посетителей, которые шли к Толстому за советом, и которых она называла «темными бездельниками», ходока Пешкова не приняла. Он возвратился в Нижний ни с чем. (С Толстым ему предстояло встретиться уже Горьким.)

В конце 1889 года Алексей познакомился в Нижнем Новгороде с почтенным мэтром русской литературы В. Короленко, принесся ему на отзыв свою поэму «Песнь старого дуба». Короленко разнес ее, и удрученный Пешков отправился работать письмоводителем у известного адвоката. Тогда же был арестован по старым казанским «делам» а, выйдя на свободу, продолжил странствия по Руси.

Даже к очень большому таланту мастерство не приходит сразу. Горький свое в буквальном смысле выстрадал. А вместе с ним обрел свою незаурядную художественную и человеческую личность. Поволжье, Дон, Украина (в Николаеве уго-

дил на больничную койку), Крым, Кавказ... Большую часть пути шел пешком. Иногда подворачивалась подвода, иногда удавалось забраться на тормозную площадку товарняка. По пути ради пропитания бурлачил, батрачил, таскал на спине пудовые мешки муки на пристанях.

В Тифлисе, когда наступили ноябрьские холода, устроился рабочим в железнодорожные мастерские и сдружился с участником революционного движения А. Калюжным. Тот, слушая его рассказы о странствиях, настойчиво советовал молодому человеку записывать приключившиеся с ним истории. Так родился «Макар Чудра», драматический рассказ из цыганской жизни. Калюжный через приятеля журналиста сумел пристроить рассказ в газету «Кавказ», и эту публикацию, за подписью «М. Горький», начинающий писатель увез домой в Нижний.

В 1892 году 24-летний странник вступил в гражданский брак с акушеркой Ольгой Каменской, которая была старше его на девять лет и ушла к нему от мужа с маленькой дочерью. Позднее Горький сделает ее героиней рассказа «О первой любви». (Забавным совпадением показалось ему то, что мать Каменской, тоже акушерка, принимала его новорожденным.) Но уже через год, после того как Ольга уснула во время чтения ей мужем только что законченной поэтической новеллы «Старуха Изергиль», они расстались. Глубоко уязвленный автор обмолвился впоследствии, что Ольге

«учебник акушерства заменил всю мудрость жизни». Впрочем, ему самому до «мудрости жизни» тоже еще было далеко.

Рубежи жизни, вехи судьбы. Их у Максима Горького было несколько. Окончательный поворот к литературе он совершил в 1894 году, когда, по рекомендации Короленко, написал рассказ «Челкаш» о приключениях босняка-контрабандиста и отнес его в редакцию «Русского богатства». В редакционном портфеле этот безусловный шедевр ранней горьковской прозы пролежал довольно долго, но, в конце концов, был напечатан и принес писателю первую литературную известность.

В ожидании этого он в 1895 году, по совету все того же Короленко, переехал в Самару и вступил на путь профессионального журналиста, зарабатывая на хлеб статьями и очерками под претенциозным псевдонимом «Иегудиил Хламида». Год спустя Алексей обвенчался с дочерью разорившегося помещика, вчерашней гимназисткой, работавшей корректором «Самарской газеты», Екатериной Волжиной, которая была моложе его на 8 лет. Девушке он казался «полубогом». И, когда вновь заболел бронхитом, перешедшим в воспаление легких, а затем в туберкулез, обрел в лице молодой жены преданную сиделку, дежурившую у его постели, пока он находился в больнице.

Долечивался писатель в Крыму, потом в деревне Мануйловка под

Полтавой, где у супругов родился сын Максим. Одновременно Горький продолжал много писать и публиковаться. В 1898 году он был уже автором популярных журналов «Русская мысль», «Новое слово», «Северный вестник». Не за горами его первое крупное произведение — повесть «Фома Гордеев».

В обеих столицах Горький, тем не менее, пока еще не рисковал появляться и жил с семьей в поселке Каменка Тверской губернии на квартире у своего друга Н. Васильева, который работал на каменной бумагоделательной фабрике и руководил нелегальным рабочим марксистским кружком.

Тем временем новое издательство С. Дороватовского и М. Чарушникова, созданное компаньонами специально под выпуск горьковских сочинений в Москве и Петербурге, большим тиражом напечатало первые два тома его произведений, которые тут же раскупили.

В 1899 году Горький впервые приехал в Санкт-Петербург. Как раз к выходу, опять-таки большим тиражом, третьего тома «Очерков и рассказов». В том же году увидел свет его «Фома Гордеев», и в отечественной литературе утвердилось новое яркое имя.

А параллельно в те же годы появились, одна за другой, выпренокромантическая «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», проникнутые абстрактным призывом к очистительной буре революции. Они от-

вечали зреющему протесту народных масс против тяжелых условий существования, совпадали со смутными настроениями мятущейся российской интеллигенции периода острого кризиса самодержавия и принесли автору славу глашатая перемен.

Эта двойственность натуры, двойственность творчества Горького были обусловлены его стремлением к идеалу, которого он так и не смог обрести. А без идеала любая крупная личность теряет жизненные ориентиры. И Горький искал их в революционной борьбе, понимая при этом сознанием художника ограниченность и антигуманность самих революционеров. Но — закрывал глаза на это очевидное противоречие. Так будет с ним происходить и впредь.

Между тем талант его все больше набирал силу. В 1901–1902 годах писатель создал две выдающиеся пьесы — «На дне» и «Мещане», которые прочно вошли в репертуар мирового театра и вместе с чеховской «Чайкой» во многом определили лицо МХАТа. (В первой мхатовской постановке «На дне» Сатина играл К. Станиславский.)

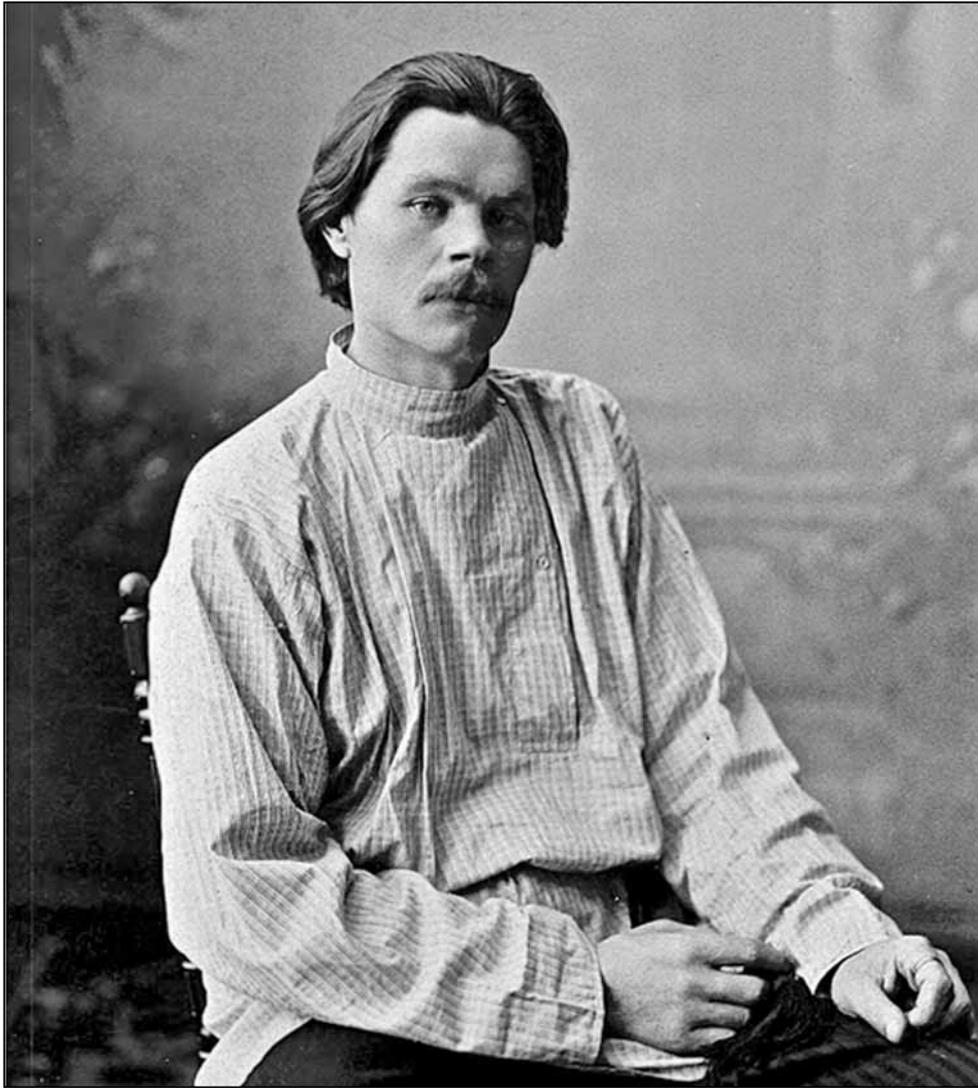
В феврале 1902-го, всего после шести лет литературной деятельности, Горького избрали в почетные академики Императорской Академии наук по разряду изящной словесности. Возмущенный Николай II наложил на акт об избрании следу-

ющую резолюцию: «Более чем оригинально». И не успел писатель воспользоваться своими новыми правами, как его избрание было аннулировано правительством в связи с тем, что новоизбранный академик «находился под надзором полиции». В знак протеста Чехов и Короленко отказались от членства в академии.

В тогдашней художественно-артистической и писательской среде дружить с опальным бунтарем и проявлять с ним солидарность считалось престижным. Горькому старались подражать не только в творчестве, но и во внешнем облике,

Максим Горький с женой Екатериной Волжиной и детьми

в одежде — от манеры носить опущенные книзу усы до широкополых шляп, акцентированной резкости выражений, грубоватого, «простонародного» поведения и даже волжского оканья.

На рубеже нового столетия Горький становится уже не только всемирно известным, влиятельным писателем, но и видным общественным деятелем, просветителем. В просторной гостиной нижегородского дома барона Н. Киршбаума, куда в сентябре 1902 года он переехал с женой и детьми, арендовав 11 ком-

нат, почти ежедневно собирались яркие представители творческой интеллигенции, порой по 30–40 человек. Бывали здесь Толстой, Чехов, Бунин, Репин, Станиславский. И, конечно, закадычный друг писателя — Шаляпин, который тоже снимал квартиру в этом доме и активно участвовал в жизни города.

Квартиру писателя в Нижнем Новгороде называли «Горьковской академией». По свидетельству его современников, в ней царил атмосфера «высокого духовного настроения».

Завести подобный уклад позволили Алексею Максимовичу его необычайно возросшие к тому времени литературные гонорары. Он ведь был уже автором шести томов сочинений, 50 горьковских произведений издавались на 16-ти языках. И это, не считая сотен статей, очерков, монографий. В северной сто-

ву пьесы «Дачники», написал поэму «Человек». Работал он и в дороге, совершая разные поездки по России. В одной из них в жизнь Горького вошла новая большая любовь, в корне изменившая его жизнь.

Мария Федоровна Андреева была умна, красива, успешна и талант-

В тогдaшней артистической и писательской среде дружить с опальным бунтарем и проявлять с ним солидарность считалось престижным. Горькому старались подражать не только в творчестве, но и во внешнем облике — от манеры носить опущенные книзу усы до широкополых шляп, «простонародного», грубоватого поведения и даже волжского оканья. Молодых ревностных последователей Горького, среди которых были такие фигуры, как Куприн, Скиталец, Юшкевич, даже иронически называли «подмаксимками»

лице он основал крайне успешное издательство «Знание» с десятками дешевых книжных серий «для народа», в Нижнем Новгороде щедро финансировал строительство Народного дома, при его финансовой поддержке открылись народный театр и начальная школа имени Ф.И. Шаляпина.

Несмотря на нескончаемый поток гостей, важные общественные дела и заботы, писатель работал над новыми вещами не покладая рук. Закончил «На дне», приступил к работе над повестью «Мать», набросал кан-

лива. Прима Художественного театра, она вместе с труппой выехала 18 апреля 1900 года в Севастополь на показ больному Чехову спектакля «Чайка». Там Горький, гостивший у Чехова в Ялте, с ней и познакомился. Обоим в тот год исполнилось 32. И оба с первой же встречи были покорены друг другом. «*Меня захватила красота и мощь его дарования*», — вспоминала М. Андреева. А он не сводил с нее глаз и называл «чудесной человечинкой».

Они стали видеться часто. Горький в числе других званых гостей

посещал вечера-приемы в богато обставленной 9-комнатной квартире Андреевой и ее мужа, важного железнодорожного чиновника, в Театральном проезде. Окончательно сразила писателя актриса в образе Наташи из спектакля «На дне». Мария Федоровна писала в мемуарах: *«Пришел весь в слезах, жал руки, благодарил. В первый раз я тогда крепко обняла и поцеловала его, тут же на сцене, при всех»*.

Охваченный новой страстной любовью, Алексей Максимович покинул Нижний Новгород и начал попеременно жить в Москве и Петербурге, где перед ним открывались любые двери и любые литературные возможности. Громкая слава, впрочем, его не портила, он по-прежнему был прост и доступен, по-прежнему отзывчив на чужое горе. Очевидно, эти душевные качества повлияли на окончательный жизненный выбор Андреевой. В 1903 году она ушла из семьи, сняла себе квартиру и стала гражданской женой и литературным секретарем Горького.

Год спустя Андреева способствовала сближению писателя с большевиками, большевистской партией, членом которой сама состояла, и в ноябре 1905 года познакомила Горького с вернувшимся из политэмиграции Лениным. После этой встречи Горький вступил в РСДРП, деятельно помогал участникам первой русской революции и укрывал многих из них у себя на квартире. Мария Федоровна взяла в свои руки руководство житейскими делами

Горького, вела его переписку, сопровождала его в концертной поездке по США летом 1906 года, предпринятой по поручению Ленина с целью сбора средств в кассу большевиков для подготовки революции в России.

Безусловно, под влиянием Андреевой и большевиков заметно радикализировалось мировоззрение Горького. Вслед за «Дачниками» появились заряженные куда большим революционным пафосом пьесы «Варвары» и «Дети солнца». Он выступал с гневной антисамодержавной прокламацией по поводу «Кровавого воскресенья» 1905-го года, за что опять был арестован и заключен в одиночку Петропавловской крепости. Но просидел в ней недолго. На защиту Горького поднялись крупнейшие деятели культуры, искусства и науки Европы. В Риме прошли студенческие демонстрации протеста. Под давлением общественности 14 февраля 1905 года власти вынуждены были освободить писателя.

...А вскоре Горький посетил Америку, где его ждал восторженный прием. Его публичные выступления пользовались неизменным успехом и приносили весомый доход. Репортеры буквально осаждали русского писателя. Он произвел сильное впечатление на Марка Твена. Но после того как в прессу просочилась информация о том, что Горький с первой женой не развелся, а с актрисой Андреевой не венчался, пуритански настроенные владельцы отелей сочли их чету оскорбляющей мораль-

ные устои и стали отказывать им в номерах. Приютили пару состоятельные супруги Мартини в своем имении на Статен-Айленд в устье Гудзона.

В горном поместье Мартинов на северо-востоке штата Горький начал писать пролетарский роман «Мать», который закончил уже по возвращении в Россию. А в октябре, в связи с обострением туберкулеза, они с Андреевой поселились в Италии. Там, на Капри, супруги прожили долгих семь лет.

На острове Капри находилась внушительная русская колония, и оттуда ежедневно ходил до Неаполя маленький пароход. Раз в неделю на вилле устраивался литературный семинар для молодых писателей и поэтов. Наездами в «Спиноле» бывали Бунин, Л. Андреев, Шаляпин, Ходасевич с Н. Берберовой, Новиков-Прибой, Дзержинский и другие революционеры. Дважды к Горькому на Капри приезжал Ленин. Их духовное расхождение росло, хотя Ленин продолжал оказывать на Горького значительное влияние.

Дом располагался на склоне горы, высоко над берегом моря, куда любили с веселыми криками сбегать по утрам навещавшие писателя его дети и дети Андреевой. Из каждой встречи с друзьями и близкими Алексей Максимович пытался извлечь крупицы житейских сведений для своих произведений, над которыми трудился с утра до

Мария Андреева

обеда. Поддерживал огромную переписку с корреспондентами из разных стран, выписывал десятки российских и европейских газет и журналов, желая быть в курсе происходящего в мире. Интересовавшие его статьи в иностранных изданиях ему переводила Мария Федоровна, даже итальянским Горький нисколько не овладел: за 15 лет, проведенных в Италии, запомнил и любил повторять лишь одну фразу: «Buonasera!» («Добрый вечер!»).

Случалось, приезжали и совершенно незнакомые люди, правдоискатели, хотевшие узнать у «гуру», как надо жить. Попадались и просто любопытствующие. И с каждым

посетителем Горький был вежлив и терпелив, помня в этом плане Толстого, перед которым преклонялся.

Осенью все гости обычно разъезжались, и Горький погружался в работу. На Капри были написаны трилогия из провинциальной российской жизни «Город Окуров» и 27 коротких рассказов, составивших цикл «Сказки об Италии». Они были опубликованы в большевистской печати и адресованы рабочим, которые их радостно приняли, заявляя: «Горький наш! Наш художник,

как он воочию удостоверился в ее беспощадной жестокости. Да и сам Октябрьский переворот Горький воспринял весьма прохладно.

31 декабря 1913 года, закончив повесть «Детство», Алексей Максимович с Марией Федоровной тронулся в путь домой. Поводом к возвращению послужило объявление российским правительством всеобщей амнистии по случаю 300-летия дома Романовых. Касалось оно, прежде всего, политически неблагона-

Р

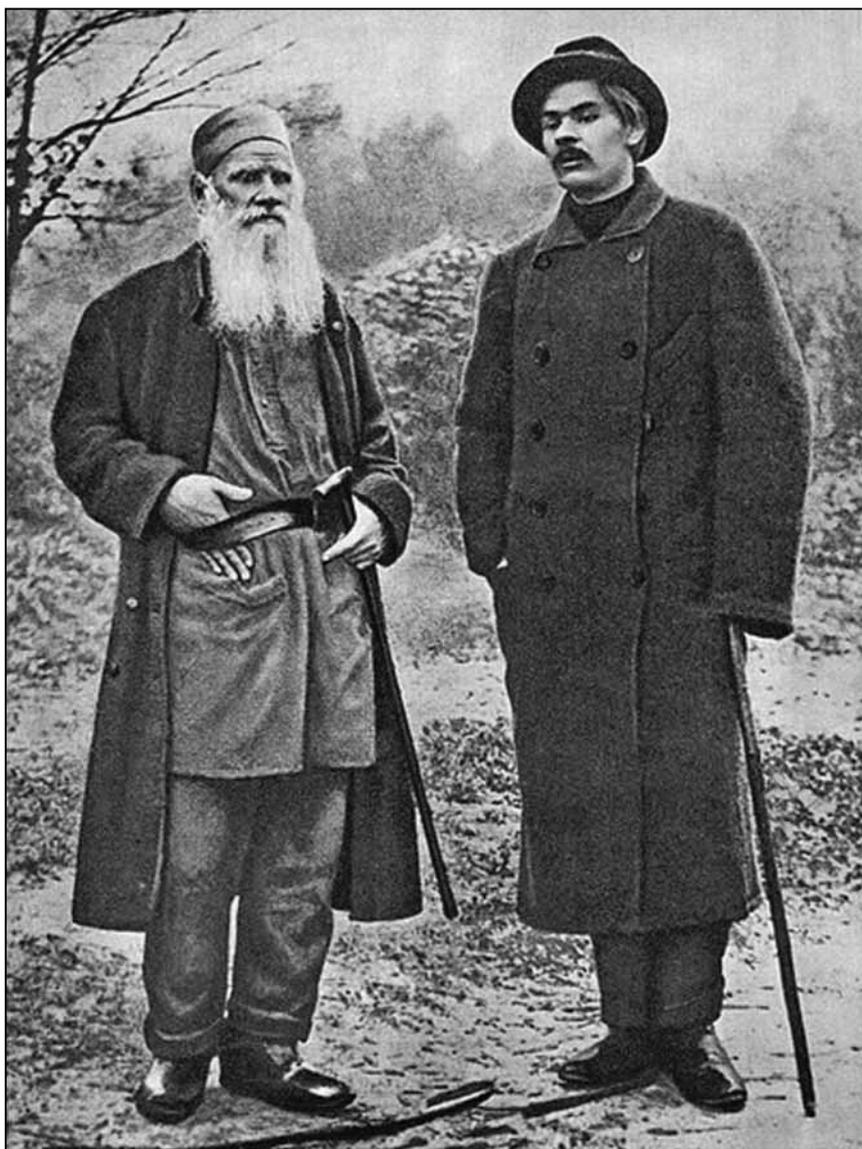
убежи жизни, вехи судьбы. Их у Горького было много. Окончательный поворот к литературе он совершил в 1894 году, когда, по рекомендации Короленко, написал рассказ «Челкаш» и отнес его в редакцию «Русское богатство». В редакционном портфеле он пролежал довольно долго, но, в конце концов, был напечатан и принес писателю первую литературную известность

друг и соратник в борьбе за освобождение труда!» «Великолепными и духоподъемными» назвал «Сказки об Италии» Ленин, который в свое время выразил раздражение и досаду по поводу также написанной Горьким на Капри богоискательской «Исповеди».

Ссорясь и мирясь с Лениным по идейным соображениям, Горький искренне почитал его. Романтическая идеализация надвигавшейся пролетарской революции продолжалась у писателя вплоть до того,

дежных литераторов. На границе с Литвой охранка Горького проглядела, и под наблюдение филеров он был взят уже в Петербурге.

Поселилась чета на Кронверкском проспекте и прожила там до 1919 (по некоторым данным до 1921) года. С разрешения гостеприимных хозяев в 11-комнатную квартиру постепенно набилось до 30 родственников, просто знакомых и даже профессиональных приживал. Большинство из них ничем не помогало по хозяйству и после Февральской

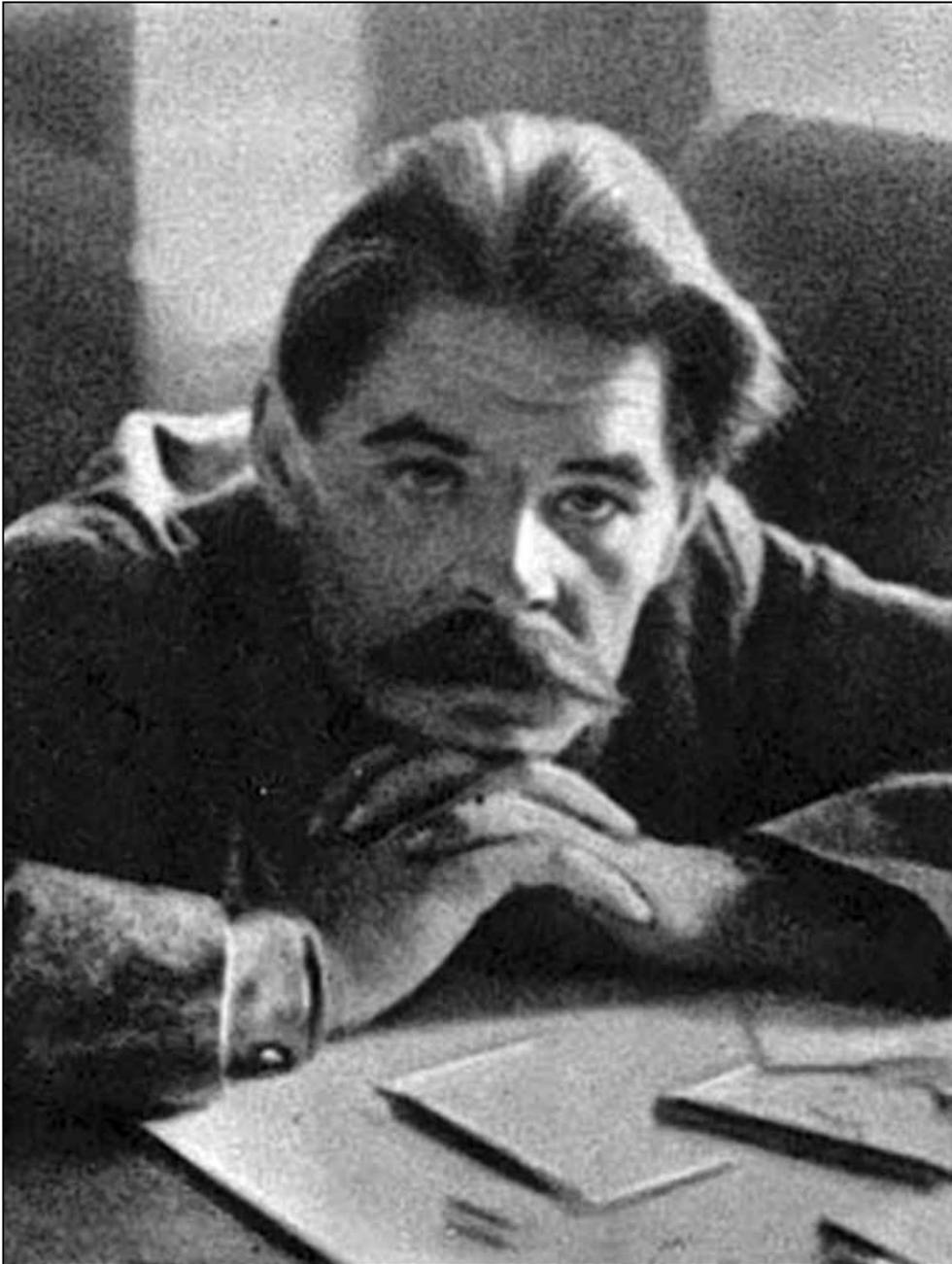

*Максим
Горький
и Лев
Толстой*

революции не получало никаких продпайков, введенных Временным правительством в условиях продолжающейся войны. Октябрь лишь усугубил ситуацию. Искать у Горького спасения от житейских трагедий и классовых преследований новой властью на Кронверкский потоком хлынули профессора, академики, великие князья, не успевшие сбежать к Деникину вчерашние капиталисты, разного рода интеллигенты и, разумеется, свой брат — литератор. Пильняк, Чуковский, Замя-

тин... А кроме них — Л. Рейснер, издатель З. Гржебин, выдающийся театральный режиссер А. Радлов, яркий «мирискусник» М. Добужинский...

Отнюдь не гнушались столь пестрым обществом и наведывавшиеся сюда повидаться с Горьким представители партийной номенклатуры — Л. Красин, А. Луначарский, А. Коллонтай, председатель Петровета Г. Зиновьев, уполномоченный Совета рабоче-крестьянской обороны Л. Каменев. Несколько раз при-

езжал на квартиру Горького из Москвы Ленин.

При этом в петроградской квартире, превратившейся в целое учреждение, писателю каким-то образом удавалось много и плодотворно работать. Он редактировал большевистские газеты «Звезда» и «Правда», художественно-литературный отдел партийного журнала «Про-

свещение». Выпустил первый сборник произведений пролетарских писателей, основал журнал «Летопись» и издательство «Парус». А в издательстве «Парус» вышли первые части автобиографической трилогии Горького — «Детство» и «В людях». (Третья часть — «Мои университеты» — увидела свет в 1923 году.)

Вступив в явную конфронтацию с победившими в Октябре большевиками, писатель принял на себя роль активного правозащитника. Открыто осуждал «красный террор», как мог, спасал представителей старой интеллигенции от большевистских репрессий и голода, даже поднимал голос в защиту арестованных Романовых... С приходом революции писатель продолжал одухотворенно мечтать о «новых идеальных людях», для него сатинские слова из пьесы «На дне»: «Человек — это звучит гордо!» — не потеряли свой гуманистический смысл. И он всеми силами старался сохранить драгоценный человеческий генофонд для будущего.

Именно в эти годы прекратились супружеские отношения Горького и Андреевой. К этому привели их политические разногласия. Алексея Максимовича поражали революционная жестокость и беспощадность к людским судьбам Марии Федоровны. А последней каплей послужил, невзирая на заступничество Горького, расстрел поэта Николая Гумилева и великого князя Павла Александровича, после чего супруги расстались окончательно.

А когда попытки добиться от властей разрешения на выезд А. Блока за границу для лечения (разрешение было получено за день до смерти великого поэта) оказались тщетными, Горьким овладело чувство трагической безысходности. Потянуло уехать...

16 октября 1921 года Максим Горький, с согласия Ленина и по инициативе Зиновьева и советских спецслужб, был отправлен в Германию.

Вскоре после этого Андреева последовала за бывшим гражданским мужем «в целях надзора за его политическим поведением и тратою денег». С собой она взяла нового любовника, по совместительству сотрудника НКВД Петра Крючкова, будущего бессменного секретаря писателя. Они поселились в Берлине, тогда как Горький с сыном и невесткой обосновались за городом.

Не теряя времени, Мария Федоровна устроила Крючкова главным редактором советского книготоргового и издательского предприятия в Германии — «Международная книга» и таким образом сделала его не только зарубежным издателем произведений Горького, но и важным посредником во взаимоотношениях писателя с российскими журналами и издательствами.

В результате, Андреева и Крючков смогли полностью контролировать расходование Алексеем Максимовичем поступавших к нему на счет крупных денежных сумм. Мало того, по договору, подписанному Горьким в 1922 году с Торгпредством СССР в Германии, он терял право самостоятельно или через других лиц издавать свои сочинения — как в России, так и за границей. Единственными оговоренными каналами издания были Госиздат и Торгпредство. За это Горькому выплачивался ежеме-

сячный гонорар в размере 100 тысяч германских марок.

В те годы жизненное поведение Горького не поддавалось никакому логическому толкованию. Он выступал своеобразным «мостом» между СССР и русской литературной эмиграцией, но при этом относился к ней настороженно и не нашел нужным почтить в Берлине чествование по случаю 30-летия своей литературной деятельности, которое устроили дружески расположенные к нему А. Толстой, А. Белый, В. Ходасевич и другие писатели.

Не приехал он и на празднование своего 60-летия на родине, хотя юбилейные торжества проходили с невиданным размахом. Во множестве городов и сел страны были организованы посвященные ему выставки, массовыми тиражами издавались его книги, в театрах шли пьесы и инсценировки горьковских произведений, в образовательных учреждениях, домах культуры и на предприятиях читались доклады о значении творчества Горького для строительства социализма.

Но потом все же решил в 1928 году посетить Советский Союз — по приглашению Советского правительства и лично Сталина.

Берлинский поезд сделал остановку на первой советской станции Негорелое. На перроне в честь Горького собрался многолюдный митинг. И так происходило на каждой станции по дороге к Москве. А там, на площади перед Белорусским вокзалом, писателя встречала многоты-

сячная толпа с плакатами и транспарантами. Часть пути до дома, в котором находилась квартира Е. Пешковой, писателя несли на руках.

Второй приезд Горького в СССР на следующий год носил уже гротесково-зловещий оттенок. На печально известном теплоходе «Глеб Бокий», доставлявшем на Соловки заключенных, в сопровождении самого комиссара госбезопасности Г. Бокия чекисты повезли писателя в Соловецкий лагерь особого назначения. В очерке «Соловки» Горький положительно отозвался о режиме и методах перевоспитания соловецких узников...

Он все же решил остаться в Советском Союзе, и ему был выделен особняк Рябушинского в стиле модерн на Малой Никитской. При этом Сталин обещал Горькому, что он и дальше сможет проводить зиму в Италии, на чем Алексей Максимович настаивал. Однако вместо этого писателю предоставили дачу в Крыму...

В начале 30-х годов Алексей Максимович ждал получения Нобелевской премии по литературе, на которую номинировался пять раз. Просочились сведения, что с года на год ее присудят русскому писателю-эмигранту. Конкурентами Горького считались И. Шмелев, И. Бунин и Д. Мережковский. В 1933 году премию получил Бунин. Горький в глазах Нобелевского комитета статус эмигранта утратил.

Утратил он с возвращением на родину и право распоряжаться со-

бой. Его сделали государственной принадлежностью. «Властитель дум» сразу по приезде получил заказ Сталина — подготовить и провести Первый, объединительный, съезд советских писателей. Для придания большего авторитета «слову и делу» Горького ему были оказаны невиданные почести. Его именем еще при жизни назвали Нижний Новгород. Горький вождя не подвел и развернул кипучую деятельность. Возоб-

году он стал соредактором увесистого тома «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина». А Солженицын охарактеризовал это сочинение как «первую книгу в русской литературе, воспевающую рабский труд».

Правительству было нужно, чтобы Горький продолжал не только общественно-редакторскую деятельность, но и художественное творчество. И он, неотвратимо де-

На острове Капри была внушительная русская колония. Раз в неделю на вилле Горького устраивался литературный семинар для молодых поэтов и писателей. Наездами бывали в «Спиноле» Бунин, Л.Андреев, Шаяпин, Ходасевич с Берберовой, Новиков-Прибой. Дважды к Горькому на Капри приезжал Ленин. Несмотря на возрастающее духовное расхождение, Ленин продолжал оказывать на Горького значительное влияние

новил книжную серию «Жизнь замечательных людей», организовал новые серии: «История фабрик и заводов», «История Гражданской войны», «Библиотека поэта», «История молодого человека XIX столетия», «Литературная учеба». Некоторые из них успешно продолжают и поныне.

В 1934 году Горький участвовал в I Всесоюзном съезде советских писателей, выступил на нем с основным докладом и встал во главе Союза советских писателей, который унифицировал их всех и привел к «общему знаменателю». В том же

градируя в личностном плане, продолжал творить. С поистине молодым талантом и свежестью чувств. Горький по-прежнему оставался писателем идеалистического склада, который предпочитал «додумывать жизнь», причем в «радостном направлении, начиная с того момента, где она принимает нежелательные черты». Не случайно Лев Толстой называл его «сочинителем».

После десятилетнего перерыва писатель вновь обратился к драматургии, задумав цикл пьес о до-революционной России (иной он так

и не понял, и не узнал). Первой пьесой этого цикла явился «Егор Булычев и другие», а второй — «Достигаев и другие». Обе вначале были поставлены на сцене МХАТа и разошлись затем вместе с прежними пьесами Горького по театрам страны. Самой удачной оказалась в 1935 году мхатовская постановка «Врагов».

Главным же литературным свершением писателя в последний период жизни стал итоговый роман-эпопея в четырех частях «Жизнь Клима Самгина», в котором Горький перестает быть «сочинителем» и вы-

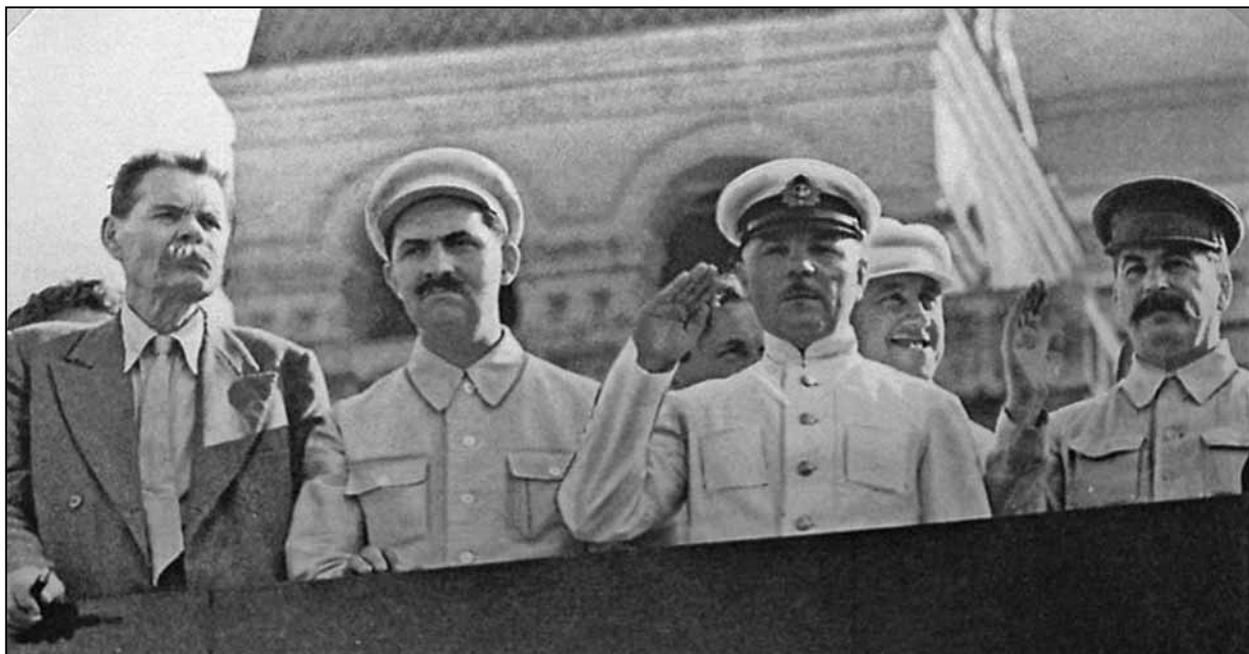
ступает выдающимся художником. Он создавал это произведение одиннадцать лет, не успел дописать финал, но роман, тем не менее, воспринимается как цельное и законченное произведение о судьбах русской интеллигенции в переломную историческую эпоху.

Работа над романом часто прерывалась «госзаказами». Одним из них явился большой очерк о Ленине, теплый и искренний, написанный скорее по велению сердца. О Сталине, как тому ни хотелось, Горький так ничего и не сочинил.

*Беседа
Иосифа
Сталина
с Максимом
Горьким*

Справа:
*Горький,
Каганович,
Ворошилов,
Сталин
на трибуне
мавзолея,
1931 год*

Зато выполнил другой сталинский заказ.

В 1934 году произошло трагическое для писателя событие — неожиданно скончался его любимый сын Максим. По одной версии, он простудился и заболел крупозным воспалением легких на даче в Горках, проведя холодную ночь в саду. По другой — его напоил и «забыл» на лавке секретарь Горького Крючков. Сам Алексей Максимович в момент, когда наверху умирал сын, обсуждал на первом этаже дачи с профессором А. Сперанским проблему бессмертия, которую считал актуальной и достижимой для науки...

Потом он часто будет один навещать могилу Максима на Новодевичьем кладбище, словно винясь перед покойным сыном за свою черствость к нему в предсмертные часы. Самому же Горькому отпущено было прожить еще совсем недолго в обстановке усиливавшихся ста-

линских репрессий и всеобщего страха. Алексей Максимович был подавлен и молчалив, чувствовал себя неважно, круг общения все больше сужался. Случались еще интересные встречи и беседы, например, с Роменом Ролланом, приехавшим в 1935 году в Москву. Развлекал за вечерним столом неподражаемыми устными рассказами Ираклий Андронников, которого привозил Алексей Толстой. Порадовало ностальгическое путешествие на пароходе по Волге.

...В конце мая 1936 года Алексей Максимович в неважном состоянии вернулся поездом в Москву после отдыха на даче в Крыму — заразился гриппом от внучек, Марфы и Даши. Вдобавок простудился на следующий день на холодном ветру у могилы сына. Три недели пролежал больной в Горках, и вскоре стало ясно, что он не выздоровеет. Трижды к постели умирающего

писателя приезжал Сталин. Горький нашел в себе силы поддержать с ним беседу о женщинах-писательницах, французской литературе и жизни французского крестьянства. В сознании оставался до последнего часа. попрощался с родными и близкими, включая официальную супругу Е. Пешкову, невестку Тимошу, личного секретаря в Сорренто М. Брудберг, домашнюю медсестру и друга семьи О. Черткову (Липу).

18 июня около 11 часов утра Максим Горький скончался на 69-м году жизни. Последние его слова, оставшиеся в истории, были сказа-

Сталина тело кремировали, а урну с прахом замуровали в Кремлевскую стену. При этом вдове Горького, Е. Пешковой, было отказано в просьбе захоронить часть праха в могиле сына на Новодевичьем кладбище. Во время торжественных похорон урну с прахом писателя несли к Кремлевской стене Сталин и Молотов...

Возвеличивание Горького началось сразу после смерти. Его именем назвали заводы, бывшую Тверскую в Москве, улицы, площади, проспекты в других городах и по-

Возвеличивание Горького началось сразу после его смерти. Его именем назвали заводы, бывшую Тверскую улицу, площади, проспекты, теплоходы, Центральный парк культуры и отдыха столицы.

В своем традиционном длиннополом пальто он встал бронзовым памятником на площади Белорусского вокзала. Не говоря уже об изданиях горьковских произведений — они выходили миллионными тиражами...

ны им медсестре Липе: «А знаешь, я сейчас с Богом спорил. Ух, как спорил!» Тут же на столе в спальне было произведено вскрытие, в ходе которого выяснилось, что легкие писателя находились в ужасающем состоянии, врачи поражались, каким образом он вообще дышал. Мозг Горького был извлечен и доставлен в московский Институт мозга для дальнейшего изучения. По приказу

селках, поезда, теплоходы, Центральный парк культуры и отдыха столицы. В своем традиционном длиннополом пальто он встал бронзовым памятником на площади Белорусского вокзала. Тиражи изданий горьковских произведений насчитывали десятки миллионов экземпляров.

Сегодня мы вглядываемся в грандиозную фигуру Горького незамут-

ненным идеологической пропагандой взглядом и можем с высоты прошедших лет оценить его реальный вклад в отечественную и мировую литературу. При всех своих ошибках и заблуждениях, наивном идеализме, неразборчивости в дружбах, простительном тщеславии и романтической позе — он остается одним из тех замечательных писателей прошлого, которых хочется перечи-

тывать на новом крутом повороте русского исторического пути.

В начале XXI века, когда вошло за правило как можно больше потреблять и как можно меньше думать, особенно привлекательными, даже спасительными оказываются романтические идеалы Горького, мечтавшего *«о новом типе человека, сочетающего силу и культуру, гуманность и решимость, волю и сострадание»*. □

Лариса Колычева

Первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома комсомола
Первый заместитель заведующего отделом комсомольских
органов ЦК ВЛКСМ
Делегат XV, XVII, XIX, XX съездов комсомола

Комсомол — это вся моя жизнь!

Вся моя сознательная жизнь связана со святым для меня понятием «Комсомол». Я думаю, что каждый, кто вплотную соприкасался с ним, поймет, какую дорогу по жизни мне посчастливилось пройти. Душа моя, сердце мое — неразрывный сплав с комсомолом. Заряд, полученный от

работы в этой замечательной организации, является и будет являться постоянным источником энергии до окончания лет моих. Я — женщина, и не могу без счастливых слез вспоминать свои первые шаги в комсомоле, встречи с юностью, нашу бескорыстную дружбу, когда мы были дей-

ствительно единой семьей и принесли без оглядки на жертвенный алтарь свое спокойствие, благополучие, личные притязания на жизнь.

Родилась я в Приморском крае, в городе Тетюхе, сегодня он называется Дальнегорском, где папа работал на Сихоталинском горнообогатительном комбинате. Потом его перевели в Казахстан, в город Зыряновск, и там я пошла в школу. Была очень активной, меня избрали секретарем комитета комсомола и председателем Совета школы. Это была новая форма самоуправления школы старшекласниками. Директор школы и педагогический коллектив ни одного важного вопроса без нас не решали. После окончания школы с серебряной медалью пошла работать лаборантом в центральную химическую лабораторию Зыряновского свинцового комбината и вскоре уже была в составе комитета комсомола предприятия. Можно сказать, началось мое становление и закалка как личности с одновременным познанием реалий жизни. Потому что никакой другой фактор не дает столько молодому человеку, как работа в производственном коллективе, когда ежедневно приходится общаться с людьми разных профессий и возрастов, особенно с рабочими.

Так, постепенно приобретая опыт и завоеывая авторитет, начинала понимать свою роль и предназначение, пытаюсь определить скрытые во мне способности. Меня избрали заместителем секретаря комитета комсомола комбината, а затем секретарем.

Комсомольская организация не маленькая, более 900 человек, с правами райкома, ребята в большинстве — горняки, обогатители. Тут и пригодился уже наработанный опыт общения. Делала все от души, с энтузиазмом и удовольствием. Не могу не вспомнить золотое время начала семидесятых, грандиозных по тем временам состязаний двух комбинатов — Лениногорского полиметаллического и нашего Зыряновского, причем не только производственных, но и в рамках КВН тоже. Эти юморные баталии показывало областное телевидение, едва только оперившееся. Тогда телевизоры еще были не у каждого, а мы уже в эфире, на экране. Разве такое можно когда-либо забыть?! До сих пор, встречаясь с Володей Пономаревым, бывшим секретарем комитета комсомола наших соперников, с веселым юмором вспоминаем наше состязание в КВН.

С непроходящим чувством восхищения, восторга и гордости за наше великое единение вспоминаю, как меня, в 1966 году делегата XV съезда ВЛКСМ, девчонку из Восточного Казахстана, поздравляли с 20-летием все делегаты комсомольского форума.

Энергетика таких событий впитывается в каждую клеточку организма, остается на всю жизнь и вырабатывает иммунитет от всего плохого в человеческих отношениях. Я впервые оказалась в Москве, впервые увидела космонавтов и, конечно, домой уехала с автографами почти всех космонавтов-делегатов съезда комсомола. Никогда не забуду выступление на этом съезде гениальной Александры Нико-

лаевны Пахмутовой, тогда еще не обремененной регалиями и наградами, а молоденькой улыбчивой девушки, чьи песни уже полетели по стране и стали любимыми.

Она маленького роста, поэтому за трибуной стояла на скамеечке. Так совпало, что в этот день болгарская делегация преподнесла сюрприз — из Софии привезли гвоздики и каждому делегату вручили по цветку. А когда Александра Пахмутова выступила, то с задних рядов пошла волна гвоздик, и ее буквально завалили цветами. Она стояла с огромной охапкой гвоздик и не знала, что делать.

К ней подбежал Александр Медведь — трехкратный олимпийский чемпион и многократный чемпион мира, Европы и СССР по вольной борьбе, в полном смысле великан, поднял ее на руки и с букетом понес с трибуны. Зал стоя провожал ее громом аплодисментов.

Вернувшись домой, я побывала на очень многих предприятиях области и захлеб рассказывала о своих впечатлениях о съезде. Молодежь слушала меня с большим интересом, задавала огромное количество вопросов.

В 1971 году меня избрали первым секретарем Зырянского горкома комсомола, в котором удалось сформировать работоспособный и умелый актив, и где я продолжила нарабатывать первые навыки комсомольского вожака.

Я горжусь своей принадлежностью к Казахстанской республиканской комсомольской организации. Комсомол Казахстана славен многи-

ми своими делами — ударными комсомольскими стройками, молодежными овцеводческими бригадами, освоением целинных земель и миллионами пудов зерна в закрома государства. Все не перечесать!

А разве можно забыть такие комсомольские дела, как шефство над Зайсанским и Курчумским погранотрядами. Помимо материальной помощи и обустройства дальних застав, сколько комсомольцы вложили души в шефские связи с пограничниками, кто это может сегодня подсчитать?! За большой вклад комсомольцев области в укрепление нашей границы я была награждена медалью «За отличие в охране государственной границы СССР», удостоверение подписал Юрий Владимирович Андропов, и я этим очень горжусь.

Незабываемым было и республиканское совещание по вопросам участия молодежи в дальнейшем развитии овцеводства на базе Талды-Курганской области, куда съехались представители всех союзных республик. В то время первый секретарь обкома комсомола Куаныш Султанов показал всем образец организации таких масштабных мероприятий и высший класс казахского гостеприимства!

Я всегда с большой теплотой и признательностью вспоминаю секретарей ЦК ЛКСМ Казахстана: Закаша Камалиденовича Камалиденова, Геннадия Васильевича Митрофаненко, Виталия Алексеевича Брынкина, своих коллег, первых секретарей обкомов комсомола — Шамшу Беркимбаеву, Геннадия

Зайченко, Куаныша Алпысбекова, Славу Медведева, командира республиканского ССО — Сашу Казакова, своих друзей по горкому и комитету комсомола — Хатиру Нугуманову, Валеру Ивенко, Любу Борисюк, Валеру Ферхо, Свету Асанову, Валеру Доскалова и многих других, которые и сегодня всегда со мной рядом. Нас связывала настоящая дружба, уважение и поддержка друг друга.

Так сложилось, что я прошла все этапы комсомольской работы: пять лет в комитете комсомола Зырянского комбината, в гуще рабочего коллектива, потом первым секретарем горкома комсомола, затем первым секретарем обкома, поэтому, когда меня утвердили заместителем заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, а чуть позже первым заместителем, я к этому была уже готова. Тем паче, что успешно окончила Академию общественных наук при ЦК КПСС. И у меня не было никаких проблем в общении с руководителями областных, краевых и республиканских организаций, поскольку я говорила с ними, что называется, на одном языке. И, конечно же, мне повезло на учителей. Особенно очень многому научилась у первого секретаря обкома партии Протозанова Александра Константиновича, который умел работать с кадрами, мы все учились у него и брали с него пример.

С особой теплотой вспоминаю годы работы в отделе комсомольских органов ЦК под руководством Волчихина Виктора Гавриловича. Можно сказать, я перед ним преклоняюсь. Будучи

большим профессионалом, он умел тихо, спокойно, не повышая голоса, и спросить, и подсказать, и посоветовать. Всегда очень интеллигентно и, в то же время, четко проводил все заседания, совещания, обсуждения. И это при том, что в отделе работали люди, имеющие большой опыт работы.

Отдел комсомольских органов — это сердце, мотор в ЦК ВЛКСМ, пусть не обижаются другие отделы, я очень уважительно отношусь ко всем. Но особая роль во взаимодействии с комсомольскими организациями республик, краев и областей принадлежит, конечно, орготделу, в котором я проработала более одиннадцати лет — это было неповторимое, счастливое время!

Лучшие представители комсомольских организаций страны были делегированы на работу в орготдел ЦК ВЛКСМ. Это люди высочайшего профессионализма, ответственности, честности, опыта работы на разных уровнях комсомольских организаций. Многие ребята отдела были рекомендованы руководителями других отделов ЦК ВЛКСМ, первыми и вторыми секретарями ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов комсомола, для работы в загранучреждениях за рубежом, советниками ДОМА (Афганистан). До сих пор считаю, что мой отдел — самый родной, самый любимый, самый лучший! И сегодня я продолжаю дружить со многими моими бывшими коллегами.

Работая первым секретарем обкома комсомола и в орготделе ЦК, я ча-

сто общалась с первыми секретарями ЦК ВЛКСМ Евгением Михайловичем Тяжелниковым, Борисом Николаевичем Пастуховым и Виктором Максимовичем Мишиным. Я очень многому училась у каждого из них, они высочайшие профессионалы, которые про комсомол знали все, могли и подсказать, и заставить работать, если нужно, не унижая человеческого достоинства. Каждый из них немало вложил в мое становление, профессионализм, умение работать с молодежью и понимать ее потребности.

Это были лидеры молодежной организации страны, и сегодня они остаются во главе нашей Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодежи «Воспитанники комсомола — Мое Отечество» и Международного Оргкомитета «Комсомолу-100».

Хочу обязательно помянуть добрым словом Федосова Владимира Ивановича. Интеллигентный, очень совестливый и искренне преданный комсомолу человек. И сегодня при подготовке уже традиционных праздников и других мероприятий его не хватает. Не хватает его опыта, умения, улыбки, которые создавали настроение, помогали и поддерживали многих в трудные минуты жизни.

Он очень рано ушел. И очень быстро. Потому что ему некогда было «прислушиваться» к своему здоровью, он жил не своими интересами, он больше интересовался самочувствием и здоровьем друзей и стремился им помочь. Когда же ему са-

мому потребовалась помощь, было уже поздно...

Наша комсомольская юность — замечательное и удивительное время! Молодежь имела свою организацию, была востребована на самых важных участках развития народного хозяйства нашей страны. Мы формировали и отправляли эшелоны добровольцев на строительство БАМа, на освоение Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса и другие ударные стройки страны. А шефство комсомола над детскими домами?! В то время над каждым детским домом шефствовала какая-нибудь комсомольская организация.

Добрая дружба связывала комсомол с нашими любимыми космонавтами, и эта дружба продолжается по сей день. У меня очень теплые отношения с семьей космонавта Валентина Лебедева, дважды Героя Советского Союза, талантливого ученого, члена корреспондента РАН.

Я постоянно поддерживаю связь с моими комсомольскими коллегами в территориях нашей страны и странах ближнего зарубежья.

Сегодня комсомольской организации больше не существует, но душа осталась комсомольской. Я — счастливый человек! Говорят, что друзей много не бывает, а у меня их очень много! В каждом уголке нашей необъятной родины, бывшего Советского Союза, у меня есть друзья! Жизнь моя — это Комсомол, и Комсомол — это моя жизнь! □

Светлана Бестужева-Лада

РУССКИЕ АРИСТОКРАТЫ В ПАРИЖЕ

После революции 1917 года многие российские аристократы, оказавшиеся в эмиграции, брались за любую работу и нередко достигали заметных успехов, хотя начинали новую жизнь, как говорится, с чистого листа. Да, многим русским мужчинам-аристократам приходилось становиться шоферами такси, чтобы как-то выжить. Но самые умные (и самые красивые) женщины высокого происхождения нашли собственный путь к успеху и богатству.

Разумеется, их «вторая жизнь» уступала по утонченности и светскости первой, но зато принесла им громкую славу в мире высокой моды. Легендарная Коко Шанель любила работать с российскими эмигрантками-аристократками, так как у них, по ее мнению, было врожденное чувство стиля, идеальная осанка и безупречные манеры.

Коко Шанель оказалась очень прочно связанной с русскими эмигрантами — не только красивыми аристократками, но и известными деятелями культуры. Впрочем, обо всем по порядку.

ДВЕ ГРУЗИНКИ, ПОКОРИВШИЕ ПАРИЖ

Грузинская княжна Анна Чавчавадзе, в замужестве графиня Воронцова-Дашкова, организовала во Франции собственное дело в сфере модной индустрии, добилась признания за рубежом и положила начало «моды на Грузию».

Анна Ильинична Чавчавадзе родилась в Тифлисе в 1891 году. Она происходила из старинного грузинского княжеского рода. Она была названа в честь своей бабушки — внучки царя Георгия XII Анны Ильиничны Грузинской.

Первый брак княжны с грузинским аристократом Осико Мамацашвили продержался недолго и закончился разводом. Ее вторым мужем стал граф Александр Воронцов-Дашков, сын наместника на Кавказе графа Иллариона Воронцова-Дашкова.

Их бракосочетание состоялось в 1916 году в Петербурге, где они и поселились в собственном особняке. Графиню называли одним из главных украшений императорских балов в Петербурге, вся столица обсуждала ее наряды, пуговицами на которых служили крупные бриллианты.

После октябрьской революции муж графини Воронцовой-Дашковой оказался в рядах Добровольческой армии, а сама она переехала на дачу в Эссентуки, где у нее родился сын Илларион. Однако вско-

ре всему семейству пришлось спастись бегством из страны. Несколько раз им приходилось скрываться, чтобы избежать ареста и расстрела. Об этих днях графиня вспоминала:

«Подробно обо всех ужасах писать невозможно, столько крови, столько слез и горя кругом».

Во время отступления Добровольческой армии из Крыма семья Воронцовых-Дашковых переправилась в Константинополь, а оттуда они уехали во Францию.

Поскольку достаточных средств к существованию у семьи теперь не было, Анна Ильинична была вынуждена искать работу. Сначала она устроилась манекенщицей в Дом моды «Шанель». Ее главным заданием было появляться в театре, на приемах и других светских мероприятиях в платьях от Коко Шанель и на вопросы о том, где она достала такие изысканные наряды, отвечать:

— Это — подарок моей коллеги Коко.

Графиня Воронцова-Дашкова была одной из любимых манекенщиц Шанель, она считала ее удивительно элегантной и красивой.

Писатель Игорь Оболенский, автор публикаций о российских аристократах-эмигрантах во Франции, называет графиню Воронцову-Дашкову «светской манекенщицей», так как «в те годы в парижских домах моды существовало несколько видов манекенщиц: одни демонстрировали платья непосредственно клиенткам, а другие появлялись в нарядах на приемах, обедах и кок-

*Анна
Чавчавадзе
(графиня
Воронцова-
Дашкова)*

тейлях, то есть на значимых светских событиях. Поэтому такие манекенщицы, собственно, и назывались светскими».

В августе 1924 года грузинская графиня открыла собственный Дом моды в Париже на рю Колизе. Она дала ему название «Имеди», что в переводе с грузинского означает «надежда». Ее клиентками стали представительницы богатых и знатных семей Франции, Великобритании, Голландии, а также дочери новоиспеченных американских миллионеров. Оболенский пишет:

«Графиня положила начало моды на Грузию. Увлечение Кавказом в начале двадцатых годов стало всеобщим. Журналы рекламировали

ткань под названием Tiflis, конкурирующие дома моды шили одежду в стиле caucasien, а в районе Монмартра открывались бесконечные рестораны кавказской кухни».

Повальному увлечению «грузинской модой» способствовало и то, что по вечерам в ресторанах выступали джигиты с танцевальными номерами, а грузинские красавицы-аристократки появлялись в дизайнерских платьях на светских мероприятиях и шили собственные коллекции.

Наблюдая рвение, с которым графиня Воронцова-Дашкова взялась за работу, один из французских обозревателей писал:

«Трудно впасть в преувеличение, говоря о мужестве, с которым дамы

*Мэри
Шервашидзе
(княгиня
Эристова)*

из высшего русского общества, изгнанные со своей родины революцией, принялись за работу».

К сожалению, Дом моды «Имеди» ожидала та же участь, которая постигла практически всех дизайнеров: с началом экономического кризиса в 1929 году модная индустрия пришла в упадок. Позднее семья Воронцовых-Дашковых переехала в Германию и последние годы жила прак-

тически в нищете. Там графиня и умерла в 1941 году и была похоронена на кладбище Тегель рядом с мужем, которого она пережила на три года.

Графиня Воронцова-Дашкова была не единственной грузинкой, диктовавшей моду в Париже. Кроме Дома моды «Имеди» в Париже также открылся Дом моды Нины Шервашидзе. Они диктовали стиль, став-

ший господствующим трендом в европейской модной индустрии на несколько десятилетий.

Грузинская княжна Мэри Шервашидзе, в замужестве княгиня Эристова, работала во Франции моделью. И хотя сама она считала эту профессию унижительной для себя, без труда покорила подиумы и была признана одной из самых красивых женщин XX века.

Мэри родилась в Грузии в аристократической семье, ее отец, князь Шервашидзе, был членом Государственной думы Российской империи. Вскоре после рождения дочерей семья переехала в Петербург, Мэри воспитывалась там и благодаря своему аристократическому происхождению, прекрасным манерам и яркой внешности стала фрейлиной императрицы Александры Федоровны.

С юных лет княжна Шервашидзе отличалась яркой красотой, привлекающей внимание многих мужчин. С именем Мэри связано немало легенд. Например, о том, как княжна, постоянно опаздывавшая на мероприятия, однажды пришла на панихиду позже императора и посмела войти в зал, что было нарушением правил придворного этикета. Но Николай II не только не выразил недовольства, но и сделал ей комплимент:

— Грешно, княжна, быть такой красивой.

После революции княжна в числе многих российских аристократов уехала в Тифлис. Там портрет Мэри написал пораженный ее красотой

художник Савелий Сорин. С этим связана еще одна легенда: якобы этот портрет в течение многих лет висел в спальне у принцессы Монако Грейс Келли, и по утрам она сначала подходила к картине, а потом к зеркалу, определяя таким образом, хорошо ли она сегодня выглядит.

В 1915 году грузинский поэт Галактион Табидзе создал цикл стихотворений «Мэри». Есть версия, что его музой стала княжна Шервашидзе: однажды она прошла мимо него в парке, даже не заметив, а поэт до конца дней не мог о ней забыть.

Поклонников у княжны Мэри всегда было множество, но ее сердце всю жизнь принадлежало одному мужчине — ее супругу, князю Георгию Эристави (Эристову), который был потомком грузинского царя Ираклия II. Их свадьба состоялась в 1919 году, а в 1921-м, после того как в Грузии установилась советская власть, Эристовы решили эмигрировать. Они уехали в Константинополь, а оттуда — в Париж.

Княгиня Эристова стала работать моделью в модном доме «Шанель». Дворянки из Российской империи пользовались тогда во французской модной индустрии невероятной популярностью. Гордая осанка, благородный профиль и утонченные манеры Мэри Эристовой производили настоящий фурор среди публики. Очень быстро она стала одной из лучших моделей Шанель.

Несмотря на громкий успех, княгиня считала подобную работу унижительной. Бывшая фрейлина импе-

ратрицы считала ниже своего достоинства зарабатывать деньги, дефилируя по подиуму. При первой же возможности она оставила это занятие и больше никогда не вспоминала о том, что ей пришлось работать моделью.

В 1947 году ушел из жизни ее любимый муж. Княгиня так тяжело переживала его смерть, что не только больше никогда не вышла замуж, но и обрекла себя на добровольное заточение в Доме престарелых. Правда, условия проживания там были вполне достойными: она занимала три роскошно меблированных комнаты и ни в чем не нуждалась.

Даже в зрелом возрасте княгиня продолжала сводить с ума мужчин, но никому не отвечала взаимностью. Ее появление на публике всегда вызывало восторг, но она была к нему равнодушна. До конца дней она сохранила благородную осанку и гордый нрав. Мэри Эристова скончалась в 1986 году.

ДЕЛО ЮСУПОВЫХ

В 1920-х гг. законодателями моды во Франции были и русские знатные выходцы из России Ирина и Феликс Юсуповы, основавшие Дом моды «IrFe» («Ирфе»). Наряды в роскошном аристократическом стиле пользовались большим спросом не только в Париже, но и в Берлине, и в Лондоне.

Княжна Ирина Романова была внучкой императора Александра III,

а Феликс Юсупов принадлежал к древнему роду, одному из самых богатых в России. Их свадьба состоялась в 1914 году. Подвенечный наряд великой княжны Ирины Романовой был роскошным, на ней была хрустальная диадема с алмазами и фата из драгоценных кружев XVIII века — та самая, в которой Мария-Антуанетта венчалась с французским принцем Луи.

Знакомые шептались, что эта вещь казненной королевы принесет несчастье новобрачным, но Ирина никого не слушала — она любила своего избранника. Он тоже был искренне увлечен княжней. Рядом с женой Феликс, которого многие считали гулякой и распутником, преобразился и остепенился.

В марте 1915 года у супругов родилась дочь, Ирина Феликсовна Юсупова.

А в декабре 1916-го Феликс Юсупов участвовал в убийстве Григория Распутина. Он избежал наказания, но семья вынуждена была уехать из Петербурга. Вскоре грянула революция, какое-то время Юсуповы жили в своем имении в Крыму, а потом эмигрировали во Францию. В России Юсуповым пришлось оставить 5 дворцов, 14 доходных домов, 30 усадеб, 3 завода и рудники.

Первое время супруги Юсуповы жили безбедно, распродавая драгоценности, которые удалось вывезти из России. Но потом они так же, как и многие другие представители аристократических семей, были вынуждены искать дополнительные источ-

*Князь Феликс
Юсупов
и княгиня
Ирина
Юсупова
(Романова)*

ники заработка. Ирина и Феликс решили открыть собственный Дом моды. В 1924 году они осуществили планы и назвали свое детище по первым двум буквам своих имен — «Ирфе».

Во французских журналах сразу появились первые отзывы об их моделях:

«Оригинальность, рафинированность вкуса, тщательность работы и художественное видение цветов сразу поставили это скромное ателье в ранг больших домов моды».

Европейских и американских клиенток привлекала возможность одеваться у внучки российского императора, многие приходили в «Ирфе» с единственной целью увидеть знаменитую супружескую чету. В мемуарах князь писал, что клиентки *«приходили из любопытства и за экзотикой. Одна потребовала чаю из самовара. Другая, американка, захотела видеть князя, у которого, по слухам, глаза фосфоресцировали, как у хищника».*

Весь персонал Дома моды состоял из русских эмигрантов, но никто

*Модели дома
моды князей
Юсуповых
«Ирфе»*

*Княжна
Ирина
Оболенская
в платье
дома моды
«Ирфе»*

из них не имел никакого представления об организации работы в модной индустрии. Высокая, стройная княжна Юсупова часто выступала в роли манекенщицы и сама демонстрировала модели Дома моды «Ирфе».

У Ирины был безупречный вкус, а у Феликса — неумная фантазия, что стало залогом успеха их общего дела. Супруги Юсуповы были признаны законодателями французской моды в 1920-х годах. Вскоре они открыли филиалы в Туке — курортном городе в Нормандии, а также в Лон-

доне и Берлине. Феликс также открыл магазин юсуповского фарфора, участвовал в оформлении трех парижских ресторанов, а вместе с Ириной они выпустили духи «Ирфе».

И тут наступила Великая депрессия, грянул кризис, и Юсуповы потеряли большую часть капиталов, вложенных в американские банки, и утратили богатую клиентуру из США. Бизнес стал убыточным, роскошный аристократический стиль «Ирфе» оказался многим не по карману, в моду входили простые и уни-

версальные наряды от «Шанель». Юсуповым не хватало деловой хватки, и в 1931 году было принято решение о ликвидации Дома моды «Ирфе» и его филиалов...

Семейный бюджет удалось пополнить за счет выигранного иска против голливудской студии MGM. В 1932 году на экраны вышел фильм «Распутин и императрица», где утверждалось, что жена князя Юсупова была любовницей Распутина. Юсупову удалось доказать в суде, что подобные инсинуации — сплошная клевета.

Во время Второй мировой войны князь отказался поддержать нацистов, но и отверг предложение вернуться в Россию. После войны супруги жили в очень стесненных финансовых условиях.

Князь Юсупов скончался в 1967 году, а Ирина, пережив его на три года, — в 1970-м. Ее похоронили в могиле матери Феликса — Зинаиды Юсуповой на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, так как денег еще на одно место на кладбище не нашлось.

Почти через 80 лет Ольга Сорокина, бывшая модель, а сегодня жительница Парижа, решила возродить Дом IRFE. Накануне принятия этого решения она посетила внучку Юсуповых Ксению Шереметеву-Сфири, многое узнала об этой семье и с тех пор возрождает русский Дом в Париже. Ольга одновременно является и владелицей и дизайнером Дома, старается сохранить традиции — аристократический романтизм, русскую культуру, рассказать о них на языке «fashion», внедрить

их в современную моду. Многие из того, что сделано ею, напоминает о великой княгине Ирине и князе Феликсе Юсуповых. Например, клатч, который украшен короной княжеского рода Юсуповых. Его по достоинству можно назвать — Princesse.

В 2008 году на Парижской неделе моды была представлена первая коллекция Дома IRFE после 80-летнего перерыва.

НАТАЛИ ПАЛЕЙ — ВНУЧКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Натали Палей прожила в России совсем немного. Она родилась во Франции тогда, когда ее родители — великий князь, генерал Императорской гвардии Павел Александрович, младший брат царя Александра III, и мать, Ольга Валериановна Пистолькорс, оказались «изгнанниками». Въезд в Россию им был запрещен. Дело в том, что, рано овдовев, великий князь через какое-то время полюбил умную, красивую и обаятельную Ольгу Пистолькорс, которая происходила из семьи небогатого и незнатного петербургского чиновника, да еще была и замужем.

Это была весьма скандальная история для всей фамилии Романовых. Когда Ольга получила разрешение на развод со своим первым мужем, князь, тайно от семьи, обвенчался с ней в Италии, за что его лишили всех званий...

И все же немалые средства князя позволили им вести в Европе бес-

Княжна Натали Палей

печную светскую жизнь. Их романтическая история, а также красота и обаяние Ольги привлекали к ним внимание общества.

Официальное прощение было получено почти через десять лет. Они могли вернуться в Россию, тем более что князю вернули звания и восстановили на службе. Ольга стала его законной супругой и получила титул княгини Палей.

Кажется, было все: и любовь, и семейное счастье, и титул, и построенный особняк в Царском Селе. Но... в России назревала революция, которая в 1917 году изменила все существующее и будущее всех без исключения. Наверное, не раз Ольга и

великий князь сожалели о том, чему так совсем недавно радовались — прощению, приобретенному титулу, возвращенным званиям. Теперь они теряли все.

В марте 1917 года князя и его сына Владимира арестовали и расстреляли, второго брата, тетю и двоюродных братьев заживо сбросили в шахту. Красные комиссары расправились с ними так же, как и со многими членами семьи Романовых...

Мужа и сына не стало. Ольга Валериановна пыталась спасти своих дочерей, Ирину и Натали, так как всем было ясно, что их ждет та же участь.

Ей удалось выбраться из России через Финляндию. Впереди была не-

известность. Благодаря состоянию, предусмотрительно оставленному князем во Франции, Ольга Валериановна с дочерьми, в отличие от многих русских эмигрантов, вела довольно комфортную жизнь. Она воспитывала в дочерях безупречный вкус и манеры, умение очаровывать.

Но деньги вскоре закончились, и Наталья вынуждена была искать работу. Когда она сказала матери о своем намерении стать «манекеном» (как тогда называли моделей), та разрыдалась от стыда: княжна на подиуме — позор для царского рода! Но, подумав, все-таки дала свое согласие. От рождения своенравная, независимая, красотой и изяществом похожая на мать, княжна Палей обладала стальной волей.

Княжна-манекенщица начала работать в домах моды «Итеб» и «Ирфе». Вскоре она сумела завоевать Париж и стала королевой моды. Ее любили, ею восхищались и очаровывались, ей подражали. Но это были дома мод ее соотечественников-изгнанников.

Но вскоре ею заинтересовалась Великая мадемуазель — Коко Шанель. Она рекомендовала Натали в престижный модельный дом Люсьена Лелонга, который тоже не устоял перед изысканной красотой и грацией русской княжны. В 1927 году они обвенчались. Натали обладала не только поразительной красотой и знатной фамилией, она стала «лицом» модного дома Люсьена Лелонга. Ее родственники не одобряли этот неравный брак — внучка импе-

ратора и портной. Брак называли неравным, хотя и взаимовыгодным: Лелонг был богат, успешен и шил одежду для представителей высшего света.

Карьера Натали оказалась весьма успешной — она была востребованной моделью, ее лицо украшало обложки газет и журналов, муж посвящал ей коллекции одежды и духи. Ее называли парижской королевой моды, женщины подражали ее манере держаться, ходить и говорить.

В 1930-х Натали начала сниматься в кино. Она знала, как выглядеть на экране эффектно, хотя об ее актерских способностях были довольно противоречивые отзывы. Брак с Лелонгом вскоре распался. Ее при-

гласили в Голливуд, и в 1937 году Натали переехала в США. Там снова вышла замуж — за театрального продюсера Джона Чепмена Уилсона. Она мечтала покорить Бродвей, но с театром у нее не сложилось, и Натали продолжила карьеру модели, стала «лицом» компании «Линчбойчер». В 1941 году Палей приняла гражданство США.

Ее второй брак нельзя было назвать счастливым, учитывая пристрастие ее мужа к алкоголю. У Натали вспыхнул роман с Антуаном Сент-Экзюпери, он был ярким, но непродолжительным. Писатель говорил, что она «излучает свет молока и меда». Эрих Мария Ремарк тоже не устоял перед красотой княжны. Их роман продлился 11 лет. Он называл ее «лучом света среди кукол и обезьян».

В 1961 году Джон Уилсон умер от цирроза печени. Натали впала в депрессию, какое-то время стала злоупотреблять алкоголем. Последние 20 лет не отвечала на звонки и письма, вела затворнический образ жизни. В 1981 году она сломала шейку бедра и оказалась прикованной к кровати. Тогда Натали приняла смертельную дозу снотворного — не могла больше чувствовать себя беспомощной и одинокой...

ЗНАМЕНИТАЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ

Натали Палей была не единственной именитой эмигранткой, которой в свое время оказала помощь зако-

нодательница французской моды Коко Шанель.

В жизни Коко Шанель было много моментов, связанных с русскими людьми. При этом судьба сводила ее с самыми блестящими и неординарными представителями русской богемы и высшего света: Сергей Дягилев, Игорь Стравинский, великий князь Дмитрий Романов, Натали Палей, Эрнест Бо, граф Кутузов, великая княгиня Мария Павловна — эти люди сыграли немаловажную роль в жизни великого модельера. При этом отношения Коко Шанель с ними были весьма неоднозначными!

В мир русского Парижа Коко Шанель ввел Сергей Дягилев, с которым она была знакома со времен Первой мировой войны.

Русский театральный деятель и импресарио Сергей Дягилев за 20 лет поставил 68 балетов, он был организатором «Русских сезонов» во Франции. Коко Шанель стала меценатом, вложившим немалые средства в развитие русского балета в Париже. Она сама бесплатно создавала костюмы для нескольких балетов Дягилева. Коко не афишировала свою помощь — не из скромности, а потому, что не хотела, чтобы к ней выстроилась очередь из просителей. Говорят, Дягилев побаивался Шанель — он не знал, чего ожидать от женщины, которая дает деньги и ничего не требует взамен.

Дружеские отношения связывали Шанель и с композитором Игорем Стравинским. Она дала деньги Дягилеву на постановку балета Стра-

винского «Весна священная», участвовала в создании костюмов. Когда композитору было негде жить, она поселила его с семьей на своей вилле. Говорят, у них был роман, хотя они сами этого никогда не подтверждали и не отрицали.

Дягилев поспособствовал знакомству Коко Шанель с великим князем Дмитрием Павловичем Романовым, кузеном Николая II. Благодаря ему в Доме моды Шанель появились знатные русские клиенты, которые в платьях Шанель стали посещать светские мероприятия — в рекламных целях. Однако с великим князем Коко связывали не только деловые, но и романтические отношения. Ему на тот момент было 26, ей — 37. Их роман продолжался около года, а дружбу они сумели сохранить навсегда.

Князю Романову модельер обязана появлением самых знаменитых своих духов — «Шанель №5». Их создал русский химик-парфюмер Эрнест Бо, отец которого был поставщиком Российского императорского двора. Духи не повторяли цветочных запахов и совершили революцию в мире парфюмерии. А форма флакона была взята от штофа русской водки!

Благодаря Дмитрию Романову Шанель познакомилась с его сестрой — великой княгиней Марией Павловной. Княгиня увлекалась русской вышивкой, и вместе они создали несколько коллекций, имевших в Париже невероятный успех. Так великая княгиня стала модисткой.

Коко Шанель

Личным секретарем-администратором Шанель был граф Сергей Кутузов, бывший губернатор Крыма. До 1933 года он возглавлял салоны Chanel, а в 1934 году был назначен директором Couture House.

Шанель признавалась:

«Любая уроженка стран Запада должна сделать все возможное, чтобы понять, что же такое "славянский шарм". Я была очарована русскими. Их вечное "все мое — это твое" просто опьяняет».

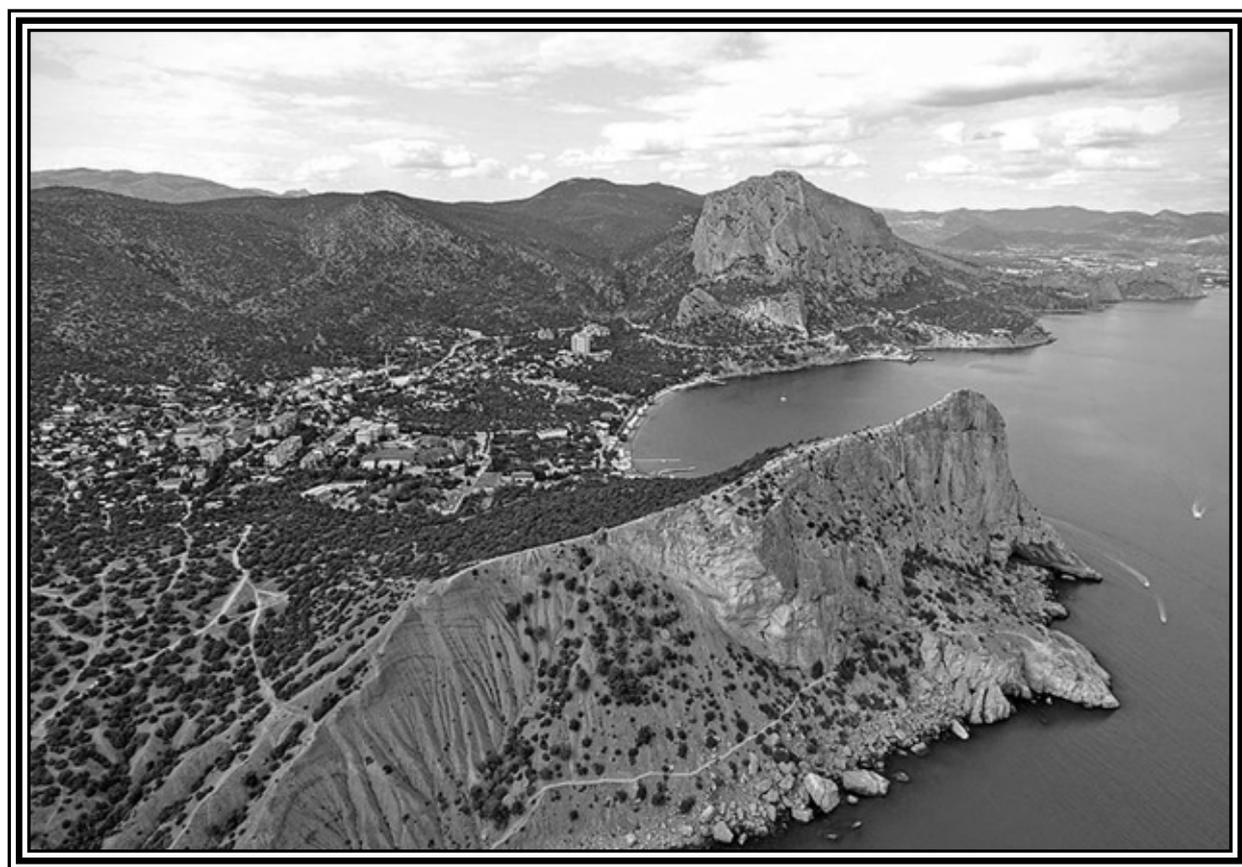
Так что первая волна русской эмиграции в Париже — это не только таксисты и бывшие знатные дамы, ставшие уборщицами или прачками. Это еще и красота, которая, как известно, спасет мир.

Рано или поздно. □

Дмитрий Зелов

Новый Свет: земной рай крымской

ПДВРИДЫ

«*In vino veritas, in aqua sanitas*». Обычно все знают и цитируют первую часть этой поговорки, гласящую что «истина — в вине». Но почти никто не вспоминает ее продол-

жение, переводящееся как «здоровье — в воде». В Новом Свете вполне реально воплотить на практике обе части этой поговорки. Впрочем, обо всем по порядку.

Новый Свет — одна из жемчужин в ожерелье Крыма. Есть красивая легенда о том, как появилось это название. В 1912 году последний российский император Николай II, отдыхая в Крыму вместе с семьей, нанес визит в имение князя Льва Сергеевича Голицына, называвшееся тогда «Парадиз». Потомственный аристократ, Лев Голицын еще с юности увлекался виноделием и благодаря многолетнему упорному труду и невероятной энергии сумел на окрестных каменистых горных склонах вырастить внушительные урожаи винограда. Ему также удалось превратить их в искрящиеся и пенящиеся сорта шампанского, которые по качеству и вкусу букета ничуть не уступали прославленным французским, что, кстати, было подтверждено многочисленными медалями на международных выставках, в том числе и на родине благородного шипучего напитка. Так вот, отобедав в имении князя и оставшись очень довольным, Николай II после распития с гостеприимным хозяином шампанского местного розлива скаламбурил и заявил, что видит теперь все в новом свете. Лев Сергеевич тут же распорядился переименовать свое имение в «Новый Свет». Через год, когда по всей Российской империи широко праздновалось 300-летие дома Романовых, князь Голицын преподнес Николаю II свое имение Новый Свет в дар.

Новый Свет расположен на юго-восточном побережье Крыма в нескольких километрах от Судака.

Окрестности поселка — чрезвычайно живописные, а фантастическое сочетание прибрежных скал, моря и гор привлекают сюда каждый год в курортный сезон толпы отдыхающих. В чем же причина, если в самом Судаче вполне хватает собственных пляжей? А в том, что в Новом Свете, надежно укрытом от прибрежных ветров и штормов живописными бухточками, свой, особый микроклимат. Добавим к этому непередаваемый аромат настоящего на горном разнотравье, можжевельников и сосновых рощах целебного воздуха. Можжевельник — растение очень прихотливое, а потому растет только в регионах, где воздух особенно чист. А еще стоит отметить сосну Станкевича, обильно произрастающую на окрестных склонах, окружающих поселок. Сосны отчаянно цепляются за жизнь, буквально вгрызаясь в каменистую почву, их стволы в борьбе за место под солнцем с природными стихиями зачастую причудливо изгибаются, привлекая романтично настроенных любителей красивых кадров и живописцев. Недаром же сразу за поселком расположен ботанический заказник «Новый Свет».

Новый Свет — небольшой, уютный и тихий поселок. Пляж в Зеленой бухте галечный, морская вода лазорево-голубая с зеленоватым оттенком и очень чистая. Помимо вездесущих чаек на рейд бухты Нового Света нередко заплывают дельфины, вызывающие восторг у отдыхающих. В поселке созданы все условия

для спокойного и размеренного отдыха, вот почему в Новом Свете так много отдыхающих с детьми.

Тропа Голицына

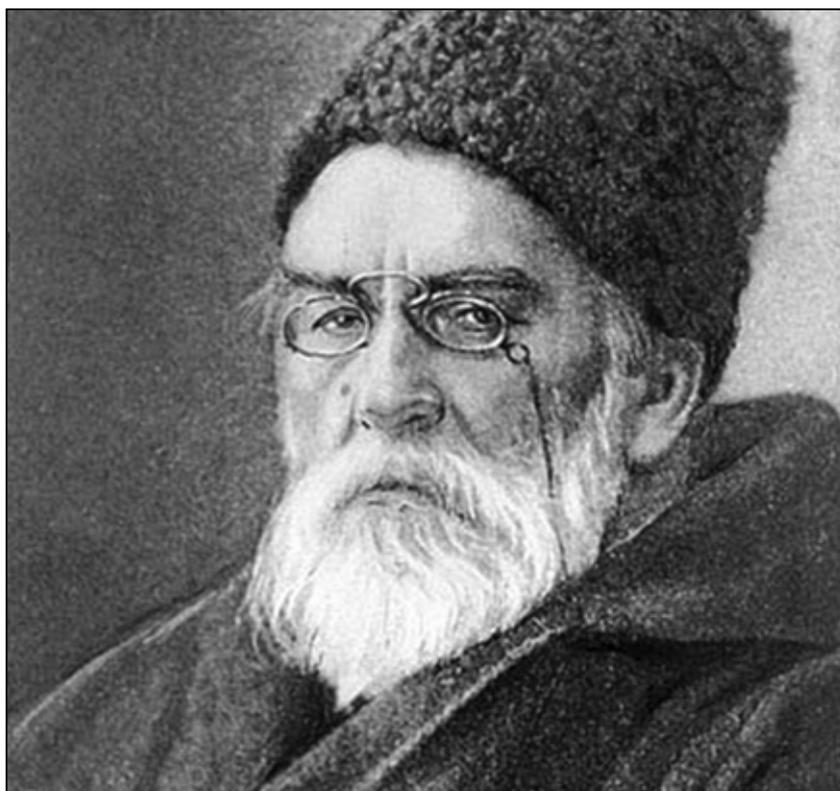
Тропа была создана князем к визиту Николая II в Новый Свет. Вырубленная в скальном массиве горы Хоба-Кая (Орлиной), она вела вдоль кромки побережья от основанного князем в 1878 году завода шампанских вин к Царскому пляжу. Свое название пляж получил в честь отдыхавшего на его теплом золотистом песочке последнего российского царя. Но со временем отдельные части тропы осыпались и обвалились, и теперь тропа Голицына заканчивается у входа в Сквозной грот.

Тропа Голицына входит в состав природного ботанического заказника «Новый Свет». Примерно на полпути от начала путешествия по тропе Голицына к Царскому пляжу расположен Грот Шаляпина. Он представляет собой естественное углубление в скале, которое князь Голицын приспособил под хранение элитной продукции своего завода. Для этого в гроте были устроены ниши, сохранившиеся до наших дней. Благодаря невероятной акустике грот еще в прошлом веке использовался как концертная площадка. Первым знаменитым певцом, выступавшим здесь, согласно легенде, был Федор Шаляпин, по фамилии которого грот и получил свое название. В его честь названа и одна из улиц поселка.

Слева:

*Царский
пляж бухты
Новый Свет*

*Князь Лев
Голицын*

Далее на пути к Царскому пляжу попадаешь под очарование магнетизма Синей бухты, из которой открывается великолепный вид на огромного каменного дельфина, стремящегося поскорее уплыть из бухты в глубь моря. Это мыс Капчик, где расположен Сквозной грот, пройдя который насквозь, можно выйти к бухте. В стародавние времена этот необычный грот активно использовали пираты и контрабандисты всех мастей, которые быстро уходили от погони и внезапно появлялись на другой стороне скалы. Поэтому второе название Синей бухты — Разбойничья. Во время визита Николая II в Новый Свет в Сквозном гроте накрывали праздничный стол-фуршет для именитых гостей. Ныне вход в грот наглухо заварен решетками, а в нем самом

обитают лишь летучие мыши. Зато перед ним, облокотясь на высокий парапет тропы Голицына, можно наблюдать с высоты птичьего полета величественную панораму Голубой бухты с ее главной жемчужиной — Царским пляжем, сохранившим свою первозданную природную красоту.

А если подняться на гору Караул-Обу, оттуда открывается незабываемый вид на лестницу Тавров и долины Рая и Ада. Залитая солнечным светом, умиротворяюще-безмятежная широкая долина Рая резко контрастирует с расположенной на другом склоне горы узкой горловиной долины Ада — мрачной, угрюмой, с пронизывающими даже в жаркий солнечный день ледяными ветрами. Долина Ада — это своеобразный природный кондиционер; войдя в нее в жаркий летний день

Грот Голицына (Шалыпина, Эстрадный грот)

из долины Рая, сразу же попадаешь под мощные струи очень прохладного воздуха. Путь из одной долины в другую лежит через узкую, увитую плющом расселину в толще скалы, переходящую в закручивающуюся по спирали лестницу Тавров. Этому сооружению, входившему в оборонительный комплекс боспорской крепости, по самым скромным подсчетам, как минимум 2,5 тысячи лет. Тавры были коренными обитателями этих мест, в честь них полуостров и получил еще с античных времен название Таврида. В окрестностях можно найти в расщелинах скал остатки таврских пещер-убежищ и руины дозорных крепостных сооружений на господствующих высотах.

Завод шампанских вин

Новый Свет навечно связан с двумя темами: с уникальной личностью князя Льва Сергеевича Голицына и созданным им здесь же заводом шампанских вин. Во-первых, это дом-музей князя Голицына, в подвале которого по вечерам в окружении мерцающих свечей под звуки живой музыки проводится дегустация продукции местного завода, а, во-вторых, это сам завод. Знаменитое шампанское местного розлива дожидается своего покупателя, вызревая в природной прохладе местных штолен, идущих разветвленной сетью прямо в чреве нависающей над заводом скалы Хоба-Кая. Свыше половины подземных коридоров-штолен,

общая длина которых превышает 7 километров, были вырублены в толще скалы еще при Голицыне. Им была сформирована и огромная энотека — редкостное по своей полноте и ценности собрание коллекционных марочных вин. К сожалению, большая часть этого собрания была утрачена в XX веке, и сейчас завод начинает воссоздавать свою собственную коллекцию редких и элитных вин.

Фестиваль брютерианцев и потомки Романовых в Новом Свете

Ежегодно золотой осенью завод шампанских вин проводит фести-

валь брютерианцев — утонченных любителей культуры потребления благородных спиртных напитков. В рамках праздника на территории завода устраиваются тематические выставки, организуются необычные инсталляции, проводятся модные дефиле. А в гроте Шаляпина, обладающем невероятной акустикой, в дни проведения фестиваля устраивается концерт классической музыки на фоне усыпанного звездами ночного неба. На 2013 год пришелся 400-летний юбилей со дня основания династии Романовых. По этому поводу Новый Свет посетили потомки Романовых, проживающие ныне в самых различных уголках земного

Тропа Голицына

шара. В их честь местные власти дали прием на территории завода, а в один из вечеров ночное небо над Новым Светом разорвал роскошный фейерверк.

Архитектурные и иные красоты поселка

Застройка Нового Света в основном представлена частным сектором

Памятник Николаю II и Льву Голицыну в Новом Свете

высотой в два-три этажа. Улицы причудливо вьются, переплетаясь, от набережной, поднимаясь постепенно вверх. Беседки во многих дворах увиты виноградом, гроздья которого так и просятся в рот. С лозами пьянящей ягоды зачастую соседствуют побеги грецкого ореха, его плоды в начале осени уже вполне съедобны. Причем сразу и не поймешь, что это за темные, цвета баклажана, шарики валяются на дороге; ведь сам орех покрыт тонкой кожей, которую надо снять, и только под ней появляется знакомый грецкий орех.

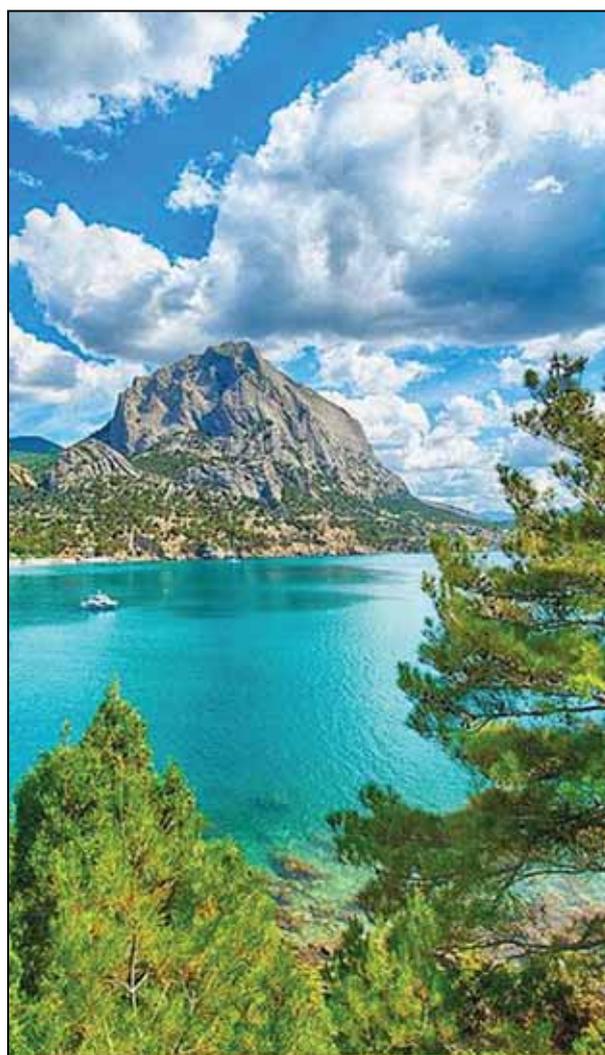
А вот сохранившихся старинных зданий в Новом Свете всего два. Это дом, в котором жил Лев Голицын, и дом-крепость с башенками в псевдо-мавританском стиле в центре поселка. И если в доме Голицына сейчас располагается посвященный ему музей, то в необычном доме-крепости чего только нет. Из внутреннего двора, образующего каре,

можно попасть и на почту, и в банк, и в поселковую администрацию, и в выставочный зал, и даже в магазин. С тыльной стороны дома-крепости часть помещений сейчас сдается отдыхающим, а при Голицыне здесь было общежитие для работавших на заводе по производству шампанского рабочих.

Легенды связывают подземными ходами этот дом с домом самого князя, а также с подземными штольнями завода, в которых и поныне, как в свое время при Голицыне, хранится шампанское. Так это или нет, ныне доподлинно неизвестно, но прокопать подземный ход между ними было технически вполне возможно.

То, что историческая часть поселка испещрена подземными ходами, — факт, бросающийся в глаза любому наблюдательному человеку. То тут, то там в поселке видны вентиляционные шахты, нередко можно встретить и амбарные замки на воротах, ведущих в рукотворные подвалы-подземелья. После землетрясения в 1927 году часть подземных ходов и штолен на заводе разрушилась, а во время фашистской оккупации Крыма ряд подземных штолен завода шампанских вин в спешке была замурована или взорвана. После освобождения Крыма часть из них откопали, но некоторые ходы до сих пор ищут. Так что время сенсационных находок и удивительных открытий в Новом Свете еще впереди и ждет своего счастливого первооткрывателя.

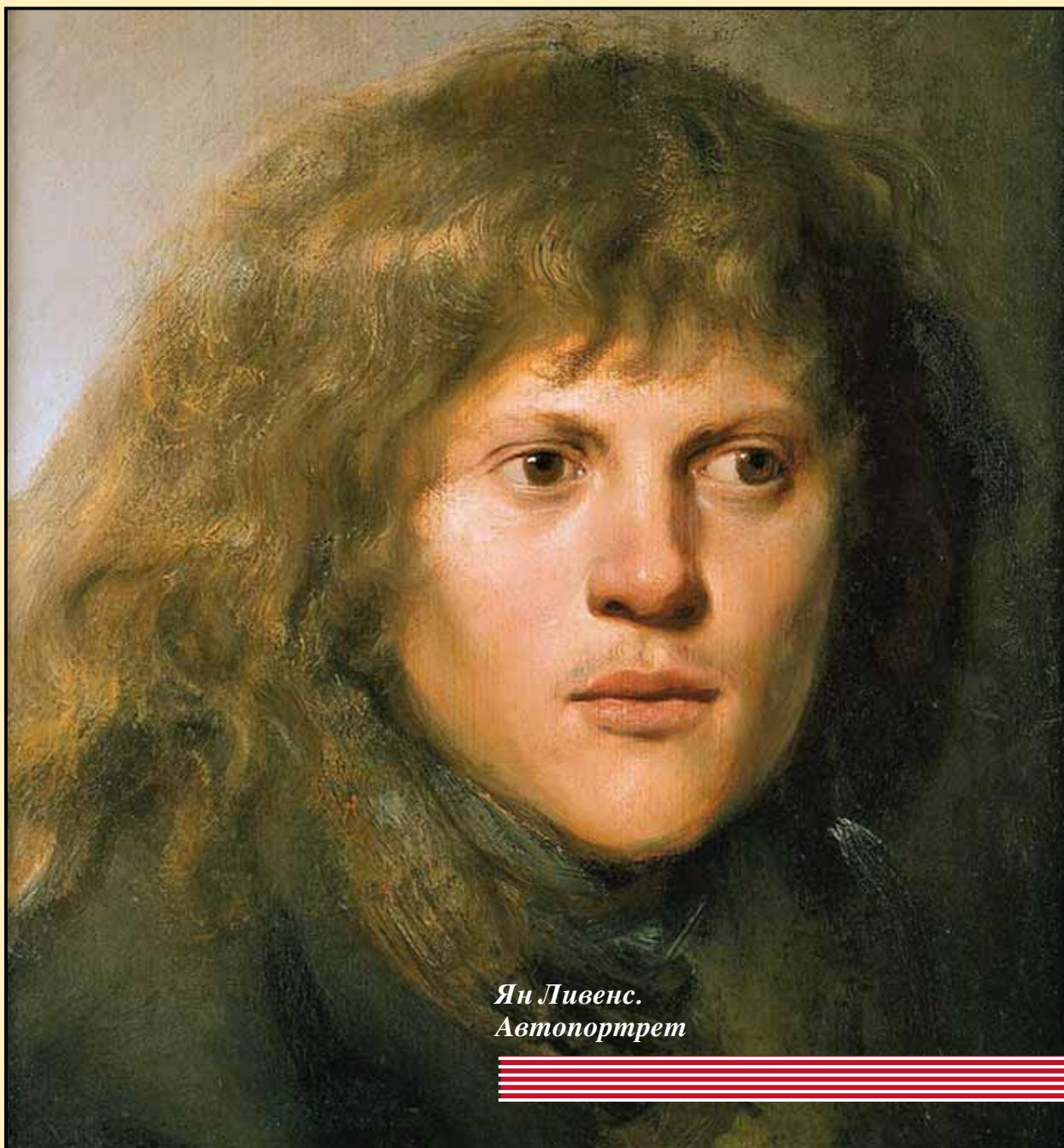
Побывавший в 1825 году в этих, тогда еще фактически девственных местах автор «Горя от ума» Александр Грибоедов восторженно заметил: «...прелесть моря и иных долин... ни с чем сравнить не можно». И он был прав. Ведь Новый Свет — это не просто название поселка, это действительно маленькая страна, с особыми пейзажами, со своим микроклиматом, ни на что ни похожей растительностью и примечательной историей. Словом, действительно райский уголок, который обязательно надо посетить и приобщиться к этому удивительному месту! □

Ирина Опимах

Ян Ливенс

гениальный и забытый

*Ян Ливенс.
Автопортрет*

В конце XVI века несколько нидерландских провинций обрели независимость и пошли своим собственным путем. Так возникла Голландия, свободное протестантское государство, где жили свободные, трудолюбивые люди, любившие свою маленькую страну и без устали трудившиеся во имя ее процветания. Началось настоящее голландское «экономическое чудо» — строились новые города, осваивались новые колонии, бурно развивались торговля, ремесла и, конечно же, искусство. Голландцы любили украшать свои дома картинами, на которых живописцы изображали не только религиозных героев, но и своих заказчиков, их жилища, внутренние интерьеры, городские, сельские и морские пейзажи. В Золотой, XVII, век (так называют этот удивительный период в истории страны) в Голландии работало около 3000 художников! Конечно, среди них были простые ремесленники, умевшие написать на заказ, к примеру, морской берег при свете луны или детский портрет, но были среди них и настоящие мастера, чьи имена навсегда остались в истории живописи, чьи картины, признанные непревзойденными шедеврами, украшают сегодня собрания лучших музеев мира.

Не у всех этих художников судьба сложилась благополучно, не все смогли уйти из жизни в довольстве и достатке, а о многих потомки вообще забыли. Так случилось и с Яном Ливенсом, «лейденским вундеркиндом», на долгие годы заслоненным грандиозной фигурой своего друга и соперника Рембрандта.

Ян Ливенс, как и Рембрандт, родился в Лейдене, только на год позже, чем его знаменитый приятель — в 1607-м. Его отец, Ливер Хендрикс, ткал и вышивал гобелены. Лейден в те времена славился своими текстильщиками, а роскошные лейденские гобелены продавались во всех европейских странах. Так что семейство Ливенса наверняка не бедствовало. Отец Яна довольно быстро понял, что у его сы-

на явные художественные способности и отправил мальчика учиться в Амстердам, в мастерскую Питера Ластмана. И мальчик был принят! Это была большая удача, ведь Ластман считался одним из лучших амстердамских художников. Он бывал в Италии, жил в Риме и Венеции, боготворил Караваджо. Вернувшись в 1607 году в Амстердам, Ластман стал писать картины на исторические, мифо-

«Скрипач».

Моделью, вероятно, послужил юный Рембрандт

Справа:

«Натюрморт с книгами»

логические и библейские сюжеты. Его полотна очень нравились богатым амстердамцам, и вскоре Питер Ластман считался уже самым лучшим художником в Амстердаме. Вот к нему-то и попал юный Ливенс.

Ян поработал в мастерской Ластмана два года и многому научился — как строить композицию, как подбирать нужные краски и оттенки. И у него все неплохо получалось. На некоторое время он вернулся домой, в Лейден, а потом вновь покинул отчий дом — теперь уже отправился в Утрехт, славившийся по всей Гол-

ландии своими художниками, перенявшими приемы итальянских коллег. Особенно утрехтским живописцам был близок Караваджо с его драматичностью, игрой света и тени. Их так и называли — утрехтские караваджисты. Ян, как губка, впитывал все и писал картины, которые, по общему мнению, были нисколько не хуже картин его вполне взрослых коллег. И его отец, и все его учителя, и меценаты-покровители, и заказчики, которых у него было уже не мало, считали его настоящим вундеркиндом. Он и сам верил в свой талант, поэтому брался

за самые сложные сюжеты — тут и исторические картины, и библейские, и портреты, и ландшафты, и, конечно же, жанровые сценки, которые так любят голландцы.

В 1626 году домой, проучившись полгода в Амстердаме в мастерской Ластмана, в Лейден вернулся другой юный художник — Рембрандт. У этих молодых людей было много общего — они близки по возрасту, оба учились у лейденского живописца ван Сваненбурга, оба прошли школу Питера Ластмана. Однако Рембрандт еще только начинал свой путь в искусстве и знал, что такое сомнение в своих силах и в том, что он делал, а вот Ливенс был весьма самоуверен, легко брался за самые сложные задачи. К тому же хорош собой и обаятелен — в отличие от полноватого, совсем не красавца, замкнутого и задумчивого Рембрандта.

Рембрандт обустроил в сарае рядом с домом отца большую мастерскую и пригласил поработать там своего друга Яна. Так начался один из самых светлых периодов в жизни обоих художников — их мольберты стояли рядом, они учились друг у друга, помогали друг другу, а еще писали портреты друг друга и натурщиков, с которыми удавалось договориться за небольшую плату, а также многофигурные картины, причем часто — на одни и те же сюжеты. При этом оба были хороши, оба невероятно талантливы!

Однажды (это знаменательное событие случилось в 1628 году) в их мастерскую заглянул важный гость — Константин Гюйгенс, секретарь принца Оранского. Заехав в Лейден, он решил купить пару картин — для себя и своего патрона. Знакомые лейденцы посоветовали Гюйгенсу посетить

«Самсон и Далила»

Справа:
«Пейзаж
с отдыхающими
крестьянами»

мастерскую Ливенса и Рембрандта, и он отправился в дом местного мельника ван Рейна, в мастерскую его сына.

И вот тут молодым художникам очень повезло. Гюйгенс, будучи на 10 лет старше них, уже обладал определенным жизненным опытом и сразу понял, что этим двум талантливым ребятам нужна помощь и поддержка. Они ему очень понравились, а еще больше понравились их работы. У него были обширные знакомства среди весьма богатых людей, и он с удовольствием рассказывал им о двух талантливых лейденских художниках. Так у Рембрандта и Ливенса появи-

лись заказы. Ливенс написал прекрасный портрет Гюйгенса — перед нами настоящий представитель власти и в то же время интеллектуал, умеющий размышлять и творить...

В своих воспоминаниях Гюйгенс писал: «Один из этих юношей (Ливенс) — простолюдин, отец которого был портным, отец другого (Рембрандта) — мельник, а вот сын его совсем из другого теста. Кто бы мог подумать, что при таком происхождении эти двое смогут показать такие чудеса таланта и мастерства?... Таким образом, я бы рискнул предположить, что в выразительности и живости Рембрандт пре-

восходит Ливенса. И наоборот, последний выигрывает благодаря величю в основе и смелости трактовки предметов и форм. Все, к чему стремится этот молодой дух, должно быть величественным и возвышенным. Вместо того чтобы соответствовать истинному размеру того, что изображает, он придает своим работам большую масштабность. С другой стороны, Рембрандт предпочитает сосредоточиться на небольших картинах и добивается блестящих результатов в небольших масштабах, которые тщетно было бы найти в больших картинах у других художников». И в конце, отмечая несомненный талант и Ливенса, и Рембрандта, он добавлял: «О, если бы они могли быть знакомы с Рафаэлем и Микеланджело, то с каким бы нетерпением их глаза поглощали бы творения этих потрясающих гениев! Как быстро бы они превзошли бы всех, имея возможность побывать в Италии и принеся в Голландию дух великого итальянского искусства! Но

они утверждают, что находятся в расцвете своей юности и хотят извлечь из этого выгоду; у них нет времени тратить время на поездки за границу».

Любя обоих художников, Гюйгенс словно провоцировал их на соревнование, заказывая им картины на одни и те же сюжеты. Вот почему Рембрандт и Ливенс почти одновременно написали «Распятие», «Воскрешение Лазаря» и «Самсон и Далила».

А еще друзья обожали писать стариков, своих родителей и просто людей с улицы — наверное, их легче было упросить позировать за те деньги, которые приятели могли заплатить. Портреты Ливенса, в отличие от работ Рембрандта, более светлые, на лицах его героев — мудрых, понимающих, что такое жизнь, что такое любовь и терпение, нет страдания и глубокой печали, характерных для рембрандтовских персонажей. И все же по манере и стилю полотна их были столь похожи, что спустя годы многие картины, написанные Ливенсом, ис-

*«Пилат,
умывающий руки»*

Справа:
*Портрет
Рембрандта*

кусствоведы приписали Рембрандту (к тому времени о Ливенсе уже почти забыли, а вот Рембрандт считался гением Золотого века голландского искусства).

В 1631 году друзьям пришлось расстаться. Еще десять лет назад Мориц Оранский, полководец и военный реформатор, (именно благодаря его военным походам сложились современные границы Нидерландов) приобрел одну из работ Ливенса. Это был «Портрет юноши, читающего при свете свечи». (Кстати, Яну тогда было всего 14 лет!) Позже Мориц подарил картину английскому послу в Гааге сэру Роберту Карру, а тот презентовал ее своему королю Иакову I. Картина при дворе очень понравилась, имя молодого художника запомнили, и потому было решено пригласить способного юношу в Лондон. Ливенс, конечно же, согласился и отправился в британскую

столицу — теперь там уже правил король Карл I, но он любил живопись не менее своего предшественника и высоко ценил хороших живописцев. В том же 1631 году и Рембрандт покинул родной Лейден — он уехал покорять Амстердам, город, в котором создаст свои лучшие полотна, где встретит любовь, где будут рождены его дети, где он узнает, что такое успех, взлет и падение, что такое болезни, смерть любимых, безденежье, бедность...

Ливенс создал множество работ в Англии, наверное, они были хороши, но, к сожалению, ни одна из них не сохранилась. Общительный, живой, привлекательный внешне (в отличие от своего друга Рембрандта), он имел успех в обществе, дружил с главным художником тогдашнего Лондона, учеником Рубенса Антонисом ван Дейком. Тот даже написал его весьма выразительный портрет: красавец с длинными

ми волосами, довольно уверенный в себе и смело смотрящий на мир.

В 1635 году Ливенс переехал из Лондона в Антверпен. В этом фламандском городе хорошо понимали, что такое настоящая живопись, ведь тут работал король всех живописцев Рубенс, из мастерской которого выходили десятки картин на самые разные сюжеты. Несмотря на такую конкуренцию, Ливенс быстро завоевал и здесь свое место под солнцем, к нему выстроилась очередь заказчиков. Тут, в Антверпене, Ян женился — 23 декабря 1638 года он сочетался законным браком с девушкой католического вероисповедания, дочерью скульптора Михеле Колинса Сюзанной Колин де Ноле. Видно, любовь была столь сильна, что даже католичество Сюзанны не помешало свадьбе.

Похоже, все в тот период складывалось удачно — приносившие хорошие деньги заказы, приятное окружение. Отсутствие недостатка в заказах — а он стал получать заказы не только от частных лиц, но и от государственных учреждений и мэрий разных городов — упрочило его позиции в обществе и финансовое положение. Видимо, Ливенс был добрым человеком — он понимал, что молодые художники, только начинающие, нуждаются в поддержке, и щедро помогал своим менее удачливым собратям по искусству. В частности, помогал своему другу, одаренному художнику Адриану Брауэру, а после его смерти (Брауэр умер во время эпидемии чумы 1638 года, жертвами которой стали сотни жители Антверпена) поддерживал его семью.

Однако фортуна — дама изменчивая, после 1640 года заказов стало меньше, и в 1644 году Яну пришлось покинуть Антверпен — у него возникли серьезные финансовые трудности: возможно, он жил слишком уж на широкую ногу и много задолжал.

Ливенс поселился в Амстердаме. Его мастерство и здесь не осталось без внимания публики — он быстро завоевал известность. Все шло хорошо, были деньги, слава... Но в дом неожиданно пришла беда — умерла его жена. Правда, горевал он недолго — в 1648 году снова женился, на сестре известного голландского художника Яна де Брая. Похоже, Ян старался выбирать себе жен из окру-

жения художников — такие женщины понимали, что такое творческая работа, понимали, как важно не мешать мужу в минуты (часы, дни) вдохновенного труда. Понимали, как непросто создавать шедевры...

В конце 1640-х и в последующее десятилетие Ливенс был очень востребован и очень много работал. Он украшал апартаменты командующего войсками Республики Соединенных провинций, штатгальтера принца Фредерика Оранского в Гааге, создал для его летнего дворца аллегорическую «Пять муз», работал для берлинского королевского двора. В 1648 году он выполнил большую и очень важную работу — аллегорическое полотно «Триумф мира» в честь перемирия между Нидерландами и Испанией.

Это были, по сути, лучшие годы в его жизни — он был знаменит, богат, успешен, ему покровительствовали высокопоставленные аристократы и правители европейских стран. Ян всегда умел угодить, сделать то, что от него требовалось. Порой это желание — угодить — шло вразрез с теми творческими задачами, которые он себе ставил, и тогда он заставлял себя забыть о собственном даре и свои представления о том, что такое настоящее искусство. В результате он постепенно терял собственный стиль, собственную индивидуальность, то, что отличало его от других живописцев.

Время шло, в Голландии появлялось много новых художников, заказов у Ливенса становилось все меньше и меньше, и, наконец, настал такой момент, когда траты его, привыкшего

жить на широкую ногу и ни в чем себе не отказывать, окончательно превысили доходы, и он разорился.

Ян Ливенс умер 4 июня 1674 года, практически в полной нищете, оставив своим детям лишь многочисленные долги. Они были так велики, что его семейству пришлось отказаться от отцовского наследства. По сути, отказаться от него самого. А спустя всего десять лет о Яне Ливенсе стали забывать — его имя потерялось в тени его гениального друга Рембрандта.

Почему так произошло? Почему Ян Ливенс, этот лейденский вундеркинд, создававший в юности картины, которые и сегодня считаются шедеврами, в конце жизни превратился в обычного ремесленника? Наверное, потому, что готов был к компромиссам, что слишком любил благополучие — роскошь, успех, деньги, и из-за этого шел на поводу у заказчиков (а вот Рембрандт нередко с ними ссорился, отстаивая свое видение, свои принципы). Настоящее искусство не терпит предательства...

Но Ян Ливенс все-таки сумел вписать свою страницу в историю мировой культуры, и сегодня его лучшие работы, те, что были созданы в молодости, украшают самые известные музеи мира. Его персональные выставки производят грандиозное впечатление. Одна из них, прошедшая в 2008 году в вашингтонской Национальной галерее, имела огромный успех. Мир снова вспомнил Яна Ливенса, друга и соперника великого Рембрандта, долгие десятилетия пребывавшего — и, кстати, очень незаслуженно! — в его тени. □

Виктор Ом

фото Николая Тищенко

«Птица-Песня»

«Полюбил я мелодию, звуковую тягучесть — песню. Под ее романтизмом окутывалась для меня жизнь, вещи приобретали особенный смысл...» Эти слова неожиданно вспомнились мне, когда я пристально разглядывал картины московской художницы Натальи Ивановны Елисеевой, и я подумал: «Это Птица-Песня на этих небольших холстиках раскрыла, раскинула крылья, да так широко и крылато, что дух захватывает...»

После этого не познакомиться с автором «живописных песнопений» я не мог и уже на следующий день стоял перед дверью мастерской Елисеевой и нажимал на звонок...

Вдруг дверь резко и широко распахнулась, и я увидел совсем маленькую худенькую женщину со стремительным острым взглядом. Она молча повернулась и пошла в глубь помещения — я последовал за нею. Зайдя в большую комнату, залитую светом, перевел дыхание и стал

оглядываться вокруг. Неуклюже поклонившись, попытался объяснить причину своего визита, но получилось несколько сумбурно, и она весело рассмеялась. Когда мы представились друг другу, художница извинилась и попросила разрешения побеседовать за работой, так как надо было срочно заканчивать картину.

— Да, конечно, Наталья Ивановна, ради бога — пишите! Для меня большая удача увидеть, как вы работаете, — вежливо проговорил я и стал внимательно рассматривать небольшой холст, стоящий на треноге мольберта.

...На холсте раскинулся беспредельный простор, и... река, убегающая в дымку дали. На правом берегу ее монастырь с золотящимися куполами. Левый берег огибает белая от знойных потоков солнца тропинка,

взметнувшаяся в виртуозном изгибе к верху высокого холма... По этой причудливо-изогнутой тропинке бегут двое...парень и девушка. Бегут азартно, подгоняемые нестерпимым любопытством — словно там, наверху, можно разгадать тайну своего загадочного будущего...

Картина восхищает обилием красок, цветовых вибраций, необычайно сложным колоритом, заполняя все пространство холста игрой холодных и золотых горячих цветов...

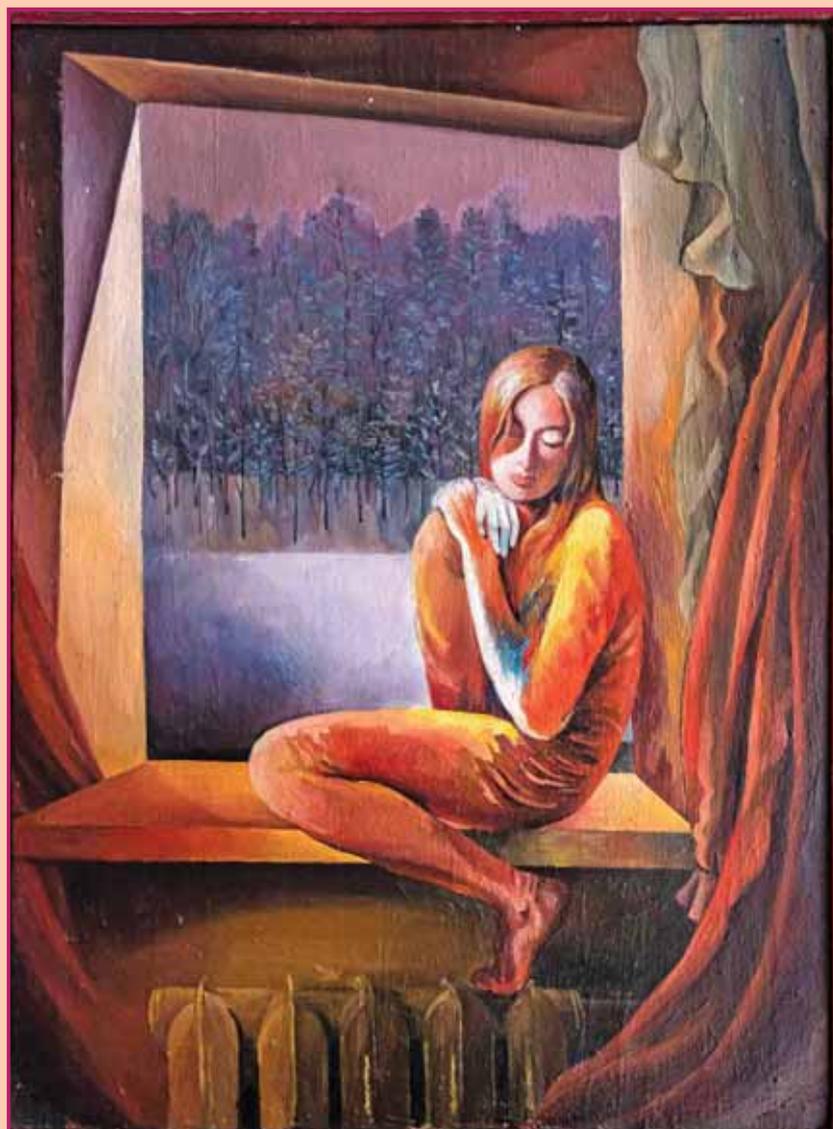
Засмотревшись, я несколько минут сидел молча, а потом осторожно спросил:

— Наталья Ивановна, а корни вашего рода московские?

— Мой папа родом из Донбасса, — ответила Наталья Ивановна. — Родился в Донецке, правда, тогда это

Слева:
*«Последняя
электричка»*

«Ожидание»

был город Сталино, если не ошибаюсь... Так что я чувствую эту мистическую связь с донецкой землей и не могу равнодушно слышать, что там нынче происходит... Огненный смерч заворачивается в душе, когда слышу о бесконечных жертвах безвинных простых людей... Будь проклят этот капитализм с его фейковыми ценностями! На поверку это просто грабеж, разрушения, убийства и убийства под флагами какой-то «всемирной демократии»... Это делают НЕЛЮДИ! Поиному их не назовешь...

Она макнула кисть в разбавитель и опять стала быстро и сосредоточенно наносить мазки на холст. Наконец откинулась назад, долго и пристально вглядывалась в работу и тихо произнесла:

— Ну, вот... пожалуй, и все! Здесь моя личная история самой первой, такой далекой теперь, сумасшедшей и очень искренней любви. Почему я ее написала? Порой возникает какой-то причудливо звучащий звон, пронзительно режущий самые глубины души, и возникает желание оживить

«Серезенька»

Справа:

«Преображение»

безвозвратно убежавшее чувство, которое невозможно назвать и... даже обозначить словом... Так и появляются картины...

Мы помолчали немного, и я, наконец, решился снова заговорить:

— Наталья Ивановна, а о себе расскажите, пожалуйста, я совсем ничего не знаю о вас...

— О художнике и не требуется ничего знать — нужно смотреть его

картины! — усмехнулась Наталья Ивановна. — Они всегда говорят сами за себя — и все о художнике! Один из магических постулатов искусства... Ну а если все-таки о себе... Ой, да ничего особенного... Зачаровала и увлекла меня живопись еще с детства. Стала много рисовать, книгами о художниках зачитывалась... Потом училась в Строгановке... на отделении «проектирование мебели».

На отделение монументальной живописи поступить в те времена было нереально — сумасшедший конкурс, вот и пошла на «мебель», а после — пятнадцать лет проработала на комбинате диарамно-макетных и художественных работ... Трудилась там до финально-печального времени, когда грянула перестройка. Комбинат просто развалили, и он прекратил существование как юридическое лицо... По крайней мере, в нашем горестном случае это была не перестройка, а — уничтожение!

И вот, с 1998 года я занимаюсь дизайном интерьера, а еще преподаю детям основы рисунка и живописи. И, конечно, не только детям. Занимаюсь и с взрослыми любителями изобразительного искусства. Давно уже состою в МОСХе, в секции художественного моделирования.

Мне кажется, что живописью я занималась всегда! И конечно, еще до Строгановки. Она для меня — необходимый элемент существования, без которого я не смогу жить.

Выставляться тоже начала давно. Еще на знаменитой Малой Грузинской, где помещался подзабытый нынче горком графиков, который возглавлял прекрасный художник и человек — Эдуард Дробицкий, ныне, к сожалению, покойный.

Тогда бурлило все, первые выставки всяческих отверженных советскими властями художников. Все пестрило, кричало невыносимой разногласицей... Так много всего утверждалось, а уже на другой день ниспровергалось. Спорили, охаивали друг друга,

и вообще властвовала буйная и безудержная нетерпимость... Теперь подобного не услышишь и не увидишь... Нынче придут на вернисаж и стоят у стеночки в ожидании... фуршета.

Боже! Какое было шумное время — сколько криков, манифестов, полусумасшедших, суетливых деяний! На старом Арбате круглосуточно полупьяные поэты орали свои скороспелые стихи, барды распевали песни, в безудержном раже употребляя «матерные» слова (обрели, наконец, истинную свободу, ура-а!). А художники судорожно, фанатично рисовали за мятые засаленные рубли случайных прохожих. Такой вот стороной повернулась к нам манящая соблазнительница-свобода! Чем закончился этот «хэпининг», давно известно, но глубинные послед-

«Незнакомка»

Справа:
«Лев»

ствия непременно еще проявятся — только в более тяжких формах.

Наталья Ивановна замолчала и задумалась — молчал и я...

— А совсем недавно появились у меня коллеги... теперь уже друзья, которые так чудно обозвали свою команду «Гильдия изомастеров «Искусство для жизни!»... — снова заговорила художница. — После просмотра моих работ они неожиданно пригласили меня

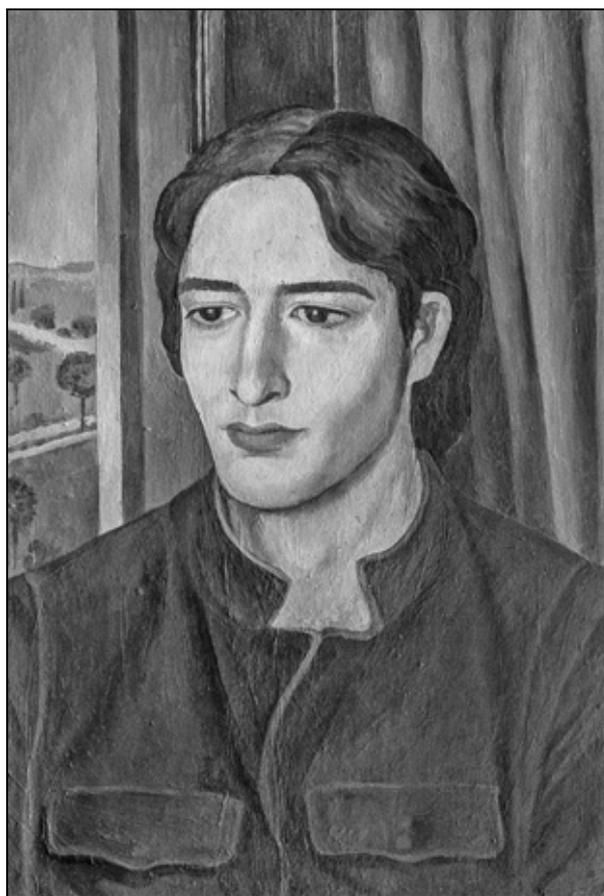
присоединиться к ним, чтобы работать сообща! Так я и примкнула к «Гильдии изомастеров»... Одиночество — фрукт не очень сладостный... когда он долгоиграющий. Становится не только горько, а просто жгуче-печально!.. Поэтому для меня «Гильдия» стала еще, можно сказать, спасением.

Наталья Ивановна вдруг заметила, что продолжаю разглядывать ее последнюю работу, и улыбнулась:

— А что же вы только на этот холст смотрите? Я же и портреты пишу, и пейзаж мне не чужд, да и жанровые работы имеются... Посмотрите, вон там они у стены и стоят — холсты... Портрет меня, конечно, притягивает больше. Винсент Ван-Гог был прав, говоря, что нет ничего интересней, чем писать этих... двуногих... Я думаю также. Люди — это миры...и ничего нет загадочней, чем тайна души человека! А ближе всех к разгадкам этих божественных тайн может быть именно художник, простой кистью вскрыть то потаенное в характере и сути человека, что не высветить никаким рентгеном... Тогда и появляется то, что называется шедевром!

А еще я несокрушимо верю в пророчество Святого Апостола Павла: «...Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...» Только добавлю от себя — так же и живопись будет длиться, краскочитывать, созидать симфонии света и цвета, пока будет жива и сама жизнь!

Мне недавно попала книга «Золотые письма любви» — и она потрясла меня! Ошарашила своей и новизной, и твердой убежденностью автора в незыблемые вселенские законы бытия, где мудрость и ничтожество называются своими именами, без человеческого лукавства и извечной лжи... Я раньше никогда не слышала о поэте Тимуре Зульфикарове. Это печально — жить в одно время, в одном городе так много лет и не знать о такой поэзии... Вот послушайте, это ведь надо так написать:

*«Дервиш сказал:
Жизнь человека — это Тайная
вечера,
Гефсиманский Сад и Голгофа...
Молодость — это Тайная Вечеря...
Зрелость — Гефсиманский Сад...
Старость — Голгофа...
...О Человеке!.. Не страшись!..
Не майся!..
Грядет Святое Воскресенье!..
Грядет!
Неподалече...»*

Художница вдруг обернулась ко мне, и я увидел удивительную перемену в ее лице — оно стало прекрасным! И в живых, магически умных и глубоких глазах заискрилась, заблестала, осветилась — жизнь!..

Для которой она и творила... □

За два дня до своего столетия Марта Родриговна вдруг собралась помирать. То «не дождетесь» или «меня палкой не перешибешь», а тут... Легла на высокие подушки, скрестила руки и принялась ждать смерти.

Сиделка Тоня, привыкшая к старушечьим причудам, только покачала головой.

— Не веришь? — сурово посмотрела на девушку «умирающая».

— И зачем вам это? — усмехнулась сиделка. — Как-то глупо получается. Послезавтра юбилей, а вы в могилу...

— Так ведь никто из этих филистеров все равно не приедет. У всех, видишь ли, дела важные. — Марта Родриговна в негодовании села на постели, продолжая держать руки скрещенными на груди, и шмыгнула носом.

— Зачем же вы так плохо о своих родных думаете? Приедут, как миленькие, приедут. Вот увидите, все соберутся!

— Держи карман шире... Приедут, если только наследство буду делить, — откинувшись на подушки, проворчала старуха.

Марта Родриговна Верстакова жила одна в огромной квартире на Невском. Ее муж, Петр Петрович, уже лет тридцать как лежал в могиле. К своему столетию у нее имелось два семидесятилетних сына-близнеца Георгий и Дмитрий, четверо внуков: Валентина, Зоя, Алексей и Иван, каж-

дому из которых было больше сорока, и шесть правнуков разного возраста, самой старшей из них, Софье, недавно исполнился двадцать один. У нее и жених имелся — важный однокурсник Игорь. После окончания института Софья с Игорем собирались пожениться.

Все близкие Верстаковой жили кто где, но ни одного в Санкт-Петербурге, кроме Софьи. Несмотря на хоромы прабабки, она обитала в общежитии. Не ужилась со старухой. К слову, Марта Родриговна терпеть не могла свою правнучку. Какая-то необъяснимая ненависть к Софье засела в ее дряхлом престарелом сердце.

Долгое время старушка пролежала без движения, отказываясь от еды. Сиделка Тоня — пожилая женщина, исполненная покорности, — час от часу все с большей тревогой поглядывала на свою подопечную. Неужели, и впрямь, не дурит? Бабка любила играть в смерть. То мертвой притворится, то сердечный приступ натурально сыграет, то задыхаться начнет... После таких старушечьих выкрутасов сиделка долго приходила в себя, а та, знай себе, хохочет от души:

— Поверила, гgg, поверила! Вот дуреха-то!

«Как не поверить, — вздыхала про себя Тоня. — Годков-то тебе, бабуся, помнишь, сколько?»

Вот и сейчас Тоня верила и не верила. Верила потому, что помнила, сколько бабуся годков. А если это все же очередная игра, то уж слишком затянувшаяся...

— Всех обзвонила? — наконец слабым голосом вымолвила Верстакова.

— Всех, всех, — встрепенулась сиделка. — Но они и так знают про юбилей. Сто лет ведь, как тут забыть...

— Сказала про наследство? — перебила ее старуха, с трудом произнося слова.

— Надо было?

— Дура! — Марта Родриговна помолчала. — А то, что худо мне?

Сиделка кивнула.

— Молодец! Прискачут, как пить дать, прискачут. Кстати, а где мне водичка-то? — Верстакова сурово взглянула на пустой хрустальный стакан, стоящий на тумбе рядом с кроватью.

На следующий день хоромы Марты Родриговны действительно наполнились родственниками. Приехали оба сына с женами, внуки, тоже со своими половинами, и даже кое-кого из правнуков прихватили. Несмотря на затворнический образ жизни хозяйки квартиры, по обычаю в прихожей лежала куча тапок для гостей. Но и этого не хватило, чтобы обусть всю приехавшую родню.

Верстакова, делая над собой усилия, старалась как можно благодушнее принимать гостей, но видно было, что это дается ей с трудом. Она почти не вставала с постели, но и не лежала, а все время сидела. Для удобства Тоня постоянно поправляла ей сползающие за спиной подушки.

— Буквально в последние дни сдала, — то и дело повторяла она, словно извиняясь за состояние здоровья старушки.

— Сто лет, однако. Нам бы дожить до ее возраста, — вздыхали родственники.

Назавтра предстоял важный день, поэтому решили лечь спать пораньше. Гостиная, кабинет, спальня для гостей (бывшая детская), столовая и будуар хозяйки составляли пятикомнатное жилище на Невском, оттого в просторной квартире места хватило всем. К тому же внуки Верстаковой Иван и Алексей с женами и детьми уехали к своим питерским друзьям. У Алексея здесь жил армейский друг, а у Ивана — одноклассник.

Сыновья Верстаковой, семидесятилетние братья-близнецы Дмитрий и Георгий, разместились с женами в бывшей детской. В начале века это была их детская, но потом из нее сделали комнату для гостей. Внучки Марты Родриговны — Зоя и Валя с семьями — были поселены в гостиной и в кабинете. Расселением гостей и их благоустройством занималась молчаливая Тоня.

На следующее утро все проснулись довольно рано. Одна столетняя юбилярша спала как младенец. Решив ее не тревожить, занялись приготовлением праздничного обеда. Хоть продукты и припасли заранее, все же кое-чего не хватало, поэтому мужа Зои и Вали отправились в магазины.

Снохи Марты Родриговны — жены ее сыновей-близнецов — командовали на кухне, имея в подчинении Зою и Валю. Сами же Дмитрий Петрович и Георгий Петрович сидели в гостиной, предаваясь воспоминаниям и рассматривая старые фотографии. Правнуки юбилярши усвистали на улицу, дабы не мешать приготовлению к празднованию юбилея.

Зоя и Валя были дочерьми Дмитрия Петровича, а отсутствующие Иван и Алексей — Георгия Петровича. Старшая правнучка Софья тоже еще не пришла. И никто не знал, придет она вообще или нет. Ее дед Дмитрий Петрович и мать Валентина слезно просили не обойти вниманием юбилей прабабки, в ответ на это Соня только зубоскалила. Она помнила, как с ней обходился этот «престарелый крепыш». Однако мать в телефонных звонках постоянно твердила, что старуха на грани, вот-вот помрет, но Софье в это мало верилось. За те три месяца, что она провела у Марты Родриговны, из нее столько было высосано крови, что девушка родную прабабку иначе как «упырь» и не называла.

По правде говоря, все члены этой большой семьи недолго любили старушонку. Или уж совсем откровенно — не любили. Жить одной в пятикомнатной квартире в центре Санкт-Петербурга, когда внуки Иван и Зоя ютились

со своими семьями в коммуналках Москвы, Валя в деревне под Ярославлем, а Алексей вообще не имел своего жилья. Его, военного, время от времени перебрасывали из одной казармы в другую, семья тащилась за ним.

Несколько лучше к своим семидесяти годам устроились оба Петровича. Они имели собственные квартиры в Нижнем Новгороде, один — большую однокомнатную, другой — маленькую «двушку».

Когда-то, еще в двадцатые, молодые Дмитрий и Георгий привели своих жен жить к родителям. Это был сущий кошмар. Марта Родриговна, которая тогда еще, можно сказать, вовсю брызгала соками жизни, устроила такую «медвяную» жизнь собственным детям, что те бежали от родной матушки, роняя тапки. Аж до Нижнего добежали, а потом долго не приезжали навестить родителей. Лишь десять лет спустя, когда у них появились собственные дети, все же решились. Мать встретила их пулеметным огнем черно-жгучих глаз. Шалившие всю дорогу внуки Ваня, Алеша, Зоя и Валя, впервые увидевшие бабку, присмирели на несколько дней вперед.

В следующий раз семья собралась вместе на похороны Петра Петровича Верстакова, а последний раз все были в сборе, когда Марте Родриговне исполнялось восемьдесят, то есть двадцать лет назад. Потом ее тоже навещали сыновья и внуки со своими детьми, но в отдельности. Покидая роскошный старухин дом, они чувствовали, будто выбрались из ледяной ямы и нужно непременно бежать искать солнце для отогрева.

Верстакова, насколько ей позволяла находчивость, изгалялась над своими родственниками, и никто не мог дать ей отпор. Боялись бабули всем семейством, ни в чем не перечили, а послушно исполняли все бабкины прихоти — оттого что помнили про наследство. А наследовать было что. Квартира, мебель антикварная, картины, украшения. Все хотели иметь на память от бабки хоть какую-то бриллиантовую безделушку, а если повезет, то и не одну. Только Соне бабкино имущество было «до фонаря».

Когда внучка Марты Родриговны Валентина приехала в гости впервые с маленькой Сонечкой, девочке едва исполнилось полтора года. Бабка из всей своей многочисленной родни именно к Вале относилась с наибольшим презрением. Остальные хоть как-то устроились, а она вышла замуж за крестьянина и живет теперь в деревне. Срам-то какой! Верстакова нарочно морщила и без того сморщенный нос или зажимала его длинными костлявыми пальцами — мол, воняет навозом. Валентина Дмитриевна была по профессии ветеринаром и работала на ферме. Однажды, стоило ей только заговорить о своих поросятах, как бабка ее тотчас перебила:

— Хотела рассказать о балете в Мариинском, но, вижу, тебе про скот интереснее. Прости, у меня в знакомых таких не значится.

Маленькая Сонечка, как и большинство детей в ее возрасте, росла шаловливой. Однажды она так разбаловалась, что разбила прабабкину вазу. Фарфоровую. Китайскую. Дорогую.

Верстакова была безутешна в горе. Она никого не подпустила собрать осколки, сама бережно сложила их в пакет и попросила дворника закопать под деревом. Потом долго не выходила из своего будуара. А когда все же появилась к вечернему чаю, на ней лица не было. Словно она скорбела по дорогому ее сердцу существу.

Валентина попробовала, было, извиниться и как-то оправдать маленькую дочь, но Марта Родриговна, подняв вверх острую и длинную отвертку указательного пальца, тихим голосом произнесла:

— Сегодня для меня черный день. Я не только вазу хоронила.

Когда Софья поступила в Ленинградский технологический, прожив у прабабки три месяца и совершенно не реагируя на ее выпады и издевательства, чем бесконечно злила Верстакову, она умудрилась не просто вспомнить, а еще и расхохотаться над историей с вазой.

— Хоронили? Серьезно? Вы, оказывается, шутница великая!

Такое откровенное хамство старуха пережить не могла.

— Извольте, сударыня, освободить мои покои!

Софья, перестав смеяться, в недоумении посмотрела на прабабку.

— Если вы привыкли жить в своей деревне по-скотски — ваше право. Но у себя я подобного не допущу. Брысь! — брезгливо повела сухой ладонью старуха.

— Я вам не Мурзик! — Соня тоже не лезла за словом в карман. Она посмотрела на большие старинные часы в гостиной и добавила: — Сейчас уже поздно. А завтра, не беспокойтесь, соберусь и уйду.

— Немедленно! — Старуха уставилась на правнучку, не мигая. Ее обычно ленивые и надменные глаза заиграли рысьим блеском. — Иначе я буду вынуждена позвать полицию. У меня в доме проходимка.

Соня на мгновенье задумалась. Потом медленно сняла с шеи шифоновый шарфик и, отодвинув ногой стул, двинулась на бабу. Грузный антикварный стул с грохотом проехался по старинному паркету.

— Задушу, — просто сказала она.

И все же Софья пришла к прабабке в ее столетний юбилей. Безлюдная доселе квартира, пропахнувшая насквозь одиночеством и кошками, наполнилась народом. Марта Родриговна уже проснулась, но еще никого к себе не впускала.

Родственницы с большим интересом смотрели на модную Софью, решив каждая про себя, что одета она неприлично. Соня пришла в темных расклешенных брюках. Приталенный жакет, подчеркивающий изящную

фигурку, украшали большие металлические пуговицы и воротник «собачьи уши».

— Ну и вырядилась! — прошептала ее тетка Зоя.

Сердечно поздоровавшись с родней, девушка под руку с матерью удалилась в гостиную. Валентина с лета не видела дочь, поэтому старалась подробно расспросить об ее житье-бытье.

— Совсем худая стала! — Она чуть было не всплакнула, глядя на выпирающие ключицы дочери. — Изменилась.

— Мда... — Соня в задумчивости оглядывалась по сторонам, последний раз она была здесь четыре года назад. — Зато тут ровным счетом ничего не поменялось. Живи Марта Родриговна еще сто лет, все будет точно также — мертво.

— Тише, тише! — Мать прикрыла ей рот ладонью и с отчаянной мольбой посмотрела на дочь: — Не скандаль, пожалуйста!

— Пресмыкаться, как вы?

— Прошу! Ради всех святых, веди себя прилично! Не ссорься с ней. Попроси прощения за тот раз. Потом, может, и не будет другого случая, сто лет ведь бабуле. Может, простит она тебя. Только очень проси. — Валентина Дмитриевна помолчала и добавила шепотом: — Она наследство собралась делить.

Соня, хмыкнув, отвернулась.

— Ты слышишь? — с укором посмотрела на дочь Валентина. — Я тебе про наследство говорю!

Та, закатив глаза, собралась, было, сказать очередную дерзость, но увидела объемную роскошную люстру из муранского стекла и не преминула заметить:

— Да... упадет такая на башку, мало не покажется! Господи, душно-то как!

В полдень дети, внуки и правнуки собрались в столовой: Дмитрий и Георгий Петровичи с женами, Алексей и Иван, тоже с женами, Валентина, Зоя с мужьями. Маша, Лена, Толя, Оля, Соня — правнуки Марты Родриговны. Итого, семнадцать душ.

Стены, покрытые темными обоями с густым рисунком, совершенно не скрадывали пространство, даже наоборот, расширяли его, добавляя торжественности в мрачное настроение столовой.

В центре комнаты стоял большой стол. На белой скатерти с вышивкой игольчатым сказочным узором — Кадомский вениз — серебрились столовые приборы, важничал благородный фарфор и поблескивал хрусталь. Между ними возвышались бутылки с горячительным, на тарелках — всевозможные яства: черная и красная икра, белая и красная рыба, студень,

жареная утка, котлеты нескольких видов, маринады, соленья и прочее, прочее, прочее...

На все это с высоты смотрела бронзовая люстра на двенадцать свечей.

В ожидании юбилярши собравшиеся, от нечего делать, в сотый раз рассматривали убранство гостиной. Разговор не клеился. Ожидание затягивалось. И когда уже окончательно все заскучали, вдруг появилась виновница торжества. Как один, родственники соскочили со своих мест и, не сговариваясь, разразились громкими аплодисментами.

Опираясь на красивую трость, рукоять которой была усыпана кристаллами Сваровски с бриллиантовой огранкой и золоченым кольцом между ними, Марта Родриговна медленно вышагивала по гостиной к столу. Все оживленно смотрели на столетнюю родственницу. В длинном элегантном платье из синего атласа, покрытого черным шифоном, она словно несла в себе ушедшую эпоху дворянства.

— Та богиня мраморная — нарядить от Ламановой! — вполголоса процитировала Цветаеву Рита, жена Алексея.

Юбилярша вздрогнула и, замерев, с удивлением посмотрела на жену внука:

— Вы правы, милая. Это Надежда Ламанова. Портниха — лучшая из лучших. А вот чтобы носить такие наряды, нужно рот заклеивать или жрать поменьше! — Рукоять трости она легонько стукнула Риту по выпирающему животу. Жена внука виновато улыбнулась. — Держи, дарю! — Марта Родриговна протянула ей трость и тут же подставила руку для поцелуя. Затем, опираясь на спинки вековых стульев, медленно, но все же дошла до главного места за праздничным столом. — Что это? — с ужасом спросила юбилярша, указывая на глубокое кресло с широкими подлокотниками. — Это же мужское кресло! Болваны! Вы разве не знаете, что существуют мужские и женские кресла? А если бы я была в кринолине? Вот, — кивнула она на стоящее неподалеку вертикальное кресло с крошечными ручками, — немедленно подать!

— Бабушка, мы хотели, чтобы вам было удобнее... — Иван бросился менять кресла местами.

— Мне? Удобнее? В мужском кресле? Может, тебе, милейший, будет удобнее в женских чулках? Тоня, принеси!

— Нет, нет, не стоит, — сконфужено пробормотал Иван, унося подальше от бабки глубокое мужское кресло.

Дурдом! Софья фыркнула. Хоть и не громко, но все же старуха ее услышала и окатила правнучку презрительным взглядом:

— Я почувствовала, что ты пришла. Духом пролетарским запахло.

«Так ваш же муж был чуть ли не самый главный пролетарий! Чиновничек в Пролеткульте», — едва не сорвалось у Софьи с языка. Но Валентина,

стоявшая рядом, боясь, что дочь сейчас обязательно что-то вякнет, больно ущипнула ее за спину.

— Вижу, что вам дичь не полетит в горло, пока вы не узнаете, кому какой стул принадлежит, — усмехнулась юбилярша.

— Нет, что вы, как можно... — раздалось из-за стола.

— Не лгите, филистеры! — устало вздохнула Марта Родриговна. Она закрыла глаза. Помолчала. Потом тихо произнесла: — Я очень утомилась за сегодняшнюю ночь. Думала. Вспоминала. Размышляла.

Все, включая маленьких наследников, сидели, боясь пошевелиться, преданными глазами глядя на богатую родственницу. Одна Софья смотрела на пустую тарелку перед собой. Ей нестерпимо хотелось есть.

— Я считала и считаю до сих пор, что каждый всего должен добиваться сам. По этой причине я никогда не помогала ни сыновьям, ни внукам. Мои деньги слишком бы вас расслабили. А нужно трудиться. Как это делали я и мой покойный муж.

— А разве вам самой ничего по наследству не перешло? — осмелилась спросить Соня. Отовсюду в ее сторону полетели злобные взгляды.

— Нет, милочка, не перешло. Мой отец был мелкопоместный дворянин. Я его не знала. Только то, что он обожал испанцев и взял себе имя Родриго вместо какого-то пресного православного. Он застрелился за месяц до моего рождения. По причине того, что проигрался. Банально. Мда... Мы с матерью жили в огромной нужде. Когда мне шел пятнадцатый год, мама заболела и умерла. А меня взяли к себе дальние родственники. Но не на правах родственницы, а прислужницы. Боже, как давно это было!.. Очень давно, еще в 1885 году. А на следующий год мы поехали в Париж. Я хорошо пела, вот меня и взяли с собой. Отныне не только им прислуживала, но и развлекала ежевечерних гостей. Но мне это было не в тягость, а даже в радость. Я очень старалась петь, и это получалось у меня хорошо. Однажды к нам в гости заглянул один молодой человек...

— Француз? — не удержалась от вопроса пятнадцатилетняя Машка.

— Немедленно убери локти со стола! — Верстакова бросила испепеляющий взгляд на правнучку. — Где вас только учили хорошим манерам? Нет, русский. Да в Париже русских тогда было больше, чем самих французов. Я влюбилась в него до беспамятства. Дышать, пить и есть забывала. Это был мой рай и ад одновременно. Ад — потому что Леонид был не свободен... Однажды, гуляя по Оперному проспекту и выйдя к Гранд-опера, он вдруг воскликнул: «Это же твое место!» «Какое?» — не поняла я, разглядывая золотые статуи главного фасада. «Ты обязательно должна стать оперной певицей! Всемирной! Известной! Ты рождена для этого».

Уезжая из Франции, я понимала, что прощаюсь с Леонидом навсегда. При последней встрече он подарил мне букет алых тюльпанов в красивой

фарфоровой вазе. Мы решили сфотографироваться на память. Мне очень хотелось, чтобы на снимке был его подарок. Так и получилось. Я, он и китайская ваза с цветами и виртуозной цветочной росписью... Как вы знаете, я стала оперной певицей. Примадонной. Долго рассказывать, чего это мне стоило. Есть много статей обо мне, интервью, мои воспоминания, наконец. Я бесконечно ездила по миру. Меня окружали толпы поклонников. Эх, филлистеры, золотое было время! На рубеже 19-20 веков русское оперное искусство достигло расцвета. Определились черты национального стиля. Его формирование шло в процессе исполнения опер русских композиторов. Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков... — Лицо юбилярши, обычно цвета жухлой розы, порозовело от нахлынувших воспоминаний. Она попросила Тоню подать ей веер, но не раскрыла его, а положила перед собой и продолжила: — Понимаете, что это было за время! Мое время. Я была молода, талантлива, полна сил, имела успех. Но вдруг в начале 1900 года забеременела. Мне казалось, что это конец всему. Прощай, музыка, сцена, слава! Что ждет меня, обладательницу чистейшего лирического сопрано? Однако отец моих будущих детей — тогда я, разумеется, не знала, что появятся близнецы, — настоял на нашей женитьбе. Моим мужем стал импресарио Ковент-Гардена Брайн Донатан. Он специально приезжал в Петербург пригласить меня на работу в Лондонскую оперу. Мы переехали жить в Англию. Родились близнецы. Через два года муж умер, и я с детьми вернулась в Россию. Через год вновь вышла замуж. Моим мужем стал Петр Петрович Верстаков, человек, который играл не последнюю роль в культурной жизни царской России, а потом — молодого советского государства. Мои дети стали его детьми, сменив английскую фамилию на русскую. Поскольку к моменту замужества я уже была прославленной певицей, то и продолжала выступать под своим сценическим именем. Только после того, как ушла со сцены, взяла фамилию Петра Петровича. Это было незадолго до его смерти и войны.

И дети, и внуки Марты Родриговны знали старухину историю почти наизусть, но, тем не менее, слушали очень внимательно.

— Вот, собственно, и все. — Юбилярша, опершись на стол, попыталась встать. Ей тут же поспешили на помощь, но она отвергла ее. — Вы веселитесь, ешьте, пейте, а мне пора на покой.

— Мама, а вы... — растерянно произнес Дмитрий Петрович. — Вы разве не с нами?

— Тебе всего семьдесят, а ты как дед выглядишь. Разве мне интересно со стариками? Мне бы с молодежью. Старуха посмотрела на Софью: — Пойдем-ка, проводи меня.

Соня повела прабабку в ее комнату.

А в гостиной тем временем продолжало расти недоумение. Родственники в замешательстве смотрели друг на друга, не зная, что предпринять.

— А, — махнул рукой Дмитрий Петрович, — давайте и впрямь накатим для начала. Закинь мне, котенька, котлету, — обратился он к жене.

— Я так и не понял, это все, что ли? — Георгий Петрович вопросительно взглянул на брата. — Мить, как это понимать?

— Как, как... Мать наша — дура старая, вот как! — Дмитрий Петрович налил себе в рюмку водки и залпом выпил. На его фарфоровой тарелке лежала золотистая котлета, которую он отчего-то проигнорировал.

— Котлеткой хоть заешь, — придвинула ему тарелку жена.

— Это что за башмак такой? Кто наделал этих уродов?

— Это у вашей маменьки в Мариинском или где там еще... в кованом этом гардеене пусть трехграммовые котлеты подают, — вспыхнула жена.

— У меня эти дни — рабочие, я ж с работы отпросился, — вздохнул сидящий на другом конце стола Иван.

— А мы избу на тринадцатилетнюю Ирку оставили, приперлись сюда из-под Ярославля. — Валентина комкала в руке салфетку. — Да... Починили крышу, веранду справили...

— Да подожди ты, еще не все потеряно, — обнадежил ее муж.

— И, главное, ни слова про наследство... — сказал Алексей, военный здоровяк. — А говорили, помирать собралась. Нам всем что-то отпишет...

— Отпишет! Как же! У нее дурость зашкаливает, что угодно ожидать можно, — прошептала Рита, жена Ивана.

Все посмотрели на бабкину, а теперь уже Ритину трость. Хоть что-то...

Соня довела прабабку до постели и помогла ей лечь.

— Я даже при закрытых дверях знаю, что говорят в столовой, — усмехнулась старуха.

Правнучка не ответила.

— Этой ночью я всем расписала наследство. На днях оно будет оформлено юридически. — Верстакова кивнула на большой лист бумаги. Он лежал по соседству с лекарствами на прикроватной тумбе времен Людовика XVI. — Тебя интересуется, что в нем? — Она пристально посмотрела на Софью.

— Не так чтобы очень... — пожала та плечами.

— Возьми, полюбопытствуй.

Под прицельным взглядом прабабки Соня встала со стула, подошла к тумбе и взяла в руки лежавший там листок. В одной колонке витиеватым почерком перечислялись родственники, напротив которых, во втором столбце, значились причитающиеся им вещи: мебель, украшения, картины и прочее. Она несколько раз пробежала глазами по списку, но, так и не обнаружив

себя, положила список обратно на место и взглянула на прабабку. Та явно испытывала чувство злорадного удовольствия.

— Нет слов, чтобы отблагодарить бабулю?

— Но там про меня ничего не сказано...

— Неужели?

— Нет, по крайней мере, я не увидела.

— А что, хочется стать богатой наследницей? Скажи, хочется? А еще, чтобы тебе одной все это принадлежало, да?

— Хочется, — дерзко ответила Соня.

— Вот как? А я думала, тебе ничего от меня не надо. И что ты вообще не придешь! Я ведь сама себе поставила условие: вписать в наследство только тех, кто придет.

— Но я же пришла.

— Ты пришла, когда я уже все написала. Целую ночь не спала. В моем то возрасте. Оттого и синяки под глазами появились. — Старуха легонько постукала кончиками пальцев по нижним векам. — Прикажешь мне теперь это все переписывать? Перераспределять богатства? Ну, уж нет. Довольно нудная работа — делить наследство. И неблагодарная.

Наверное, надо встать и уйти? Или нахамить ей, высказать все, что другие не могут. А вдруг это ее очередная проверка?

Верстакова громко чихнула, потом еще раз.

— Будьте здоровы! — машинально проговорила Соня.

— Ты, вероятно, хотела сказать, сдохни побыстрее! — Марта Родригосна снова чихнула. — Вот видишь, правду говорю!

— Ох, и скучно же вам будет одной в могиле! Поиздеваться не над кем, — бросила Соня, застегивая пуговицы на жакете. — Пойду в кафе, тут у вас «Лягушатник» в двух шагах, поем мороженого. Отогреюсь, быть может.

— А я все же приготовила тебе кое-что. Ночью, пока все спали, мы с Тоней перебирали мои вещи. Их много. Накопилось за сто лет. Вот сюда, — указала Верстакова на самую обычную серую продолговатую коробку на серебристо-цветастом диване, обрамленном красным деревом, — я не заглядывала много лет. Она лежала на антресолях. В свое время ревнивый Верстаков приказал ее выбросить, но я спрятала ее высоко-высоко.

Соня невольно посмотрела на высоту стен. Пять метров впечатляли ее всегда, особенно, когда была маленькой. Интересно, что там, в коробке? Сапоги — первое, что пришло на ум. Ну, нет. Может, картина какая? Почему тогда ее прадед хотел выкинуть?

— Возьми коробку. Она твоя. Ну, что же ты медлишь? Открывай. Повторяю, она твоя.

Соня с некоторым волнением сняла крышку. В коробке лежала небольшого размера старая фотография, под ней какой-то рисунок. На фотогра-

фии — молоденькая девчушка с каким-то усатым хмырем, а между ними ваза с цветами, которую они держали за ручки, каждый со своей стороны. Довольно глупая фотография.

— Узнала? — спросила Марта Родриговна.

— Судя по тому, что вы рассказывали, это вы сами, Леонид и ваза.

— Узнала, — переспросила прабабка, — вазу?

— Полагаю, это тот самый шедевр, который я кокнула в детстве.

— Вот именно, что кокнула! Я сразу тогда сказала, что из этого ребенка ничего путного не выйдет.

Отложив фотографию, Софья взяла в руки картон с изображением девушки. Невзрачно.

Старуха без интереса глянула на портрет и произнесла:

— Эту фотографию с вазой заberi, дорогуша, себе. Она и есть твое наследство. На вечную память. Ну, и портретик в придачу. Жаль просто так его выкинуть.

С довольно никчемного рисунка на Сою смотрела довольно примитивная девушка.

— Это кто?

— Представь себе, я. Якобы я. На самом деле, никакого сходства. Какой-то художник-дилетант привязался ко мне на Монмартре. Жалкий такой, голодный. Пристал, как банный лист. Ладно, рисуй! — не выдержав, согласилась я. Он и давай малевать. Я глянула — ну, ничего общего со мной! Кинула ему горсть монет из жалости. Портрет забрала, хотела выбросить, да так и оставила зачем-то. «Не советовала бы тебе рисовать, дурень, — сказала ему на прощанье, — а то ведь и морду могут набить!» А он мне — свое поросычье: уи, да уи, а еще — мерси. А сам Бабуин при этом.

— Бабуин? — Софья вообще отказывалась понимать, что происходит.

— Художник. Фамилия такая. Он там подпись оставил в уголке.

Соня мельком глянула на подпись. Действительно, что-то типа «Бабуин».

Все, с нее предостаточно. Она больше не хотела слушать весь это бред. В голове только и скользило: бабуин, уи, ваза, ваза, бабуин...

— Вижу, ты осталась довольна. — Прабабка даже не пыталась скрывать злорадства.

Только бы не унизиться — не сорваться. Не надеть ей на голову этот портрет с фотографией и коробкой в придачу.

— Премного благодарна, — кивнула Соня.

— Что ж, тогда ступай, кромсай бабку, режь. Ты же сейчас этим займешься? Можешь на мелкие кусочки порвать и выкинуть в окно. Полетаю!.. — разошлась Марта Родриговна.

— Сами шутим, сами смеемся! — бросила Соня, выходя из комнаты. — Хорошо вам повеселиться в ваш столетний юбилей!

Ни с кем не попрощавшись, она, с коробкой под мышкой, поспешила в общежитие. Войдя к себе, запихнула коробку под кровать и, не раздеваясь, легла, отвернувшись к стенке. Слезы обиды душили ее. Какой цинизм! Перед глазами всплывала тошнотворная прабабкина обстановка.

Подруги по комнате приставали к Соне с расспросами, пытались развеселить, но, видя, что ничего не выходит, отстали.

Жених Сони Игорь Колыванов вернулся в общежитие под вечер. Думая, что его девушка проводит время на юбилее с родственниками, он тоже решил навестить своих родных. Зайдя в комнату и увидев, что девушка очень расстроена, Игорь немедленно потребовал объяснений, и Соня рассказала ему все до мельчайших подробностей.

— Вот, Гарик, такая у меня бабка. Не бабка, а бабуинша, вернее, прабабуинша, — невесело усмехнулась она.

— Э, нет, не скажи. Бабуины — приматы с высокоразвитыми социальными отношениями. Они никогда не живут поодиночке. — Игорь снял очки. — Наследство-то хоть покажешь?

Соня достала из-под кровати коробку, вытащила из нее прабабкину фотографию и рисунок, а пока Игорь рассматривал снимок, пыталась вслух прочесть замысловатую фамилию художника-француза.

— Бабуин... Нет, Баугуин. Совершенно не разобрать, какая первая буква. Саугуин... Саугин, наверное. Русский, что ли? Где она тут бабуина увидела? Глянь, по-моему, Саугин какой-то, — протянула она, делая ударение на «у».

— Салугин, может? Или Калугин?

— Да нет же, Саугин.

Игорь недавно начал изучать французский и уже вполне сносно мог читать на нем. Он взял рисунок, взгляделся в подпись: «GAUGUIN», и воскликнул:

— Гоген!

Спустя некоторое время Игорь и Софья закатили грандиозную свадьбу. Поженившись, Колывановы стали постоянно навещать Марту Родриговну, а потом и вовсе переехали к ней и ухаживали за старухой до самой ее смерти. Она прожила еще почти три года и все это время не переставала ерничать и насмехаться над ними по любому поводу, ее колкости стали даже еще ядовитее.

— Одно мне непонятно, как ты вмиг сделалась баснословно богатой особой? Немедленно расскажи! — приставала Верстакова к правнучке.

— Благодаря примату, — улыбалась Соня.

— Кого ты имеешь в виду, — недоумевала старуха, — человека или обезьяну? □

Анна Аглатова — солистка Государственного академического Большого театра России. Еще в начале творческого пути, будучи студенткой музыкального училища, она стала стипендианткой Международного Благотворительного Фонда Владимира Спивакова, а в 2006 году победила в конкурсе молодых певцов «Новые голоса». В 2009-м — была удостоена особого молодежного гранта и премии «Триумф», в 2014-м — получила премию Президента Российской Федерации — «Для молодых деятелей культуры», которая является высшим признанием заслуг перед обществом и государством.

Анна Аглатова

*«Я давно не говорю о мечтах.
Я — работаю!»*

Анна не только обладает красивым, сильным голосом, но и наделена блестящим артистическим даром. Мюзетта — в опере «Богема» и Лю — в «Принцессе Турандот» Дж. Пуччини, Пашина — в «Вошебной флейте», Донна Анна — в «Дон Жуане», Деспина — «Так поступают все женщины» — в операх Моцарта, Ксения — в опере М. Мусоргского «Борис Годунов», Микаэла — в опере Ж. Бизе «Кармен», Маргарита — в опере Ш. Гуно «Фауст», Сирин — в опере Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» — вот далеко не полный перечень созданных певицей на сцене образов, запомнившихся зрителям.

— Анна, что нового происходит в вашей творческой жизни сегодня?

— Мое творческое состояние сейчас — это Гендель — Моцарт — Россини. В опере «Альцина» на музыку Георга Фридриха Генделя я исполняю партию Морганы, в «Свадьбе Фигаро» Вольфганга Амадея Моцарта — партию Сюзанны, и работаю над партией Розины — опера «Севильский цирюльник» Джоаккино Россини.

— Премьера оперы «Альцина» стала ярким событием в культурной жизни столицы. Барочные оперы часто переосмысляются, и режиссер Митчелл не исключение. Поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями, как вам работалось над партией волшебницы Морганы, слож-

но ли было входить в этот драматически не простой образ?

— Я, конечно, очень волновалась, эта интересная и сложная работа с известнейшим британским режиссером современности Кэти Митчелл стала важным событием в моей творческой жизни. Сама постановка ультрасовременная, и чтобы выйти на сцену в партии Морганы, мне пришлось много работать над собой, в том числе и психологически. Дело в том, что сценический образ артиста не должен быть связан с нашим личным отношением к тем или иным поступкам персонажа. Героиня — это одно, это сценический образ, а в жизни артист — совершенно другой человек, и соединять эти два понятия не нужно. Я это переосмыслила и теперь выхожу на сцену, скажем так, с большей свободой.

— Кого вы считаете своими учителями в профессии?

— Два человека идеальны для меня во всех смыслах, потому что и вкусы этих людей идеальны, и манера преподавания. Это американка Кэтрин Грин и наш прекрасный российский педагог — Дмитрий Юрьевич Вдовин. Он является для меня примером, его вкусовые приоритеты, его взгляды на оперное пение.

— Вы учились в Молодежной оперной программе Большого театра?

— Нет, я пришла в Большой театр совсем юной — я обучалась в Гнесинском училище у Рузанны Павловны Лисициан. Тогда еще не было Молодежной программы, и сейчас я радуюсь за молодых певцов, что у них есть возможность учиться в этой программе под руководством Дмитрия Юрьевича Вдовина. Они

могут брать уроки у лучших педагогов и коучей.

— Анна, вы обладаете редким по красоте голосом и великолепны в роли Сюзанны — «Свадьба Фигаро». Расскажите о своей работе над этой постановкой.

— С работой над «Свадьбой Фигаро» связаны прекрасные воспоминания. Евгений Писарев — удивительный режиссер! Хорошая сложилась команда, замечательный состав: Фигаро — Александр Миминошвили, графиня — Анна Крайникова, граф Альмавива — Константин

Шушаков. Мы в «Свадьбе Фигаро» были такими, какие мы и есть в жизни, поэтому спектакль получился такой живой.

— А есть партии, которые вы мечтаете исполнить на сцене в будущем?

— Я давно не говорю о мечтах. Я работаю. Но! Есть несколько партий, которые, на мой взгляд, потрясающие, например, партия Клеопатры в опере Генделя «Юлий Цезарь», совершенно феноменальная музыка.

Мечты для меня — это то, что редко исполняется, что-то несбыточное,

а я привыкла добиваться целей. В нашей профессии, если ты хочешь что-то петь, то учишь партию, много занимаешься и, потом обязательно это случится, ты исполнишь роль на сцене.

Партия Клеопатры из «Юлия Цезаря» и партия Розины из «Севильского цирюльника» — разные по драматическому наполнению, но они очень мной любимы.

— Зрители канала «Культура» видели вас в «Полиглоте», изучающую испанский язык под

руководством Дмитрия Петрова. Это был интересный опыт?

— Конечно, интересный, ты развиваешься, узнаешь что-то новое, и это важно. По-испански я уже умела читать. У Рузанны Павловны Лисициан в классе всегда было очень важно развиваться, мы, студенты, пели арии, романсы и вообще играли на языке оригинала. Благодаря ей я научилась читать не только по-испански. Но без практики язык нельзя выучить. Для изучения языка необходимо практиковаться постоянно, как, например, и в музыке. Только так.

— Существуют ли какие-нибудь ограничения для оперных певцов?

— Все очень индивидуально. Мне нельзя пить холодную воду, следует избегать переохлаждения и сквозняков, в разгар рабочего процесса надо беречься. Но многие певцы не придерживаются этих правил: едят мороженое, пьют холодную воду, грызут семечки. Нужно всегда понимать свой организм и прислушиваться к нему.

— Ваша семья музыкальная?

— Родители моего папы очень музыкальные люди, один из дедушек был профессиональным гитаристом, папин брат тоже музыкант, прекрасно играл на аккордеоне, к тому же у него красивейший голос от природы. Одна из бабушек была профессиональной певицей, обладала драматическим сопрано.

— Какие качества в людях вы особенно цените?

— Самое главное — это честность, но, к сожалению, это сразу не понять. Душевная открытость — чтобы человек был гостеприимным не только в своем доме, но и в своем сердце, а еще обладал чувством юмора и часто улыбался.

Искреннее и открытое отношение к людям — это всегда важно. Я не люблю людей, которые пытаются произвести впечатление, чаще всего, они ничего из себя не представляют.

— Какого вам хочется видеть зрителя в зале?

— Все очень просто. Культурного. Чтобы во время спектакля люди не разговаривали и отключали свои мобильные телефоны, чтобы не уходили во время действия спектакля — это неуважение к артистам.

Наша профессия очень сложна, на сцене мы, артисты, «оголены» — очень чувствительны, и малейшее неуважение зрителя нас всех сильно ранит.

Хочется видеть проявление культуры со стороны публики — ведь это не требует никаких усилий, ни финансовых, ни физических. □

Беседовала **Елена Воробьева**

— Дзынь! — прозвонил колокольчик.

Анна пошла открывать, потому что прислуги у нее не было, и все приходилось делать самой.

— Дзынь-дзынь! — настырно звенел колокольчик, который она повесила вместо звонка.

— Да сейчас! — крикнула Анна, потому что замок заедал, ведь в доме не было мужика.

За дверью никого не оказалось.

То есть, «дзынь-дзынь» был, вот прямо здесь, прямо сейчас, а за дверью никого не было.

Анна выглянула, покрутила головой, пожала плечами и захлопнула дверь.

— Дзынь-дзынь! — прозвенел колокольчик.

— Я сейчас кому-то голову оторву! — снова крикнула она и снова начала открывать дверь.

Ее пришлось пнуть коленкой, чтобы она поддалась.

— Дзынь-дзынь! — трезвонил колокольчик.

За дверью никого не было.

Анна взяла битку, вышла на крыльцо и стала обходить дом.

Светило солнце, пели птицы.

Сирень, как водится, цвела...

Бита была неуместна, хмурое лицо и блеклый халат тоже как-то не вписывались в пейзаж.

— Дзынь-дзынь! — раздалось за спиной.

Анна резко развернулась к крыльцу. У двери никого не было. Черта с два пытаться напугать Анну, особенно с битой!

— Козлы! — выкрикнула она и, замахнувшись, помчалась к другому углу дома.

Светило солнце, пели птицы.

Сирень, как водится, цвела...

За другим углом тоже никого не было.

— Дзынь-дзынь! — раздалось за спиной.

Анна сделала вид, что не слышит.

Замерла.

Застыла.

Окаменела.

Как статуя с битой.

— Дзынь-дзынь! — издевался за спиной кто-то.

Она закрыла глаза и попыталась представить его.

Маленький.

Юркий.

Злой.

Потому что добрый не стал бы так издеваться над пожилой, в сущности, женщиной.

— Эй! — произнесла она, не оборачиваясь. — У меня там камера есть. Я тебе «хулиганку» пришью, козел!

— Дзынь-дзынь! — захохотал колокольчик, словно знал, что камеры никакой нет.

— Я те щас как дзынькну!

Анна опять развернулась в прыжке и помчалась вокруг дома.

Платок слетел с головы, халат расстегнулся, тапок отлетел в сторону.

— Дзынь-дзынь! Дзынь-дзынь! — звенело то слева, то справа, то сзади, то впереди...

Она остановилась, отбросила биты, села на траву и заплакала.

— Зачем ты надо мной издеваешься? — спросила она у Дзыня. — Что тебе надо? Унизить меня? Посмеяться?

— Дзынь! — хохотнул Дзынь.

— Ну, унижай! Смейся! Мне сорок лет, а все только и делают, что смеются надо мной и унижают.

— Дзынь?! — удивился Дзынь.

— Да, сорок, — всхлипнула Анна. — Что, меньше пятидесяти не дашь?

— Дзы-ы-ынь... — неопределенно выразился Дзынь.

— А ты попробуй один заработать вот на эти хоромы! Каждый кирпичик сама покупала! Каждый гвоздик вот этими вот руками... — Анна посмотрела на свои руки и тихо добавила: — Нет, не забивала, конечно... Но контролировала. Прораб — сволочь. Мама — дура. Муж — кобель. А тут еще ты...

— Дзынь! — почти сочувственно откликнулся Дзынь.

— Че ты дзынькаешь?! У тебя штукатурку мешками воровали?! Краску банками тырили?! Говорили, что ты хреновая дочь?! А к стенке от тебя отворачивались, когда ты секса ждешь?!

— Дзынь-дзынь-дзынь! — торопливо открестился от всех этих ужасов Дзынь.

— Вот-вот... Всех на хрен послала. И прораба. И маму. И мужа. Мужа — первого. Потом маму... Или наоборот, не помню. А прораба побила. — Анна подняла биту, потрясла ею. — Красота теперь дома! Ни души! Только мыши иногда скребутся. Да ты вот завелся...

— Дзынь! — романтично пропел Дзынь.

— А я, между прочим, красивая, — строго сказала Анна. — Если оденусь, накрашусь и причешусь...

— Дзынь? — не поверил Дзынь.

— Козел ты! — огрызнулась она. — Такой же, как муж мой. У меня, говорит, репетиция... А сам актрисок своих... Ладно бы, хоть зарабатывал по-человечески, а то копейки в своем театре получает, сам же их и проедает.

Дзынь не ответил — видимо, из мужской солидарности.

— Тебя как зовут-то? — спросила Анна.

Дзынь промолчал.

— А может, ты баба?

Дзынь опять промолчал.

— А может, ты Петькина баба?! — Анна встала, угрожающе подняла биту: — Ну, я тебе щас... — и помчалась вокруг дома.

Второй тапок слетел, волосы растрепались, в глаз что-то попало...

Она остановилась и жалобно проныла:

— Ма-а-ам... Ну, хватит, а?! Я знаю, ты на такое способна.

— Дзынь! — дерзко ругнулся Дзынь — прямо как мама.

— Я тебя из дома не выгоняла! Ты сама ушла!

— Дзынь-дзынь! — не согласился Дзынь.

Анна осторожно выглянула из-за угла.

Возле крыльца никого не было.

Мама, с ее артритом, склерозом и привычкой стоять на своем, вряд ли смогла бы так быстро передвигаться.

— Прораб! — догадалась Анна. — Это ты, сволочь, издеваешься надо мной?!

Дзынь не опроверг и не подтвердил эту догадку.

— Что, дистанционное управление к моему колокольчику подцепил?! И как я сразу не догадалась?

— Дзынь! — с вызовом подтвердил Дзынь.

— Вот гад!

Анна решительно подошла к двери и внимательно рассмотрела колокольчик. Никаких технических чудес на нем не было.

— Дзынь! — дзынькнула она в колокольчик. — Господи, страшно-то как! Была бы мама, так страшно не было бы... И Петька... Петька бы давно этот «дзынь» прибил.

Анна бросилась в дом, позвонила маме. А потом — Петьке.

Или наоборот.

Петьке она сказала, чтобы немедленно возвращался, черт с ними, с его репетициями, тем более что с актрисами она его на застывала, это все ее домыслы.

Маме она сказала все то же самое.

Ответы слушать не стала, ведь что бы обидное они ни сказали в ответ — примчатся с чемоданами через пятнадцать минут.

Ну, через час.

В крайнем случае — через два.

Совсем в крайнем случае — к вечеру.

Ну, совсем-совсем в крайнем случае — завтра утром.

Ну, если уж совсем-совсем-совсем в крайнем...

Думать о том, что целую неделю, а то и месяц она в одиночестве будет слушать «дзынь-дзынь», было страшно и неприятно.

Анна решила сесть у окна и ждать, кто первый приедет — муж или мама.

Из окна было хорошо видно крыльцо.

Светило солнце, пели птицы.

На куст сирени сел скворец.

Он потянулся к колокольчику, схватил веревку, дернул...

— Дзынь-дзынь! — прозвенел колокольчик. □

Ее считали героиней самой романтической истории XX века. И не без оснований. Ведь именно ради нее английский король Эдуард VIII отрекся от самого блистательного в мире престола, процарствовав всего 326 дней.

Они прожили вместе без малого тридцать пять лет, и ни разу за все это время бывший король не выразил сожалений по поводу сделанного им шага.

Кто же она все-таки была, эта Уоллис Симпсон, американка, которую пресса тридцатых именовала «роковой женщиной», «авантюристкой», а то и еще похлеще — «змеей с берегов Потомака»?

Специалисты по генеалогии утверждают, что среди дальних предков Бесси Уоллис Симпсон (ее девичья фамилия Уорфилд) были даже персоны королевской крови. Это обстоятельство, однако, не имело практически никакого значения. Ведь ко времени рождения Уоллис в июне 1896 года жизненный уклад ее семьи ничем не отличался от уклада тысяч других семей американского Юга. Впрочем, если в тот период судьба ее мало чем напоминала судьбу принцессы, то и на жизнь Золушки она тоже не походила. Мать девочки была довольно энергичной особой, и Уоллис, хотя и рано потеряла отца, смогла получить неплохое образование, окончив один из привилегированных пансионатов в Мэриленде.

В семнадцать лет она танцевала в лучших гостиных Балтимора, очаровывая мужчин своим остроумием и экстравагантной внешностью: Уоллис первой среди девушек Балтимора ввела в моду короткую стрижку, узкую юбку. Она носила изящную черную «мушку» на щеке и одевалась в нарочито мужском стиле — плотно облегающая блузка с широким отложным воротником, узкий галстук, лакированный ремень, подчеркивающий неправдоподобно тонкую талию.

Уоллис исполнилось девятнадцать, когда она встретила и полюбила молодого морского летчика по имени Эрл Спенсер. Через полгода они поженились. Но уже во

время медового месяца она поняла, что полюбила алкоголика. Эрл часто устраивал пьяные дебоши, ломал мебель. Однажды в припадке пьяной ярости он запер Уоллис в ванной почти на всю ночь. А в один прекрасный день он вообще исчез из дому. Только через четыре месяца Уоллис узнала, что Эрла перевели в Вашингтон. Поддавшись на его обещания исправиться, она приехала в столицу, но и там все продолжалось по-прежнему. На этот раз Уоллис не выдержала. Она знала, что ее родственники из религиозных соображений будут против развода, но оставаться с Эрлом больше не хотела.

Начался новый период ее жизни в Вашингтоне. Молодая привлекательная женщина пользовалась большим успехом в светских кругах столицы, особенно среди дипломатов: она встречалась с послом Муссолини, князем Каэтани, военным атташе Аргентины, доном Фелипе Эспилом.

Летом 1923 года Уоллис получила весточку от мужа, которого к тому времени перевели в Гонконг. Мольбы Эрла и желание побывать на таинственном Востоке сделали свое дело, она согласилась приехать к нему в Китай.

Дальневосточный период жизни Уоллис самый таинственный. В нем немало белых пятен. Совместную жизнь с Эрлом ей, как и следовало ожидать, наладить не удалось. Тем не менее, в Гонконге и Китае она провела почти два года, и дольше всего жила в Шанхае.

Уоллис Симпсон в юности

Справа: *Свадьба с Эрлом Спенсером*

Когда в начале тридцатых отец принца Эдуарда, король Георг V, захотел узнать, кто же та женщина, из-за которой потерял голову его сын и наследник, руководство Интеллидженс Сервис подготовило для него специальное секретное досье. Содержание этой папки как раз и составили документы и сообщения, связанные с пребыванием Уоллис в Китае.

Ознакомившись с бумагами, король, как передают, пришел в ужас.

Уоллис не только вела, так сказать, «рассеянный» образ жизни в Шанхае, который в середине двадцатых являлся крупным центром международного шпионажа, но и имела немало весьма сомнительных знакомств.

В 1926 году Уоллис вернулась в Штаты, но развод с Эрлом ей удалось оформить только в конце 1927-го. К тому времени она уже почти год была знакома с Эрнестом Симпсоном, который вскоре стал ее вторым мужем. Филиал фирмы отца Эрнеста находился в Лондоне, и молодая чета отправилась туда. Довольно скоро Симпсоны стали вхожи в великосветские салоны Лондона. Уоллис тесно сблизилась с виконтессой Телмой Фернесс, возлюбленной принца Уэльского. Их связь была тогда в полном разгаре. Телма и представила Симпсонов принцу, которого близкие и друзья звали Дэвидом. Уоллис было тогда тридцать четыре года.

Поначалу Симпсоны довольно редко удостоивались чести посещать Форт Бельведер — неофициальную резиденцию принца. Однако постепенно американская пара стала желанными гостями в Форте. Принц все больше поддавался обаянию Уоллис. К середине 1934 года она уже по существу играла роль хозяйки на приемах, обедах и уик-эндах в Форте. Ее муж Эрнест тоже присутствовал на этих увеселениях, но где-то на заднем плане.

В конце концов она окончательно вытеснила из Бельведера двух прежних возлюбленных принца — Телму Фернесс и Фреду Дадли Уорд. Эдуард буквально засыпал ее изумительной красоты драгоценностями. После какого-то приема одна из дам, не посвященная в характер отношений принца и Уоллис, заметила, что изысканный туалет госпожи Симпсон как-то не вяжется с массой блестящей бижутерии, которую та на себя надела. Раздался взрыв хохота, и изумленной даме

В высшем свете все больше судачили о том, каким образом этой еще недавно никому не известной американке удалось настолько привязать к себе Эдуарда. Его родители были категорически против этих отношений, и Георг V заявил, что не желает видеть Уоллис у себя в Букингемском дворце

объяснили, что эта «бижутерия» стоит сотни тысяч фунтов и подарена принцем.

В высшем свете все больше судачили о том, каким образом этой еще недавно никому не известной американке удалось так привязать к себе Эдуарда. А его родители, король Георг V и королева Мэри, были категорически против этих отношений — ознакомившись с уже упоминавшимся «китайским» досье приятельницы сына, Георг V заявил, что не желает видеть Уоллис у себя в Букингемском дворце.

Но вскоре старый король скончался, и Эдуард начал открыто появляться с ней на людях. Они много путешествовали вместе и совершили длительный круиз на яхте друзей «Налин». Их везде встречали восторженно. В Дубровнике улицы заполнили толпы, скандировавшие: «Да здравствует любовь!» В Рагузе повторилось то же самое. На острове Корфу король Георгий II дал в их честь торжественный прием. В Стамбуле первый президент Турецкой республики Кемаль Ататюрк обращался с Уоллис с таким почте-

нием, словно она была уже законной королевой Великобритании. Покинув яхту, Эдуард и Уоллис на личном поезде Ататюрка отправились в Будапешт и Вену. Царь Болгарии Борис III на своем личном поезде, исполняя роль машиниста, провез гостей по своей стране, любезно позволив Эдуарду время от времени нажимать на один из рычагов — паровоз отвечал могучим гудком.

Поначалу британская пресса не упоминала о том, что миссис Симпсон часто сопровождает молодого

короля. И хотя фотографии стоявших рука об руку Эдуарда и Уоллис печатались в газетах всего мира, в Британии они появлялись в сильно урезанном виде — Уоллис тщательно вымарывалась со снимков. Подобная ситуация не устраивала, прежде всего, самого Эдуарда. Он жаждал назвать любимую женщину своей перед всем миром. Но после того как Уоллис подала на развод с Симпсоном, стало ясно, что планам Эдуарда сделать ее королевой вряд ли суждено осуществиться. В общем и целом, нация не одобрила выбор короля. Простые англичане не хотели иметь королевой дважды разведенную женщину. Аристократию же не устраивало то, что Уоллис — американка. По Лондону проходили многочисленные демонстрации под лозунгом: «Долой американскую шлюху!» Такие же надписи аршинными буквами выводились на стенах домов и железнодорожных мостах. Она получала угрожающие письма. Однажды две хорошо одетые дамы, выдав себя за ее приятельниц, проникли к ней в дом и набросились на нее с кулаками. Какой-то мужчина на улице пытался плеснуть ей в лицо серной кислотой. К счастью, его вовремя схватили.

Популярности Уоллис не способствовало и открытие на ее родине, в Балтиморе, музея в одном из домов, где она когда-то жила в детстве. Посетители могли полюбоваться восковой фигурой Уоллис, склонившейся в реверансе перед родителями

*Принц
Уэльский
Эдуард*

Эдуарда, королем Георгом V и королевой Мэри. Кроме того, за небольшую плату желающие могли полежать в ванне, в которой, по уверению владельцев музея, Бесси когда-то принимала водные процедуры. Это, согласно рекламе, потрясающим образом увеличивало сексуальные возможности счастливого человека.

Между тем Эдуард надеялся, что удастся достичь компромисса — Уоллис станет женой короля, но не королевой (так называемый мorganatic брак). Но и этот вариант

оказался неприемлемым. И тогда Эдуард, верный своим прежним заявлениям, решил отречься от престола в пользу своего брата, герцога Йоркского. Это произошло 11 декабря 1936 года, а вечером того же дня эскадренный миноносец «Фьюри» с бывшим монархом на борту без всякого сопровождения тихо и незаметно покинул порт-смутскую гавань и взял курс на французские берега. На одной из вилл в Каннах Эдуарда уже ожидала Уоллис.

Спустя полгода в небольшом французском городке Канде состоялось их достаточно скромное бракосочетание. На женихе была черная визитка с белой гвоздикой в петлице, брюки в полоску, белая рубашка с серой отделкой и серый галстук. На Уоллис — длинное, облегающее фигуру платье изысканного, но отнюдь не вычурного покроя из крепса серо-голубого цвета, поверх платья был надет короткий жакет, а завершала наряд шляпка с широкими полями из голубой соломки и тугой вуалью. Обожавшая драгоценности Уоллис на этот раз явно поскромничала. На ней были лишь сережки с бриллиантами и сапфирами и браслет, украшенный этими же камнями, — подарок Эдуарда. Новобрачные получили две тысячи поздравительных телеграмм и двадцать тысяч писем. Король и королева прислали свои подарки. Однако никто из родственников Эдуарда на церемонии не присутствовал. Сама Уоллис во время кризиса, предшествующего отречению, категорически отрицала, что строила планы стать королевой, но члены королевской семьи были убеждены в обратном. И, разумеется, у них были более веские основания считать так, нежели сообщения о том, что Уоллис пыталась заказать в одном из лондонских магазинов белье с королевской монограммой.

У Эдуарда, по его мнению, тоже имелись основания быть обиженным на своих родичей. Новый ко-

роль утвердил за ним титул Его Королевского Высочества герцога Виндзорского, тогда как Уоллис получила лишь титул Ее Светлости герцогини Виндзорской. Это означало, что она не признавалась членом королевской фамилии. Обращаясь к ней, мужчины не обязаны были отдавать поклон, а дамы делать реверанс. Герцог был смертельно обижен за жену.

Надо сказать, что Виндзоры порой ставили королевскую семью в достаточно неприятные ситуации. Чего стоил, к примеру, визит герцога и герцогини в нацистскую Германию осенью 1938 года. Лично король Георг VI и его супруга, королева Елизавета, относились к фашистским режимам Гитлера и Муссолини с отвращением и осуждением. Решение брата короля посетить Германию могло серьезно скомпрометировать британскую монархию. Тем не менее, визит этот состоялся. Эдуарду и Уоллис был оказан самый теплый прием.

Их взял под свое крыло глава Немецкого Трудового Фронта Роберт Лей. Тот самый, который покончил с собой после поражения нацистской Германии, чтобы избежать суда в Нюрнберге. Лей возил Виндзоров по Берлину в огромном «мерседесе» под пронзительный вой сирены и оглушительные звуки военных маршей, несущихся из радиодинамика. Уоллис весь этот шум настолько нервировал и утомлял, что герцог был вынужден просить Лея сделать их поездки менее помпезными. Винд-

*Свадьба
Уоллис
и Эдуарда*

зоры встретились со всеми нацистскими лидерами, включая и Гитлера. Последний, по свидетельству его личного переводчика Пауля Шмидта, был очарован Уоллис и после окончания визита заявил своему окружению, что из нее «вышла бы замечательная королева».

Большую часть войны Виндзоры провели на Багамах, куда Георг VI послал своего брата в качестве губернатора. Пожалуй, более всего нового

губернатора волновал вопрос, будут ли его жене оказаны почести, подобающие члену королевской фамилии. И сильнее всего его уязвило то, что супруга губернатора Бермуд при встрече не склонилась перед Уоллис в реверансе. Зато сам герцог и многочисленный штат прислуги в их роскошном парижском особняке (после войны Виндзоры жили во Франции) всегда подчеркнуто именовали Уоллис Ее Королевским Высочеством.

Путешествуя, чета Виндзоров возила за собой немислимое количество багажа. Порой число чемоданов доходило до 200 (!) Причем вещи герцога составляли лишь небольшую их часть. Уоллис меняла туалеты по несколько раз в день и почти никогда не надевала один и тот же наряд дважды.

Кстати, многие годы она возглавляла список десяти самых изысканно одетых женщин мира, составляемый

ню-йоркским Институтом Одежды. Она тратила на туалеты огромные средства, и это при том, что многие высокие дома моды делали ей существенные скидки. Впрочем, в накладе они не оставались. Иметь среди клиентов герцогиню Виндзорскую было великолепной рекламой.

В начале пятидесятых в отношениях между супругами произошел серьезный кризис, причиной которого стало увлечение Уоллис неким

Джеймсом Донахью, тридцатипятилетним светловолосым, голубоглазым красавцем, наследником очень крупного состояния, тратящим его на удовлетворение своих многочисленных прихотей.

Виндзоры познакомились с ним на Ривьере, и поначалу вся троица была неразлучна, однако затем Уоллис дала мужу понять, что его присутствие на их встречах вовсе не-

обязательно. Герцог, во всем беспрекословно подчинявшийся жене, не стал спорить. Уоллис и Донахью вместе отправились в Нью-Йорк, и американские таблоиды, захлебываясь, описывали, как они проводят время в фешенебельных ресторанах и участвуют во всех светских мероприятиях. Эдуард, жутко ревновавший жену и смертельно боявшийся потерять ее, срочно отправился в

Нью-Йорк. Уоллис встречала его в порту. На глазах многочисленных репортеров они обнялись и многократно поцеловались.

Позднее ей все же удалось убедить супруга в том, что их с Донахью отношения носят совершенно безобидный характер. Так это или нет, до сих пор не может сказать никто. Зато известно, что еще в течение нескольких лет Донахью время от времени встречался с Уоллис.

Герцог с радостью выполнял любые капризы супруги. Она, как уже упоминалось, души не чаяла в драгоценностях, и герцог всегда дарил ей уникальные украшения. Однажды во время их визита в Британию у герцогини похитили почти все ее

драгоценности. Инцидент произошел в особняке приятельницы Уоллис, леди Дадли. Хозяев дома и Виндзоров в тот вечер в доме не было. Слуги пили чай на первом этаже. Злоумышленники проникли на второй этаж с помощью веревки и похитили все драгоценности, хранившиеся в специальном сундуке. На подоконнике остались лишь пустые золотые футляры фирмы Фаберже. Бесценные драгоценности, среди которых была фантастическая коллекция нешлифованных изумрудов, принадлежащих бабушке Эдуарда, королеве Александре, потрясающей красоты бриллианты и сапфиры исчезли. Обстоятельства кражи были достаточно странные.

Ни одна из сторожевых собак, охранявших особняк, не издала ни звука. Детектив, дежуривший у дверей дома, ничего не видел и не слышал. Скотланд-Ярд расследовал это дело в течение нескольких лет, но никаких зацепок не обнаружил. Камни как в воду канули — ни одна из похищенных драгоценностей так нигде и не появилась. Эдуарду пришлось потратить колоссальные

Тейлор. Уоллис почти никогда не делала комплименты красоте и изяществу других женщин, одна лишь Элизабет составляла исключение.

Уоллис обожала танцы и сохранила эту любовь до преклонных лет. Ей было за шестьдесят, когда в модном парижском ресторане она исполняла твист. Десять лет спустя фоторепортеры запечатлели герцогиню Виндзорскую в мини-

Эдуард надеялся, что удастся найти компромисс — Уоллис станет женой короля. Но не королевой. Но и этот вариант оказался неприемлемым. И тогда Эдуард принял решение отречься от престола в пользу своего брата, герцога Йоркского

средства, чтобы по возможности восстановить коллекцию.

Герцогиня поражала окружающих своим жизнелюбием, умением развлекаться самой и развлекать других. Роскошный парижский особняк Виндзоров в Булонском лесу славился своими великолепными приемами, на которые приглашались представители политической, финансовой и культурной элиты. Ричард Никсон с супругой, Аристотель Онассис, Марлен Дитрих, Генри Фонда — все они с удовольствием проводили время в салоне Уоллис, наслаждаясь царящей там атмосферой роскоши и искрящегося веселья. Особенно желанной гостьей на приемах была Элизабет

юбке, отплясывающей халли-галли и джерк.

В июне 1971 года Виндзоры отпраздновали последнюю, тридцать четвертую, годовщину своей свадьбы, и герцогиня, которой через две недели должно было исполниться семьдесят пять лет, появилась в достаточно смелом для своего возраста наряде от известного кутюрье Живанши — длинной, до пола, юбке с разрезом поверх коричневых брючек с узором.

В конце 1971 года у герцога обнаружилась неоперабельная злокачественная опухоль. Он скончался за месяц до своего семидесятивосьмилетия и за шесть дней до тридцатипятилетней годовщины свадьбы.

Слуги рассказывали, что каждый вечер перед сном Уоллис заходила в апартаменты мужа, включала свет и проверяла, ровно ли висят и стоят ее фотографии, на которые так любил смотреть герцог. Перед тем как уйти, она останавливалась на пороге и негромко произносила: «Спокойной ночи, Дэвид!»

Герцогиня намного пережила мужа. В середине семидесятых она была сильно напугана слухами о том, что леворадикальные террористические организации планируют ее похищение, чтобы получить огромный выкуп от британской королевской семьи. Она сильно сомневалась

Здоровье Уоллис постепенно ухудшалось. Она почти ничего не ела и похудела так, что обручальное кольцо постоянно соскальзывало с ее пальца. Весила она всего около тридцати восьми килограммов. Последние годы она вообще была прикована к постели и, страдая сильнейшим склерозом, совершенно не интересовалась происходящим. Герцогиня так и не узнала, что в 1978 году лондонское телевидение сняло семисерийный художественный фильм о ней и Эдуарде. В этом фильме она, по словам одного критика, была представлена как «расчетливая стерва». Впрочем, саму

Герцогиня поражала окружающих своим жизнелюбием, умением развлекаться самой и развлекать других. Роскошный парижский особняк Виндзоров славился своими великолепными приемами, на которые приглашались представители политической, финансовой и культурной элиты. Ричард Никсон с супругой, Аристотель Онассис, Марлен Дитрих, Генри Фонда, Элизабет Тейлор — все они с удовольствием проводили время в салоне Уоллис

в том, что родственники мужа готовы будут заплатить за ее освобождение, и приняла собственные меры безопасности. У ворот особняка круглосуточно дежурил сержант с автоматом (расходы оплачивала мэрия Парижа), неподалеку постоянно дежурила полицейская машина, а на ночном столике лежал заряженный автоматический пистолет герцога.

Уоллис это вряд ли бы уже взволновало. Она умерла в апреле 1986 года и была похоронена рядом с мужем в Виндзоре.

Когда герцог скончался, и юристы ознакомились с содержанием его завещания, оказалось, что все свое состояние он оставил своей любимой супруге. Даже самые преданные его слуги не получили ни пенса. По-

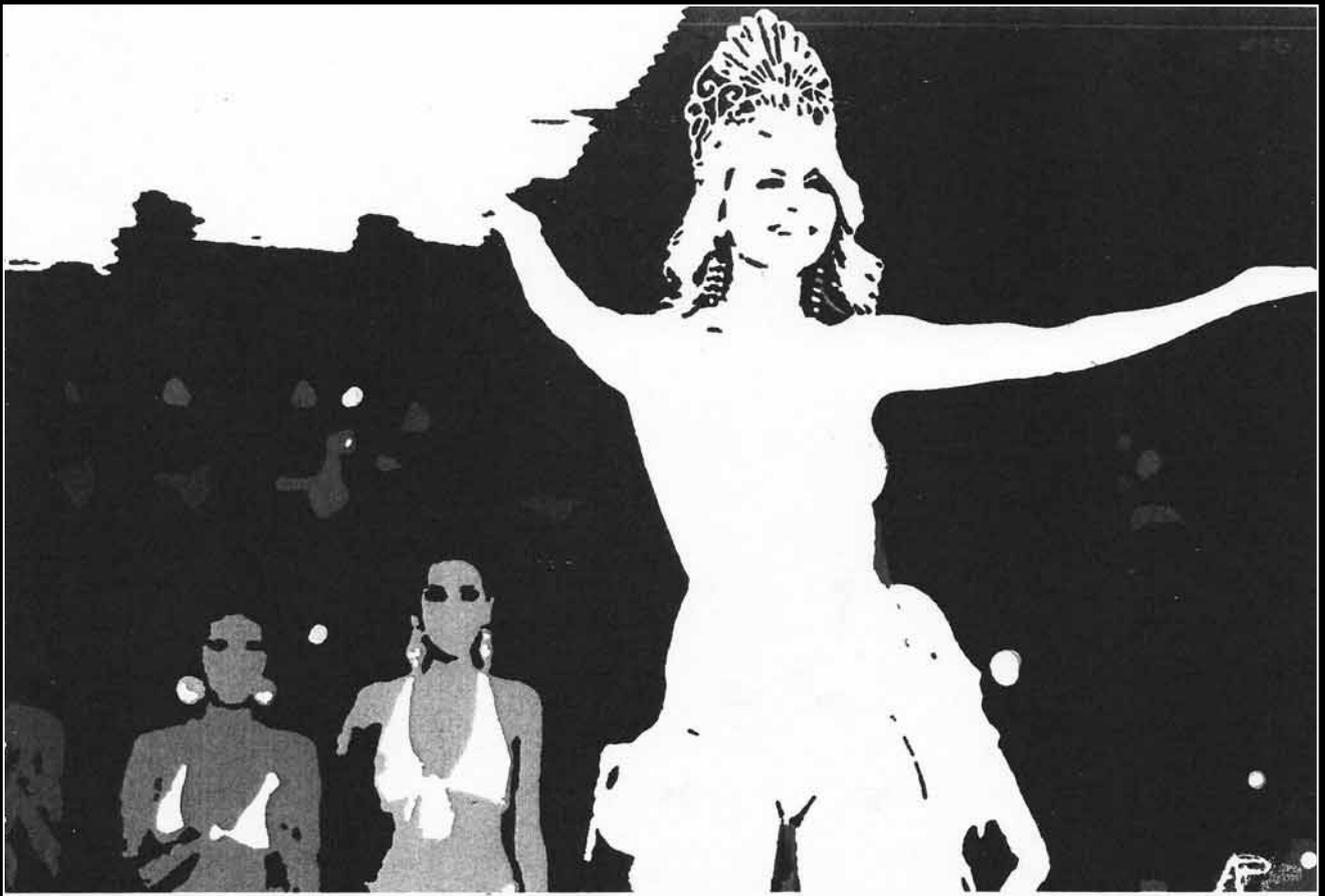

сле смерти самой Уоллис ее завещание также удивило многих: королевской семье не было завещано ничего, так же, как и ни одному благотворительному фонду Великобритании. Почти все свое состояние Уоллис оставила Пастеровскому институту медицинских исследований в Париже.

Как-то незадолго до смерти Эдуарда, беседуя с одним из друзей

о роли монархов в современном мире, герцогиня заметила: *«Короли уже не играют большой роли в наши дни, поэтому их быстро забывают»*. Затем она кивнула на мужа, который сидел в отдалении и не мог слышать ее слов, и прибавила: *«А вот его будут помнить еще долго ... из-за меня»*.

Что ж, она оказалась неплохим пророком. □

Андрей Быстров

ЗЕРКАЛЬНАЯ

УГРОЗА

АБОЗН

ЗЕРКАЛЬНАЯ

Когда я иду сквозь одинокую ночь,
И дорога моя темна,
Порой пробирает странная дрожь.
Мне кажется — НЕЧТО прячется там,
Мне кажется — рядом со мной.
О, эта фобия, страх перед тьмой!
Там что-то есть, наблюдает за мной!
Я думал, что слышу шаги позади.
Обернулся — нет никого...
Но шаг ускоряю,
Не в силах снова взглянуть назад,
Потому что уверен:
ТАМ — пляшущая тень,
ТАМ ЧТО-ТО ЕСТЬ!
О, эти ужасы темноты...

Стив Харрис

Часть вторая

ПРЫЖОК ТИГРА

1

В кабинете было очень светло: помимо просачивающегося сквозь задернутые белые шторы солнечного света горели еще и лампы. Вообще, здесь хватало белого. Белые пластиковые стулья, белый стол, белый халат на человеке за столом.

Продолжение. Начало в №6, 2018.

Тот, кого привели двое плечистых санитаров-охранников, робко уселся на краешек стула и посмотрел на человека в белом халате.

— Итак, Илья Иванович, — нарушил молчание доктор Барковский, — как я уже имел честь вам сообщить, мы едем. Вернее, едете вы и доктор Францев. Вероятно, вас обрадует пункт назначения — Москва.

Илья Заров вздрогнул, в его глазах загорелся тусклый огонек надежды.

— Вы... отпускаете меня? — прошептал он.

— А разве вам плохо у нас, Илья Иванович? — делано рассмеялся Владимир Сергеевич. — Может быть, вам чего-то не хватает? Скажите, мы исправим. — Он выдвинул ящик стола и передал Зарову документы: — Это на тот случай, если вас остановят по дороге. Станете Букреевым — впрочем, ненадолго, лишь на время поездки туда и обратно...

Обратно! Это слово наотмашь ударило Зарова.

— И без фокусов, Илья Иванович, — нахмурился Барковский. — Доктор Францев — человек мягкий, но я — нет. Запомните, наблюдение за вами будет вестись массой доступных способов. Один лишний шаг... Словом, вы поняли. О дальнейшем вас проинформирует доктор Францев, сейчас вас проводят к нему. Все.

Санитары вывели Зарова в коридор. Мысли его путались, блуждали в туманном сонном лабиринте. Сколько он уже здесь? Месяц, год? Он не помнил, не знал...

Неприятности у Ильи Зарова начались в 1985 году, перед самой перестройкой. Студент второго курса физико-математического факультета МГУ, он был изгнан из комсомола и из университета за антисоветские разговорчики. Ничего особо страшного он не наболтал, и, будь он прилежным и усердным студентом, декан и ректор вступились бы за него. Но, увы, Заров не блистал успеваемостью, и его отдали без боя. Он устроился работать вахтером, пробовал заниматься математикой самостоятельно, но не хватало ни подготовки, ни усидчивости.

Друг прислал ему приглашение из-за границы, и Заров загорелся мыслью эмигрировать. Денег у него не было, но тут внезапно от сердечного приступа умер его отец (матери давно не было в живых), и Илья смог продать квартиру. Но покинуть пределы СССР ему все-таки не удалось — не выпустили. Квартиры он лишился, больше половины полученных за нее денег ушло на пустые хлопоты с отъездом, остальных не могло надолго хватить. Он устроился дворником (там давали комнату). Перестройка набирала силу, и Заров мог бы попытаться восстановиться в университете, но как-то махнул на себя рукой. Шли годы, а он работал и жил то здесь, то там, лишь бы не голодать и не спать на улице. Однажды ему попалось на глаза газетное объявление:

«Требуется ассистент для работы в медицинском центре. Желательно владение основами высшей математики и хотя бы одним иностранным языком. Предоставляется жилье».

«Эге, — сказал себе Илья, — да ведь это прямо для меня. Английский, худо-бедно, знаю, математику еще не совсем забыл». Он даже не задумался, что за «ассистент» такой, при чем тут иностранный язык и математика. Позвонил по напечатанному в газете телефону и был приглашен на собеседование.

Это собеседование, проходившее в особняке на окраине Москвы, выглядело довольно странно. После обычных вопросов о биографии и квалификации Зарова усадили за компьютер и подвергли жесткому тестированию по каким-то причудливым схемам. У него создалось впечатление, что проверяется не уровень интеллекта, а нечто иное, но что — он не догадывался даже приблизительно. О характере предполагаемой работы никто не говорил.

Когда серия тестов подошла к концу, один из присутствующих поднял телефонную трубку и сказал:

— Владимир Сергеевич, кажется, отыскался подходящий кандидат. Прямо сейчас? Хорошо. — Он положил трубку и обратился к Зарову: — Вы прошли предварительное собеседование, Илья Иванович. Сейчас вас отвезут к вашему работодателю, и вы с ним обо всем договоритесь.

— Но... — начал, было, Заров.

— Все вопросы — к работодателю.

Они спустились во двор, где ждала машина с тонированными стеклами и задернутыми шторками. Зарова усадили на заднее сиденье, его спутник сел рядом, и водитель молча тронул автомобиль с места.

Ехали около часа — видимо, куда-то за город. Илья вышел из машины во дворе безликого двухэтажного здания. Сопровождающий провел его в кабинет Барковского, положил перед доктором листы с результатами тестов и оставил Зарова и Барковского наедине.

Доктор изучал бумаги, подчеркнуто не обращая внимания на прибывшего, затем отложил документы в сторону и вдруг широко улыбнулся:

— Добрый день, Илья Иванович. Рад видеть вас, милости просим... Меня зовут Владимир Сергеевич.

Цепкий взгляд доктора успел охватить потрепанную одежду Зарова, его недельную щетину и изможденное лицо с запавшими глазами.

— Вы хотите нанять меня на работу? — почему-то грубо, совсем не так, как полагается говорить претенденту с работодателем, спросил Заров. Неожиданно он остро пожалел о том, что позвонил по газетному объявлению.

— Вот именно. — Барковский пригасил улыбку. — И чтобы вы лучше уяснили себе положение вещей, я хотел бы рассказать вам, куда вы попали. Это экспериментальная клиника.

— И я буду помогать вам в исследованиях? Вам потребовался математик со знанием английского?

— Примерно так, — наклонил голову доктор. — Вы, в некотором роде, редкостный экземпляр... Мы были бы рады, если бы вы позволили — на крайне выгодных для вас условиях — подвергнуть вас серии абсолютно безопасных, одобренных Росздравнадзором и Всемирной организацией здравоохранения медицинских экспериментов...

— Вроде подопытного кролика, да? Знаете, Владимир Сергеевич, я лучше пойду...

— Сядьте! — прикрикнул Барковский и добавил мягче: — Идти вам, собственно, некуда. А у нас вы будете жить в прекрасных апартаментах, на всем готовом. И те деньги, которые мы будем вам платить, вы сможете переводить в банк и накопите приличную сумму. А по окончании нашего сотрудничества получите солидную премию в долларах США.

Заров колебался. Он когда-то читал об экспериментах ЦРУ, о докторе Камероне, о программе «МК-ультра», где применяли электрошок, ЛСД, сенсорную изоляцию... Люди сходили с ума. Из двухсот жертв подобных опытов выжили девять человек... Конечно, это все не в России, да и когда было, если вообще было, но...

От Барковского не укрылось состояние Зарова.

— Повторяю, эксперименты совершенно безопасны, — надавил он. — Вы же не единственный доброволец. Многие уже вернулись домой, богаты и счастливы, здоровее, чем были. У нас есть лицензия. Нашу клинику регулярно посещают эксперты Росздравнадзора, и ни одного нарушения зафиксировано не было. Кроме того, мы дадим вам страховые обязательства, и в случае — заметьте, невероятном! — причинения ущерба вашему физическому или психическому здоровью вам выплатят страховку... Решайтесь!

Заров решил. Подписывая бумаги, он не знал, что от его согласия ничего не зависело. Тесты показали настолько полное соответствие психики Зарова требованиям и целям доктора Барковского (из более чем трехсот протестированных кандидатов!), что его бы все равно не выпустили. Укол наркотика — и он очнулся бы в роскошной тюрьме. Но такие методы создали бы для Барковского и его коллеги доктора Францева немало дополнительных сложностей. Добровольное согласие не в пример проще и лучше.

И вот теперь то, что осталось от Ильи Зарова, безвольно брело по коридору, подгоняемое толчками санитаров. Его мозг был разрушен и опу-

стошен. Нейрохирургическое вмешательство, воздействие загадочных препаратов, непонятных пугающих машин — возможно, мозг Зарова и приобрел некие новые свойства и способности... Но о них Илья Иванович Заров ничего не знал, а как личность перестал существовать. Лишь хрупкая перегородка удерживала его от падения в бездну безумия, и она вот-вот должна была рухнуть под напором... ТЕМНОТЫ?

Даже в рабочих записях Барковского и Францева фамилия «Заров» не фигурировала. Там стояло попросту — «Кролик».

В первые дни Илья еще задумывался о странностях происходящего. Почему клиника так тщательно охраняется? Почему нельзя узнать, где она конкретно расположена? Где обещанные Барковским эксперты? Потом его лишили возможности задумываться, и вот теперь хотят отвезти в Москву. Зачем?

Разбитое, раздавленное, балансирующее на грани пустоты сознание не находило, да и не могло найти ответа на этот вопрос.

2

Переезд в Москву поздним вечером прошел как в полусне, снова в машине с зашторенными окнами. Кролик даже не решился бы утверждать, что они находятся именно в Москве. Осмотреться ему не дали. Теперь он сидел в кресле, похожем на стоматологическое, в какой-то большой комнате, заставленной гудящими аппаратами, возле которых хлопотали доктор Францев и еще двое. А прямо перед Кроликом стояла машина, которой он боялся больше всего: с двумя огромными зеркальными глазами, а вместо зрачков — трехлучевые звезды. Сейчас звезды не вращались, но именно такая машина жила там, В ТЕМНОТЕ, она пожирала память и приносила ужас...

Кролика начала бить мелкая дрожь. Он хотел стереть пот со лба, но не смог приподнять пристегнутую к подлокотнику руку. Люди в комнате занимались своими делами, обращая на него не больше внимания, чем на неодушевленный предмет.

— Каков уровень фонового излучения? — спросил Францев одного из помощников, возившегося возле дисплеев.

— Вообще-то великоват, доктор, — задумчиво откликнулся тот. — Пятнадцать, один, но это самая близкая к источнику точка, какую мы смогли заполучить. Если не прорвемся здесь, то...

— Ладно, — вздохнул Францев. — Поздно причитать... По местам. Начнем, благословясь...

Кролику сделали укол в предплечье. Трое заняли места у пультов аппаратуры, защелкали тумблеры. Четыре из пяти ламп на потолке погасли, но пятая светила ярко — темноты не было, и все же она подкрадывалась из углов... Чудовище приближалось. Гул машин усилился. Зеркальные глаза с трехлучевыми звездами налились матовым свечением. Звезды начали медленно вращаться. Кролик попытался зажмуриться, но не смог — действие препарата не позволяло. Францев подошел к нему, посветил зеркальцем в глаз и задал какой-то вопрос. Кролик не понял его смысла, но машинально ответил. То, что происходило сейчас в его голове, происходило словно не с ним, помимо его сознания, будто в пустом пространстве на огромном расстоянии.

— Повышайте напряжение, — распорядился Францев, снова усаживаясь к экрану монитора.

— Полторы тысячи, — доложил помощник.

— Фон?

— Все еще высокий.

— Продолжайте.

— Две тысячи... Две двести... Две пятьсот...

— Мы проходим?

— Нет.

— Повышайте еще!

— Дальше уже опасно, доктор, — встревожено вмешался второй помощник. — Перегрузка, вот-вот вылетят предохранители.

— Повышайте!

— Я предупредил, доктор...

— Три тысячи... Три сто... — монотонно докладывал первый.

Под напряженной рукой Кролика что-то едва слышно щелкнуло — замок резиновой ленты, пристегивающей его правое запястье к подлокотнику, не выдержал и растянулся. Первым его импульсом было стереть пот со лба — наконец-то! — но какая-то посторонняя сила говорила ему, что этого делать не следует. Не нужно шевелиться, еще не время, они не должны знать, что он свободен...

— Три четыреста...

Раздался громopodobный треск. Из распределительного щита полетели искры, последняя лампа погасла, гул машин стих, зеркальные глаза померкли.

ТЕМНОТА. Чудовище здесь.

Кролик, охваченный непреодолимым страхом, рванул освобожденной рукой замок второго зажима. Тот отскочил практически без сопротивления, но чудовище вползло в черепную коробку, и его нельзя было остано-

вить... Последний барьер, отделяющий остатки разума от безумия, исчез. Сознание Кролика погрузилось в сумрачный хаос.

— Черт! — прозвучал в кромешной тьме голос доктора Францева. — У кого-нибудь есть спички или зажигалка?

— Я не курю.

— Я тоже, доктор...

— Да где эта проклятая дверь? Ничего не видно!

Но первым за дверью оказался подгоняемый страхом Кролик. Свет погас во всем доме, и в коридоре рассмотреть что-либо было не легче, чем в комнате. Он миновал коридор почти бегом. Прочь, прочь от преследующих его призраков мрака! Не соображая, что делает, рванул тяжелый засов на входной двери и бросился через парк к горящим вдали уличным фонарям. Вслед раздавались крики, но Кролик был уже слишком далеко и затерялся в причудливом сплетении московских переулков, недостижимый для погони.

Минут двадцать спустя он выбрался на освещенную улицу, задыхаясь, перешел на шаг и побрел вдоль витрин закрытых магазинов, подсвеченных красноватыми отблесками ламп сигнализации. Перед витриной, на которую под углом падал свет фонаря, остановился и вгляделся в собственное отражение. Но не свое лицо виделось Кролику в гладком стекле, а зловещее, угрожающее лицо доктора Барковского с неестественно огромными глазами. В центре зрачков зеленоватым пламенем мерцали две трехлучевые звезды, и они МЕДЛЕННО ВРАЩАЛИСЬ...

Кролик закричал и отступил на несколько шагов в сторону. Попав ногой на газон, наткнулся на обломок кирпича, наклонился, поднял увесистый осколок, размахнулся и изо всех сил запустил им в ненавистное лицо.

Зазвенело осыпающееся витринное стекло, и в тон ему задребезжал звонок тревоги. Как из-под земли, перед Кроликом вырос полицейский: Кролик совершил акт возмездия практически на глазах у проходившего патруля. Второй полицейский заломил руку ему за спину.

— Что, сволочь, поживиться захотел? — зло спросил первый и ткнул Кролика в солнечное сплетение, а потом дернул его за лацканы и, всмотревшись, протянул: — Ээ... Да ты, брат, совсем лыка не вяжешь...

— От него вроде не пахнет, — усомнился второй.

— Может, наширяться... Да ладно, в отделении разберемся.

Кролик не понимал, кто эти люди и чего от него хотят, но какая-то не ушедшая в бездонный омут часть его сознания уже не ждала от окружающего мира ничего хорошего.

3

Хардин и Нежданов стояли в круге света, отброшенном на песок укрепленным над палаткой фонарем. Погрузка оружия и снаряжения на катера (под руководством Шадрина) заканчивалась.

— Все же я не очень понимаю, Виктор Георгиевич, — сказал Нежданов, — как вы собираетесь искать этот чертов груз.

Хардин вытащил из кармана пластмассовый футляр и пояснил:

— Чувствительный дозиметр.

— Но груз наверняка защищен, экранирован...

— Чтобы экранировать его полностью, его пришлось бы упрятать в саркофаг наподобие чернобыльского... Этот дозиметр отметит отклонения от естественного фона в сотые доли процента.

— Ну, хорошо... Но не собираетесь же вы бегать по теплоходу и тыкать дозиметром в каждую дыру...

— О, нет, — сверкнула в свете фонаря белозубая улыбка Хардина. — У меня другие идеи... Да не суетись, Петр Михайлович, увидишь...

Тут к ним подошел Шадрин и доложил:

— Все готово.

— Время? — бросил Хардин.

— Половина первого.

— Пошли на берег.

Все трое спустились к воде. Хардин поднес к глазам бинокль и усмехнулся, пытаясь скрыть волнение:

— Вон плывут наши миллионы...

«Валерий Брюсов» показался подобно сияющей жемчужине на темном бархате. Золотые буквы названия ослепительно блестели в ярком свете, окутывающем теплоход с палубы мостика до ватерлинии призрачной вуалью. Огни разноцветных гирлянд пробегали вдоль бортов.

— Надеюсь, у Званцева ничего не сорвется, — пробормотал Нежданов.

— Смотри! — Хардин сжал бинокль сильнее.

В рубке «Брюсова» трижды вспыхнул и погас свет. Это был сигнал Званцева.

— В путь! — скомандовал Хардин. — К теплоходу приближаться тихо, на малом ходу. Никаких мне психических атак! Шум до поры ни к чему. Как настроение, Петр Михайлович? Поднимаем пиратский флаг!

4

Валерий Званцев делил каюту с тремя другими охранниками Кременцова. Сейчас все они сопровождали босса в «Зале Короны», там же полага-

лось быть и Званцеву, но ему удалось незаметно улизнуть. В каюте он переоделся в камуфляж, натянул черную маску с прорезями для глаз и рта. С этой минуты Валерий Званцев исчез, а вместо него возник безымянный некто...

Он посмотрел на часы, достал из-под дивана атташе-кейс, раскрыл. Пора включать генератор помех. Перебросил один за другим четыре тумблера, мельком взглянул на заметавшиеся по циферблатам стрелки. Порядок.

Выскользнув в коридор, Званцев стремительно и бесшумно зашагал в направлении кормовых отсеков, куда не было доступа пассажирам и откуда можно было попасть на палубу мостика. У входа в отсек маячил вахтенный матрос. Валерий достал финку, подкрался к парню, зажал ему рот и вонзил нож прямо в сердце. Он мог просто оглушить матроса, временно вывести из строя, но ему нравилось убивать.

По крутому металлическому трапу Званцев взбежал на мостик. В капитанской каюте было темно, в полумраке рубки виднелись два силуэта. Пригнувшись, он подобрался к распределительному щиту, освещенному маленькой красной лампочкой, сорвал пломбу, открыл панель и принялся разбираться в схеме, вернее, вспоминать ее, потому что ознакомился с ней в Самаре при инструктаже. Так... Перерезать кусачками вот этот провод, и сирены работать не будут... А так отключаются цепи пожарной тревоги, так — прожекторы световой сигнализации... Вот и все.

Стиснув в руке пистолет с глушителем, Валерий выпрямился и направился в рубку. Дверь он распахнул рывком, и на него изумленно воззрились матрос-рулевой и пожилой человек в форменном кителе.

— Что... — начал пожилой.

— Да ничего, — ухмыльнулся Валерий, наводя на него пистолет. — Представься, папаша.

— Легостаев, третий штурман... Что происходит?

— Третий? Хорошо. Будешь вторым, отправленным на тот свет, — оскандился Званцев и вдруг выстрелил.

Штурман схватился за грудь, пошатнулся и рухнул на пол. Глаза молодого матроса округлились от ужаса:

— Что вы делаете?!

— А ты рули, шофер, а то ненароком на мель наскочишь... Где у вас ракетницы?

Трясущейся рукой матрос указал на шкафчик, напоминающий сейф.

— Ключ?

— Отодвиньте заслонку... Код триста двенадцать...

Валерий отбросил стальную шторку, увидел пульт кодового замка. Три, один, два — замок звонко щелкнул, дверца приотворилась. Он вынул

плоский деревянный ящик, поднял крышку левой рукой (пистолет в правой был неотрывно направлен на матроса). В углублениях ящика лежали две ракетницы и ракеты к ним.

— Еще есть?

Матрос испуганно замотал головой.

— Врешь, должна быть еще одна, заряженная, в постоянной готовности... Где она?!

Полуживой от страха парень ткнул пальцем куда-то под консоли установки дистанционного управления машиной. Валерий выгреб третью ракетницу, запихнул в карман.

— Теперь тихий ход, приятель... Как у вас говорят? Самый малый!

Рулевой безропотно выполнил команду.

Валерий нашел на стене выключатель, зажег в рубке полный свет. Погасил. Снова зажег и снова погасил. И еще раз.

5

Ранним утром через окно чердака Мастер выбрался на крышу своего дома. Там он отпер металлическую коробку у подножия общей телевизионной антенны и долго возился внутри, подключая какую-то хитроумную электронику. Вернувшись к себе в квартиру, снял кожух с видеомэгнитофона, припаял к плате собранный вчера блок и настроил таймер. Потом переключил антенный кабель, как ему требовалось, вложил в магнитофон чистую кассету. Достал из ящика письменного стола небольшой листок бумаги — заполненную карточку телевизионного лото «Золотой шар» — и положил в карман рядом с последней, девятой упаковкой коранола и маленьким пультом.

Теперь оставалось только ждать, а ждать Мастер умел. Вот и сейчас он расслабился в кресле, полностью давая отдых перед операцией каждому мускулу, каждому нерву.

Точно в назначенное им самим время Мастер вышел на улицу и сел в машину. Он ехал к дому Диспетчера, которого — Мастер знал это от Советника — в квартире не будет.

Машину остановил в глухом пустынном тупичке недалеко от цели. Скорее по привычке, чем по необходимости, у подъезда осмотрелся. Никаких бабок на лавочках — впрочем, бабки не имеют значения, его все равно никто не сможет опознать. Грима наложено совсем немного, но в таких местах, что лицо Мастера преобразилось.

На четвертом этаже он надел перчатки, извлек из кармана ключ. Это была не отмычка, а настоящий ключ, изготовленный с высокой аккуратностью. Открыв дверь, вошел в прихожую.

Хотя Мастер никогда не бывал в квартире Диспетчера, расположение комнат и мебели в них знал отлично. Знал и то, в какой тумбочке в спальне тот держит запас коранола. По плану Букина, Диспетчера подвергли тщательному видеоконтролю (снимали из окна арендованной квартиры напротив). Качество записей, сделанных через полупрозрачные занавески, оставляло желать лучшего, но Мастер смотрел их десятки раз.

Он прошагал в спальню и заглянул в тумбочку. Среди прочих лекарств были и три упаковки коранола. Мастер вскрыл их по очереди. Первая оказалась початой, две других — полные. Одну из них он заменил своей и сразу направился обратно к двери. Он сделал, что хотел, пора уходить.

Вернувшись в машину, Мастер разгримировался и завел мотор. Через полчаса он затормозил возле своего дома. На лестничной клетке второго этажа позвонил в квартиру соседей, старичков-пенсионеров, редко выходивших на улицу.

— Кто там? — раздался из-за двери опасливый голос.

— Я, Михаил Дмитриевич, Олег!

Прежде чем дверь отворилась, долго гремели многочисленные замки и засовы.

— Доброе утро, Михаил Дмитриевич, — сказал Мастер с дружелюбной улыбкой.

— Здравствуй, Олежка, — просипел в ответ седой старик. — Что-нибудь случилось? Ты по делу или так, навестить старичков, чайку попить?

— Да что-то с телефоном у меня стряслось, и мобильный, как назло, разрядился, а позвонить надо срочно... Не разрешите?

— Пожалуйста, заходи! — сделал широкий жест старик.

Мастер накрутил номер, немного подождал и заговорил с воображаемой собеседницей:

— Танюша? Это я... Вот хорошо, что ты еще не уехала... Слушай, сегодня ничего не получается. Да нет, шеф просит помочь, кое-что на дачу перевезти... Сама понимаешь, если шеф просит, не откажешься. Не обижайся, наверстаем... Да? Ну, вот и ладно. Пока!

Положив трубку, он будто бы случайно уронил взгляд на свои наручные часы:

— Ой, Михаил Дмитриевич! Включите, пожалуйста, телевизор, «Золотой шар» уже идет. Как бы не прозевать!

— А ты играешь? — удивился старик.

— А как же... — Мастер продемонстрировал карточку. — Выигрывает ведь кто-то, почему бы и мне не выиграть...

Михаил Дмитриевич нажал клавишу допотопного телевизора.

— Опять пусто, — разочарованно протянул Мастер, досмотрев передачу. — Невезучий я.

— А, по-моему, — подала голос жена старика, Мария Михайловна, — жульничество — все эти золотые шары. Зря деньги тратишь, Олег. Все равно ни за что не угадаешь. Дурят народ... Мы с Михаилом Дмитриевичем только новости, да если кино душевное смотрим...

— А, «Кубанские казаки»! — поддел Мастер. — Ну, спасибо, я помчался.

Вернувшись к себе, он первым делом стер записавшуюся в его отсутствие видеокассету, а затем отключил дополнительный блок, встроенный в магнитофон, и вернул на место антенный кабель. Видеомагнитофон приобрел первоначальный домашний облик. Упаковку с коранолом, взятую в квартире Диспетчера, Мастер выбросил раньше, по пути.

Вечером, ближе к ночи, Букин снова поднимется на крышу и снимет установленные там устройства. А сейчас он варил крепчайший кофе, ощущая, как покидает его напряжение... Хладнокровие давалось нелегко. Всякий кажущийся безупречным план может рассыпаться из-за мелочи.

Но этого не случилось... Идея — само совершенство, и, к тому же, блестяще воплощена. Советник будет доволен... Мастер получит немаленький гонорар... Но все это второстепенно. Главное — Мастер гордился собой.

6

Катера шли без огней, при мерцающем лунном свете. «Валерий Брюсов», и без того двигавшийся медленно, ибо спешить ему было некуда, теперь почти остановился. Метрах в двухстах от «Брюсова» рев могучих моторов утих, катера сбавили ход. Хардин (как и остальные, в камуфляже, маске, тонких перчатках) управлял головным катером, где кроме него расположились братья Кроты, Гонда, Гюрза и Мох.

Борт теплохода повис над катером Хардина, словно огромная скала посреди реки. Гонда встал, прицелился в ограждение нижней палубы из чего-то вроде арбалета.

— Подожди, — остановил его Хардин и, развернув катер параллельным с теплоходом курсом, подогнал к самому борту. — А теперь давай!

Гонда нажал рычажок, звякнула пружина. Якорь-кошка с привязанным к нему линем унесся вверх, зацепился за какую-то железяку и прочно застрял. Гонда приладил к линю блок, завел механизм. Под мерное постукивание блок пополз к якорю, разматывая за собой штормтрап. Наверху зашелкнулись замки карабинов.

По штормтрапу Гонда забрался на теплоход, подтянул два прочных каната и надежно пришвартовал катер. После этого на безлюдную палубу «Брюсова» выползли Мох, Гюрза, Кроты и, наконец, Хардин. Из подсу-

ков бандиты доставали короткие автоматы «скорпион», стальные топоры, предназначенные для уничтожения шлюпок.

Высадка с четырех других катеров также прошла без сучка и задоринки. Бандиты осторожно растеклись по теплоходу...

Хардин вошел в рубку. Так как в маске он ничем не отличался от остальных, на его комбинезон была нашита горизонтальная полоска белой фосфоресцирующей ткани (у Нежданова — вертикальная, у Шадрина — две горизонтальных).

— Все в порядке? — спросил он с порога.

— Все, — осклабился Званцев и легонько пихнул тело штурмана носком ботинка.

— Ты, я вижу, времени даром не терял, — с сарказмом произнес Хардин. — Где капитан?

— А черт его знает. Может, дрыхнет в каюте.

— Найди его и тащи сюда.

— Что все это значит? — осмелился заговорить рулевой, едва исчез убийца с пистолетом.

— Это значит, — улыбнулся под маской Хардин, — что дольше всех проживет тот, кто задает меньше вопросов. Правила игры понятны? Вот и хорошо.

Минуты через две Валерий втолкнул в рубку заспанного полуодетого капитана Борисова, который буквально повторил вопрос рулевого.

— Эль капитэн, — радушно заговорил Хардин, — ваша посуда захвачена с целью беззастенчивого грабежа. Не исключаются также изнасилования и, пардон, убийства...

Только сейчас капитан увидел труп штурмана. Оттолкнув Хардина, он склонился над телом.

— О Господи!..

— Вот именно, — кивнул Хардин. — Видите, я не шучу. Включите громкую связь, капитан, обратитесь к экипажу и пассажирам.

— Но что... Что я должен сказать? — выпрямившись, спросил Борисов.

— Правду. Всего несколько слов, а я дополню.

Будто сразу постаревший на десяток лет капитан взял микрофон:

— Внимание! Говорит капитан Борисов. Выслушайте чрезвычайное сообщение. Теплоход захвачен банди...

Он не договорил, так как Хардин вырвал у него микрофон:

— Алло, в эфире капитан Флинт. Принимаю командование на себя. Сначала мое правление будет милостивым. Экипажу приказываю собраться на кормовой площадке первой палубы. А всем, у кого есть оружие, сдать моим людям. За неподчинение, уж извините... Понятно, да? Ждите дальнейших указаний...

Отключившись, он обратился к Званцеву:

— Проводи эль капитэна на первую палубу. Когда соберутся, пересчитайте их, должно быть шестьдесят семь душ, это все минус рулевой и два трупа... Два, не больше? Загоните в трюм и закройте. Если кто полезет в бутылку, убейте... Поняли, эль капитэн? Доведите до сведения команды. А это что? А, ракетницы... За борт их!

Званцев подхватил ящик с ракетницами и вывел капитана, подталкивая пистолетом. Ящик он выкинул в воду, но третью ракетницу, заряженную, оставил себе. Однажды он видел в кино, как вот из такой штуки застрелили человека. Как красиво горел бедняга, какие сыпались искры, какая была иллюминация! Вот бы представился случай устроить в жизни такой фейерверк...

В рубке появились Гюрза и Гонда.

— Ты! — Хардин ткнул пальцем в грудь Гюрзы. — Оставайся здесь и приглядывай за рулевым. Задание — тихий ход прежним курсом, за непонятливость — поучить, но не калечить! А ты, — поманил он жестом Гонду, — пошли со мной, дел по горло.

Сообщение капитана Борисова и Хардина, прозвучавшее из динамиков, вызвало шок в «Зале Короны». На мгновение воцарилась тишина, потом председатель жюри (популярный шоумен) с надеждой воскликнул:

— Это шутка, господа! Какая-то фирма приготовила нам интересный сюрприз!

— Да, — раздался уверенный голос в дверях. — Сюрприз действительно интересный.

Нежданов поднял пистолет и выстрелил. Шоумен упал, обливаясь кровью. Истошный визг конкурсанток перекрыли треск автоматной очереди поверх голов (ее выпустил бандит из-за спины Нежданова) и звон осыпающихся стекол. Теперь только одна девушка продолжала визжать. Следующей очередью бандит застрелил ее.

— Кто-нибудь еще хочет возразить? — осведомился Нежданов.

Мертвое молчание, ни звука в ответ.

— Кажется, мы пришли к согласию. — Он посторонился, пропуская в зал парней в масках. — Я вижу здесь молодых людей вполне определенной профессии. Я не верю, что никто из них не вооружен. Попрошу оружие сдать, что будет в противном случае, вы понимаете.

Охранники безропотно разоружились. Все, кроме парня, стоявшего у разбитого автоматной очередью иллюминатора... Он выхватил «беретту», метко выстрелил, свалив ближайшего к нему бандита, и кульбитом выпрыгнул в иллюминатор. Жалящие пули «скорпионов» настигли его в воздухе...

В ресторан «Бриллиантовый лев», где находились и Кедрин, и Мазин с Картуновым, и Андрей с Надей, ворвались пятеро под предводительством Хардина, открыли огонь по бутылкам над барной стойкой. Осколки разлетались во все стороны.

— Вот теперь я догадываюсь, что означает метафора «вино лилось рекой», — заметил Кедрин.

— Умный, да?! — тут же подскочил к нему Мох и, рванув к себе, с силой ударил его в подбородок.

Сергей отлетел к стене и сполз на пол, теряя сознание. Возле него в лужице крови валялось выпавшее из кармана удостоверение. Мох подобрал его, присвистнул и показал Хардину:

— ФСБ...

— Вот как? — удивился Хардин. — Этого еще не хватало...

— Пристрелить?

— Я тебе пристрелю! Найдите какое-нибудь подсобное помещение без окон, запирайте его там. Позже я с ним побеседую...

Двое бандитов подошли к бесчувственно лежавшему на полу Кедрину и выволокли его из ресторана.

Прижавшись друг к другу, Андрей и Надя сидели, ни живы ни мертвы.

— Не бойся, — шепнул Андрей.

— С тобой я не боюсь...

— Номер «два», — достав рацию, приказал Хардин, — срочно в «Бриллиантовый лев»!

— Что за лев, черт возьми? — прохрипело из динамика.

— Ресторан на корме.

Спустя полминуты в дверях возник Шадрин. Хардин уселся за столик, движением руки приказал принести выпивку и, опорожнив рюмку водки, спросил:

— Как дела? Инциденты, нестыковки?

— По мелочи. В общем, все гладко.

— О'кей... Надо сделать вот что. Отправь ребят по каютам, барам и так далее... Всю солидную публику — по виду определяйте — сгоняйте сюда. Шушера, типа охранников или, там, журналистов, меня пока не интересует, только «шишки». Пусть их грабят, бьют, но чтобы они все были здесь, живые! Да, и еще... Этот чемодан или ящик с иконами... Очевидно, он заперт, как форт Нокс... В общем, если наткнешься на что-то такое подозрительное, не пытайся вскрыть, и своим скажи. Он может быть заминирован. Зовите меня.

«Ага, заминирован, — подумал Шадрин. — Да кто станет минировать твои иконы? Нет, не иконы, другое там... Ладно, найдем чемоданчик, посмотрим, как быть».

Он ушел. А через некоторое время в ресторан начали заволакивать окровавленных, измочаленных представителей «солидной публики». Никто из них не смел и рта раскрыть. Их швыряли на стулья, а когда стульев не хватило, выстраивали у стены. Хардина, казалось, ничуть не занимало происходящее. Он сидел в одиночестве, курил, потягивал апельсиновый сок.

— Вроде все... — доложил с порога Шадрин.

— Вроде или все?

— Да шут их знает... Команда в трюме... Прочие трясутся. Ребята громят каюты... Грузят ценности в катера.

— Присматривай там, чтобы ни одна сволочь не сбежала. — Хардин поднялся, прогулялся перед барной стойкой и обратился к присутствующим: — Господа, хочу объяснить вам положение дел. Вероятно, вы принимаете наш визит за обычное пиратское нападение. В какой-то мере это так и есть, но лично у меня цель иная. Я разыскиваю особый груз и подозреваю, что везет его кто-то из вас. Что за груз? Неважно. Тот, у кого этот груз, меня понял, остальным знать необязательно.

На палубе протрещала автоматная очередь, захлебнулся чей-то короткий вскрик. Хардин поморщился и продолжил:

— Итак, я требую, чтобы куратор груза немедленно выдал его мне. Я придумал вот что. Сейчас я начну убивать вас по одному, по часовой стрелке, и очередь неминуемо дойдет до нужного мне человека. Слышите, куратор? Вы обречены. Но если сдадите груз, гарантирую жизнь.

На лицах большинства застыло выражение предсмертного ужаса.

— Я сдаю груз, — пролепетал толстяк в сером, забрызганном кровью костюме.

— Отлично! Где он?

— В моей каюте... Шестнадцать, третья палуба... В коричневом кожаном чемодане, в шкафу... Два килограмма героина... Вы обещали жизнь...

— Да, да, — разочарованно кивнул Хардин и махнул рукой бандиту по кличке «Молот»: — Иди с ним, заberi героин. Потом свяжи этого джентльмена покрепче, ему не вредно отдохнуть.

Молот увел толстяка.

— Больше к нам претензий нет? — иронично протянул кто-то осмелевший.

— Увы, есть. Героин — хороший подарок, но не то, что я искал. Так что претензии остаются в силе. А чтобы доказать серьезность моих намерений... — Хардин обвел зал взглядом и резко выдернул из-за стола Надю Вержину. — ...я расстреляю эту девушку. — Ствол «скорпиона» мгновенно уперся в лоб Нади.

— Стойте! — воскликнул Андрей.

— Хотите составить компанию, юноша? — повернулся к нему Хардин.

— Стойте! — Андрей тяжело дышал. — Я знаю, что вы ищете... Позвольте поговорить с вами наедине...

— Отчего же не поговорить, — миролюбиво согласился Хардин. — Идемте, юноша. — Он приобнял Андрея за плечи, и они вдвоем вышли в коридор. — Что вы хотели мне сообщить?

— Вы ищете плутоний?

— Правильно.

— Я не знаю, где он, но знаю, кто его везет. Я случайно подслушал их разговор.

— Да? И кто же?

— Мне нужны гарантии безопасности... Для девушки и для меня...

— Молодой человек! — искренне рассмеялся Хардин. — Да известно ли вам, какие тут на борту заплечных дел мастера? Минута, и вы расколаетесь как миленький. Кстати, кто вы и кто она?

— Я — Андрей Зорин, джазовый пианист... Ее зовут Надя, Надя Вержина... Она из квартета Альбани, мы из Самары...

— Понятно. Вас обоих отведут в каюту, какую вы сами выберете, а я прикажу к ней не приближаться. Ну, теперь говорите.

— Плутоний везут Мазин и Картунов... Вон они сидят за столиком у окна, видите? — Андрей показал рукой через стеклянную дверь. — Их каюта — восемь, на третьей палубе.

Мазин заметил жест Андрея и шепнул Картунову:

— Похоже, горим!

— Горим... Гений проклятый, как он узнал?!

— Что делать?

— Бежать, через иллюминатор... Стрелять не будут, мы им живые нужны...

— Эй, там! — прорычал бандит, краем уха уловивший шепот. — За-молчать!

Картунов рванул из-под себя стул и, что было сил, швырнул в стекло иллюминатора. Оно лопнуло с оглушительным хлопком, зазвенели осколки. Молниеносным броском он перепрыгнул через него и растянулся на палубе. Мазин кинулся следом.

— Не стрелять! — заорал Хардин, вбегая в ресторан.

Поздно. Выстрелы разнесли затылок Мазина, тело повисло на подоконнике, растерзанное торчащими обломками толстого стекла.

Сначала ползком, а потом бегом, пригнувшись, Картунов удалялся от ресторана. Возле двери во внутренние помещения спиной к нему стоял бандит. Ребром ладони Картунов двинул его по шее, вырвал автомат.

— Что вы стоите, за ним! — Хардин ударил по лицу парня, убившего Мазина. — За ним, и брать только живым! — После этого он снова включил рацию на передачу и произнес: — Номер «один», вызываю номер «два».

— Номер «два» здесь, — откликнулся Шадрин.

— Быстро пришли пять человек в ресторан «Бриллиантовый лев». Вызываю номер «три»!

— Здесь! — тут же отозвался Нежданов.

— Подтягивайся к восьмой каюте, на третьей палубе. Я сейчас буду...

В зал вошли пятеро боевиков, присланные Шадриним.

— Двоим охранять этих тузов! — распорядился Хардин. — Двое со мной... А ты проводишь этих молодых людей в каюту... В какую каюту, юноша?

Андрей назвал номер каюты Нади.

— Вот туда. Если по дороге и позже с их голов упадет хотя бы волос, твоя собственная башка тебе уже не пригодится. И передашь по радио, их каюта неприкосновенна! Понял?

— Понял.

— Выполни! — И Хардин в сопровождении двух бандитов покинул ресторан, чтобы присоединиться к Нежданову возле восьмой каюты.

Подойдя к ней, он ударом ноги вышиб дверь и, усмехнувшись, проговорил:

— Сейчас посмотрим, что тут интересного...

Надя и Андрей шли по коридору под прицелом автоматного ствола. Возможно, бандит опасался, что они сбегут, попадут в переделку, и тогда не миновать ему наказания. Но, скорее всего, примитивный мозг парня не был способен на умозаключения. Ему приказали доставить этих двоих в каюту — он и доставляет с тупой механической исполнительностью.

В самую каюту конвоир заходить не стал, лишь хмуро предупредил:

— Сидеть как мыши, носа не казать. Пуля — дура... — и испарился.

Надя бросилась на диван и зарыдала. Андрей нежно обнял ее. Он и сам заплакал бы от безысходности, будь он один.

7

В полной темноте Кедрин открыл глаза, и естественно, ничего не увидел. Он ощупал нижнюю часть лица. Больно и липко, но зубы как будто целы, и на том спасибо. Пошарив по карманам, наткнулся на зажигалку (а вот удостоверения не обнаружил. Скверно!) Поворот колесика — и вспыхнул слабый огонек.

Прислонившись к холодной металлической стене, Кедрин сидел на полу в какой-то захлавленной камерке — вокруг валялись ведра, швабры, тряпки и прочие полезные вещи. Усмотрев около овальной двери выключатель, он встал и зажег желтоватую электрическую лампочку. Тут же толкнул дверь, подергал ручку. Разумеется, заперто.

Очевидно, он находился в одном из подсобных помещений, относящихся к хозяйству боцмана. Однако это предположение не помогало ответить на главный вопрос: как отсюда выбраться? Ни один из окружающих его предметов не подходил для взлома двери, да и разумно ли шуметь? На задней стенке камерки имелись съемные панели, державшиеся на здоровых болтах, откручивать которые было нечем. И, скорее всего, незачем: за ними какие-нибудь трубопроводы, кабели...

Кедрин угадал — так оно и было. Правда, за левой панелью был еще спрятан большой чемодан. Содержимое — компоненты ядерных боезарядов и папка с технической документацией...

Под потолком от стены к стене тянулась толстенная труба, вернее, оцинкованный квадратный кожух, часть его прикрывала укрепленная болтами заслонка. Зачем она тут? Вероятно, труба входит в систему вентиляции, а заслонка... За ней, видимо, люк для доступа к неким механизмам для профилактических и ремонтных работ. Болты в углах заслонки выглядели не слишком устрашающе, но все же голыми руками тут не справиться. Хорошо бы гаечный ключ... Гаечного ключа в камерке не оказалось, и Кедрин отцепил ручку от ведра. В изгиб толстой проволоки, пожалуй, ляжет головка болта... Только надо слегка подогнуть вон той круглой железякой...

Вооружившись этим импровизированным «гаечным ключом», Сергей перевернул ведро, забрался на него и принялся отвинчивать болты. Они поддавались легко. После десятиминутных усилий он осторожно снял заслонку и заглянул в трубу. Свет лампочки сюда не доставал, пришлось снова прибегнуть к помощи зажигалки. В трубе змеились серые кабели, пахло нагретым железом, слышалось отдаленное пыхтение машин. Сбросив пиджак, Кедрин подтянулся, уцепился за крепление кабеля и очутился внутри трубы.

Он не выбирал направление, но в той стороне, куда он полз, вдруг забрезжил бледный свет, а механическое чавканье усилилось. Вскоре свет впереди стал ярче, и через минуту Сергей уже лежал перед решеткой, за которой виднелась лампа в каком-то помещении. Он посмотрел вниз и узнал это место — тамбур (или как это у них называется) перед дверью трюма. Но ручка двери почему-то заклинена монтировкой, и рядом торчит громила в маске и с автоматом. Любопытно, что он там стережет... Точнее, кого, ибо неодушевленные предметы нет смысла так запирасть, они не сбегут.

Теперь надо бесшумно снять решетку. К счастью, она крепилась не на болтах, а на выступах, входящих в пазы. Кедрин приподнял ее, потянул на себя...

Бандиту надоело стоять неподвижно, и теперь он прохаживался по тесному тамбуру. Если вдруг поднимет взгляд, неминуемо увидит его... Но парень, к счастью, наверх не смотрел.

Сергей развернул решетку, держа на весу, и выставил за пределы трубы. Замахнуться он не мог, поэтому попросту разжал пальцы. Тяжелая решетка обрушилась на голову бандита, тот без звука повалился на пол. Кедрин спрыгнул в тамбур, содрал с парня камуфляжный комбинезон, маску, быстро переоделся, подхватил автомат. Затем вытянул монтировку и распахнул дверь трюма...

— О, дьявол! — вырвалось у него.

Ближе всех к двери стоял капитан Борисов, за ним — мотористы, электрики, штурманы, механики, матросы... Вся команда «Валерия Брюсова».

Он снял маску.

— Зубарев?! — ахнул капитан.

— Да, Юрий Георгиевич. Надо что-то предпринимать. Я один, оружие — только этот автомат. Сколько бандитов на борту?

— Не знаю. Тридцать, сорок. Может, и больше.

Команда с изумлением прислушивалась к их диалогу.

— Это Зубарев, сотрудник ФСБ, — пояснил капитан, вопреки давней просьбе Кедрина сохранять его инкогнито.

— Если мы все сейчас вывалим на палубу, — сказал Сергей, — нас перестреляют, как зайцев. Разумнее пока действовать малой мобильной группой. Четверых мне хватит, но нужны тренированные ребята. Добровольцы?

Откликнулось не менее десятка голосов. Он подходил к каждому, всматривался в глаза. Можно ли за считанные секунды определить, чего стоит человек? Но задача перед ним стояла именно такая.

— Представьтесь, — попросил он четвертого добровольца.

— Игорь Пономарев, моторист.

— Вы?

— Смолин Сергей, второй помощник главного механика.

— Вы?

— Николай Ракитин, второй штурман.

— Вы?

— Дьяконов Алексей. Матрос.

— Вы четверо пойдете со мной. Остальным придется пока остаться здесь. Это не только для вашей, но и для нашей безопасности. При первой возможности передадим вам оружие.

— Я иду с вами, — заявил Борисов.

— Простите, Юрий Георгиевич, — решительно возразил Кедрин. — В вашем возрасте, при вашей физической форме вы скорее помешаете, чем поможете.

— Я — капитан.

— Да. И ваше дело — отвечать за команду. Поэтому вы и остаетесь. — Кедрин снова надел маску, и впятером они вышли в тамбур.

8

Из передачи «Радио Свобода»

Сообщение московского корреспондента Давида Гершензона.

«В Москве люди, страдающие инсулиннезависимым сахарным диабетом, отказываются покупать швейцарское средство коранол, повышающее проницаемость клеточных мембран для циркулирующей в крови глюкозы. Что же случилось? В одной из партий коранола, приобретенной непосредственно у швейцарской фирмы-производителя, обнаружены наполненные смертельной дозой синтетического наркотика желатиновые капсулы. По официальным данным, три человека погибли, но жертв может быть больше. В изъятой партии находились и другие отравленные капсулы. Теперь весь коранол, имеющийся в продаже в Москве или вновь поступающий, проверяется в специальных лабораториях и лишь после этого возвращается или направляется в аптеки. Но за вчерашний день не было продано ни одной упаковки этого препарата, резко снизился спрос и на другие импортные лекарственные средства. Каким же образом в капсулы мог попасть наркотический яд? Эксперты отрицают возможность того, что это могло произойти в Москве. По данным экспертизы, целостность бандеролей на коробках не была нарушена. Очевидно, это чудовищное и бессмысленное преступление совершено маньяком на стадии изготовления лекарства. В Швейцарии начато расследование.

К сожалению, это не первый подобный случай. Не столь давно в Соединенных Штатах прогремело дело «фореолового убийцы», добавлявшего яд в препарат под названием фореол. Маньяк работал в фармацевтической фирме... В Швеции и Китае поступали в продажу отравленные прохладительные напитки. И вот теперь — преступление в Швейцарии, страшным эхом отозвавшееся в Москве...»

9

Кролик безмятежно спал на койке московской психиатрической клиники после весомой дозы снотворного в одиночной палате, куда врач Ян Кар-

лович Декман распорядился перевести его после первой беседы, состоявшейся ночью.

В больницу Кролика доставили прямо из отделения полиции. Полицейским не составило большого труда догадаться, что они имеют дело или с сумасшедшим, или с искусным симулянтом — во втором случае его быстренько вернули бы назад.

Доктор Декман, подменявший этой ночью на дежурстве молодого коллегу, был растерян и озадачен. Опытнейший психиатр мгновенно понял, что перед ним необычный пациент, но в чем заключалась эта необычность, и чем она вызвана? С подобным случаем Ян Карлович не сталкивался за всю свою многолетнюю практику. Болезнь пациента, распад личности были очевидны, но в этой болезни присутствовала странная система, не похожая ни на один из известных мировой психиатрии симптоматических комплексов. Как будто определенная часть бредовых высказываний больного... могла иметь место в действительности. Декман гнал от себя эту мысль как явную чушь — столь невероятным было то, о чем поведал несчастный человек, не помнящий своего имени. Но ощущение оставалось.

И еще, этим пациентом будут интересоваться. Ян Карлович не знал, что вселяет в него такую уверенность, но это было нечто большее, чем интуиция. Не власти — если бы им занимались власти, он не попал бы в клинику Декмана. Однако предчувствие скверных событий, смутной опасности не покидало его. Насколько легче было бы, если бы он мог посоветоваться с кем-то, изложить свои сомнения и тревогу! Но это исключалось. Стоит ему заикнуться коллегам о своих потаенных догадках, как его, в лучшем случае, поднимут на смех.

Ян Карлович смотрел на спящего Кролика, и беспокойство не только не ослабевало, но, напротив, усиливалось с каждой минутой.

10

Сначала был шок, желание как можно скорее унести ноги подальше. Потом доктор Францев несколько успокоился и собрался, было, звонить Барковскому... Но, обретя способность рассуждать логически, передумал.

Кролик сбежал, находясь в состоянии сильнейшего стресса. Он не мог запомнить расположение особняка и поведать о нем властям, а если бы и попытался продраться сквозь дебри безумия и что-то промямлить, его никто не стал бы слушать, как явного сумасшедшего. Еще не все потеряно, его можно найти. Куда может попасть невменяемый человек, бесцельно слоняющийся ночью по улицам Москвы? Разумеется, прежде всего, в полицию,

а та, удостоверившись в его ненормальности, передаст задержанного психиатрам. Вот отсюда и надо начинать — с ближайших отделений полиции. И прямо с утра. Другого выхода он не видел.

В первом отделении полиции, куда обратился Францев, только разве-ли руками. То же повторилось и во втором, а вот в третьем ему повезло. Он открыл обшарпанную дверь, проскользнул в приемную (или как это у них называется?), где в застекленной будочке скучал дежурный сержант, и вежливо поздоровался:

— Добрый день, сержант. Я — доктор Алексеев, психиатр. Видите ли, у нас сбежал пациент. Он не опасен и вряд ли натворит бед. Но... В общем, мы объезжаем все отделения, не к вам ли он попал?

— А-а! — Лицо сержанта просияло улыбкой. — Это, наверное, тот псих, которого привезли ночью? Акимов! — крикнул он куда-то в глубь коридора.

Появился немолодой грузный полицейский.

— Тут вот доктор за психом приехал.

— А это точно ваш псих? — усомнился Акимов.

Францев коротко, но исчерпывающе перечислил приметы Кролика.

— Он, — удовлетворенно кивнул полицейский. — Порядок, доктор, уже на месте ваш больной.

— А куда его отвезли? — нетерпеливо спросил Францев. — Видите ли, курс лечения... Если он окажется в другой больнице...

— Так раз он не у вас, значит, в другой, — пробормотал Акимов, записывая адрес на листке из перекидного календаря и вручая его Францеву. — Поезжайте и забирайте. Между прочим, ваш буян разбил витрину. Кто платить-то будет?

— Во всяком случае, не я, — усмехнулся Францев и засунул листок во внутренний карман.

На углу соседней улицы он поймал такси и велел отвезти себя по адресу, указанному сержантом. Шагая по парку к главному корпусу психиатрической клиники, Францев раздумывал о том, что главные сложности только начинаются. Представиться родственником больного недостаточно — без документов Кролика не отдадут. Собственно, в теперешнем состоянии Кролика не выпустят с какими угодно документами. Но сейчас основное — установить, действительно ли он здесь, узнать, в какой палате лежит, увидеть его, если удастся. А похищение — дело сложное, тут понадобятся консультации с Барковским и подключение знающих людей.

В корпус Францев вошел не со стороны приемного покоя, а через служебный вход и спросил миловидную медсестру на вахте, где можно найти главврача.

— Ой, а Леонида Дмитриевича нет, — ответила девушка, — поговорите с Яном Карловичем Декманом. Это наверх по лестнице и направо, кабинет 320.

— Спасибо.

Доктор Декман сидел за столом и рассеянно чертил кривые линии в раскрытом блокноте. Глаза пожилого врача слипались. Когда привезли Кролика, Ян Карлович мог бы спокойно вколоть ему снотворное и подождать до утра, но что-то словно подтолкнуло его: он должен побеседовать с ним немедленно. По его распоряжению Кролика привели из общей палаты в кабинет, где Декман услышал такое, что сейчас же отправил его в изолированную палату и провел с ним почти всю ночь. Сейчас Ян Карлович сидел за столом в кабинете, боролся со сном, рисовал кривые линии и думал...

Открылась дверь, Декман поднял взгляд. На пороге стоял мужчина средних лет, в котором Ян Карлович профессиональным чутьем угадал врача. Визитер приблизился к столу и осведомился:

— Доктор Декман?

Ян Карлович устало кивнул и указал на стул. Посетитель сел и начал:

— Уважаемый Ян Карлович, моя фамилия Алексеев, зовут меня Виктор Павлович. Сегодня ночью из дома сбежал мой племянник, Илья. Он очень нездоров, я беспокоился за него и помчался его разыскивать... К счастью, в отделении полиции его опознали по приметам и сказали, что он доставлен в вашу клинику... Его приметы таковы...

«Вот оно, — подумал Декман. — Уже разыскали... Быстро сработали. Но кто они такие, что им нужно? Этот Алексеев такой же Алексеев, как я Пушкин... Потребовать документы? Глупо. Он вывернется или предъявит фальшивку. Но что же делать?»

— Извините, Виктор Павлович, но вы ошибаетесь. В клинике нет пациента с такими приметам. Более того, сегодня ночью к нам вообще никого не привозили. Я дежурил, я знаю.

Францев остолбенел. Такого поворота он никак не ожидал. Неужели в отделении ошиблись, перепутали адреса больниц? Такое возможно, но обращаться к ним во второй раз нельзя, они могут что-то заподозрить... Без проверки документов обойтись не удастся... А если Декман лжет? Если Кролик все же сумел связно изложить свою историю или часть ее, и психиатр поверил ему? Тогда вмешаются власти... Скорее отсюда!

Он на ватных ногах поднялся со стула и, пятась к двери, пробормотал:

— Простите, очевидно, мне дали неверный адрес... Простите еще раз...

Уже на улице Францев опомнился и выбрался из паучьих лап страха. Возвращение к Барковскому откладывать более нельзя. Пусть он прини-

мает окончательное решение, у него есть люди, которые сумеют сделать то, что надо.

Оставшиеся в Москве помощники Францева разобрали установленную в особняке аппаратуру и спрятали ее части в подготовленных тайниках. Эксперимент провалился, но это не означало провала всей исследовательской программы...

А Ян Карлович Декман после ухода человека, назвавшегося Алексеевым, недоумевал: почему он ответил так, как ответил? Неужели поддался гипнозу ситуации? Но, с другой стороны, если Алексеев тот, за кого себя выдает, ничего страшного не случится. А если снова появится в кабинете Декмана — возможно, в сопровождении полицейского. — тогда Ян Карлович сошлется на утомление, бессонную ночь и извинится. Только и всего.

Ни в этот день, ни в два последующих Алексеев не появился. Доктор Декман проводил каждый свободный час в беседах с Кроликом, записывая его фантастические монологи на диктофон. А потом, при прослушивании этих записей, все больше убеждался: две трети услышанного — типичный бред шизофреника. Но одна треть...

Нелегко было на душе у доктора Декмана.

11

Кортунов убежал, беспорядочно отстреливаясь. За ним неслись бандиты, они тоже палили из автоматов, но низом, стараясь попасть в ноги. Понятно, он нужен им живым! Его выстрел опрокинул одного из преследователей за борт. Однако других еще хватало, и метаться по палубе значило рано или поздно получить пулю. «Надо сматываться с теплохода, — думал Кортунов, — поскорее и любым способом». Удирая по палубе, он видел пришвартованные к борту «Брюсова» катера... Итак, захватить катер. Но сначала взять чемодан с плутонием, без этого чемодана он, так или иначе, погиб. Проверив наличие патронов в своем «скорпионе», он убедился, что их мало. И все равно медлить нельзя, каждая лишняя секунда отнимает шансы на успех. О, шаги на палубе...

Озираясь по сторонам, прячась за углами, Кортунов пробирался к трапам и проходил одну палубу за другой. Пару раз видел бандитов, но далеко, и они не могли его заметить. Практически беспрепятственно он достиг каморки боцмана, где за съемной панелью спрятал чемодан с бериллиевыми контейнерами, вмещавшими плутоний. У двери остановился и недоуменно нахмурился — она была заперта снаружи, а в кольце засова торчал болт. Что за новости?! Держа автомат наизготовку, Кортунов вынул

болт и распахнул дверь. В каморке горел свет; боцманское имущество кто-то явно тщательно перерыл. С противным холодком вдоль спины он кинулся к стене. Там под ящиками должен быть гаечный ключ... Отбросил ящик... Ключ исчез! (Его унес бандит, который приволок сюда Кедрина, чтобы пленник, очнувшись, чего-нибудь, не дай бог, не отвинтил.)

Кортунов едва не застонал. От ключа, этой мелочи, железки, зависела его жизнь! Надо возвращаться наверх, искать ключ или, на худой конец, плоскогубцы... Если бы некий прибор отмечал его шансы на выигрыш, стрелка на циферблате клонилась бы к нулю.

12

Валерий Званцев считал, что заслужил небольшой отдых и немного развлечений. В каюту на второй палубе он согнал с десятков девушек из числа участниц конкурса, выстроил их у стены и теперь расхаживал перед ними, выбирая для себя партнершу посимпатичнее. Сначала остановился перед блондинкой с левого края, вытащил нож и рассек на девушке вечернее платье, сильно поцарапав кожу. Разрезанное платье упало к ногам красавицы. Званцев долго рассматривал девушку, потом объявил остальным:

— Она мне не нравится. С теми, кто мне не нравится, я поступаю так... — и молниеносным движением вонзил нож в предплечье конкурсантки.

Хлынула кровь, заливая платья стоявших рядом девушек. Одна из них в ужасе закричала, другая свалилась без чувств на пол. Званцев засмеялся, схватил за руку высокую темноволосую девушку и грубо рванул к себе:

— Пошли! А вы все свободны. Если все-таки выживете, молитесь за меня!

Выбранную девушку — «мисс Нижний Новгород» Ларису Рябинину — он уволок в соседнюю каюту и приказал раздеваться. Девушку трясло от страха и ненависти. Отступив к столу, она медленно расстегивала пуговицы на платье, поглядывая на отложенный бандитом автомат.

— Э, нет, — ухмыльнулся Званцев, заметив направление ее взгляда. — Не выйдет. Да ты, наверное, и обращаться-то с этой штукой не умеешь. Не умеешь, а? — Он разрядил автомат и швырнул рожок в тумбочку.

Девушка сбросила платье, осталась в облегающем купальнике с блестками.

— Эх, жаль, музыки нет, — мечтательно вздохнул Званцев, — стриптиз бы устроили... Ладно, давай дальше.

Поднимая руки, Лариса задела настольную лампу. Та покачнулась, и девушка почувствовала ее тяжесть. Валерий в этот момент слегка повернул голову, прислушиваясь к шагам в коридоре... Лариса не колебалась. Схва-

тив лампу, она обрушила круглую подставку, утяжеленную изнутри чугунным кругляшом для устойчивости, на череп бандита. Званцев повалился на диван. Лариса метнулась, было, к двери, но замерла как вкопанная. Он очнется, найдет ее... Надо убить мерзавца... Ножом? Она никогда не заставит себя сделать это. Зарядить автомат? Не получится, Лариса видела автоматы только в кино и не имела представления об их устройстве. А что там торчит из кармана бандита, пистолет?

Девушка осторожно уцепилась за рукоятку и потянула. В руках у нее действительно оказалось что-то похожее на пистолет с толстым стволом (это была заряженная ракетница, изъятая Званцевым в рубке).

Неожиданно Званцев дернулся и поднялся, как восставший из мертвых в фильме ужасов. Искривленный слюнявый рот и моргающие в прорезях маски красные глаза усиливали сходство. Он, хрипя, надвигался на девушку, его руки простирались, словно щупальца чудовищного спрута.

Лариса выставила перед собой ракетницу:

— Не подходи!..

— А-а-а! — зарычал Званцев. — Играть со мной вздумала... Ну, я тебе сейчас поиграю. Брось-ка эту штуку...

Лариса зажмурилась. Она и сама не поняла, как получилось, что ее палец надавил на спусковой крючок.

В замкнутом пространстве каюты выстрел громыхнул особенно страшно. Лариса выронила ракетницу, прижалась к стене и открыла глаза. Ракета впилась в живот Званцева, сквозь мгновенно прогоревшую одежду сплавилась с телом. Ослепительное сияние озарило кабину. Искры летели, подобно маленьким свирепым осам. Комбинезон Валерия пылал, охваченный яростным химическим пламенем. Перед тем как превратиться в обугленный труп, Званцев выл по-звериному...

Больше Лариса не могла находиться в каюте ни секунды. Она ринулась к двери, выскочила в коридор и побежала, не разбирая дороги. Огонь пожирал все подряд, горючее и даже негорючее. Повалил ядовитый дым от расплавленной пластмассы. Пузырилась разделяющая каюты стена, потом она лопнула, пропуская языки пламени. «Валерию Брюсову» отныне угрожала опасность более грозная, чем бандитский разгул. Ведь пожарная сигнализация была отключена, а вместе с ней и автоматические системы пожаротушения.

13

— Гибель нашего товарища, — сказал генерал Шабалин, выживая последнюю сигарету из пачки, — это большая трагедия, большое горе.

Генерал-майор Рубцов был... Да что там! Но я еще раз вынужден повторить, Владислав Михайлович: у нас нет ни малейших оснований предполагать злой умысел.

— Я с трудом верю, — упрямо произнес Свиридов, — в случайную смерть Рубцова.

— Да и я не верил, — признался Шабалин. — Но факты... Представьте себе, что преступник задумал отравить Рубцова. Тогда он должен был не только знать, что Рубцов болен и принимает коранол. Он должен был отправиться в Швейцарию, проникнуть в цех фармацевтической фирмы, да еще устроить так, чтобы отравленная партия лекарства поступила именно в ту аптеку, где Рубцов покупал препарат... Согласитесь, это абсурд.

— Значит, расследования не будет?

— Оно проведено, Владислав Михайлович. Несчастный случай.

— Я могу идти?

— Я вас не задерживаю.

Выйдя из кабинета Шабалина, Свиридов покинул здание, прошагал два квартала и уселся в машину, где его поджидал Благин.

— Как, Владислав Михайлович? — сразу спросил тот.

— А никак, — ответил Свиридов с расстроенным видом. — Несчастный случай, и точка.

— Владислав Михайлович, а вы не допускаете, что...

— Что это действительно случайность? Не допускаю! — отрубил полковник. — Я уверен, что Рубцов наткнулся на ту же историю, что и Панин, и его убрали. Не знаю, как они ухитрились имитировать несчастный случай...

— Вызванный действиями маньяка, — вставил Благин.

— Да... Но это убийство, Андрей.

— Однако в Управлении никто не разделяет вашей убежденности.

— Потому что никому не известно то, что известно нам...

— И вы хотите...

— Я не остановлюсь, пока не возьму их за глотку... Подбрось-ка меня на Шепиловскую. Там обитает один доктор, я договорился о встрече. Расспрошу его о кораноле. Как знать, может быть, выяснится что-то любопытное...

— А для меня какие будут указания?

— Работай в доме Рубцова, но осмотрительно. Помни, что твоя деятельность абсолютно незаконна... Побеседуй, с кем сумеешь. Возможно, в доме видели посторонних людей... Или кто-то приходил к Рубцову незадолго до его смерти... Словом, ищи, как хлеб ищут.

— Постараюсь, Владислав Михайлович. Встретимся в Голицыно?

— Нет, у меня. Небезопасно, да и время дороже...

Благин высадил полковника на Шепиловской и уехал. Свиридов поднялся на третий этаж старого дома, позвонил.

— Кто там? — прозвучало из-за двери.

— Свиридов. Мы с вами договаривались...

— Да, да... Жду вас, полковник.

Дверь отворилась, и немолодой человек с усталым лицом впустил его в квартиру.

— Добрый день, доктор, — поздоровался Свиридов.

— Называйте меня лучше Иваном Владимировичем, по-домашнему...

Проходите.

Единственная комната скромной квартиры была обставлена, можно сказать, аскетично. Предметами роскоши служили разве что большой телевизор да горка с несколькими фарфоровыми статуэтками.

— Чаю хотите? — предложил Иван Владимирович.

— Спасибо, нет.

— Как угодно. — Доктор сел в кресло, и Свиридов последовал его примеру.

— Значит, вы занимаетесь расследованием этого коранолового кошмара, — произнес Иван Владимирович, пристально глядя на полковника.

— Не занимаюсь расследованием, — поправил его Свиридов, — а выясняю некоторые обстоятельства, могущие иметь отношение к делу.

— Гм... И какие же обстоятельства вам угодно выяснить у меня?

— Самые общие. Просто расскажите мне о кораноле.

Доктор задумчиво кивнул и заговорил:

— Коранол появился сравнительно недавно, но успел завоевать широкую популярность. Он применяется при инсулиннезависимом сахарном диабете, так называемом диабете второго типа...

— Минуточку, доктор... А что, это редкая болезнь?

— Увы, нет. Среди людей старше пятидесяти, особенно склонных к полноте, этот недуг принимает размах эпидемии... Возникновение болезни обусловлено нарушением углеводного звена обмена веществ. Поражаются крупные и средние артерии, ускоренно развивается атеросклероз сосудов сердца, головного мозга, нижних конечностей. Могут появиться плохо заживающие язвы. Вероятна сухая гангрена пальцев стопы. Тяжелые патологии почек, частичная или полная потеря зрения из-за нарушения проницаемости капилляров сетчатки глаза... Вы меня слушаете?

— Очень внимательно. А коранол, значит, избавляет от всех этих ужасов?

— Разумеется, нет. Необходимо сложное, комплексное лечение. Но коранол помогает, поддерживает организм. Он изготавливается на основе растительного сырья, не имеет побочных эффектов...

— Как он действует?

— Нормализует сахар в крови, заставляет работать собственный инсулин организма... Повышает проницаемость клеточных мембран для циркулирующей в крови глюкозы.

— И принимают его...

— Передозировка не опасна. Обычно принимают по две капсулы три раза в день, но некоторые мои пациенты, например, принимали по три-четыре капсулы, и я не возражал. От лишней дозы пользы не будет, но и вреда тоже. А психотерапевтический эффект тоже немаловажен. Если человек верит, что чем больше коранола он примет, тем скорее выздоровеет, почему бы и нет? Настроение у людей лучше, тонус повышается...

Доктор увлекся. С диабета и коранола он переключился на другие заболевания и лекарства, рассказывал интересные, с его точки зрения, случаи из практики. Свиридов же думал о своем.

Предположим, преступники каким-то образом узнали, что генерал-майор Рубцов принимает коранол часто и помногу, следовательно, регулярно обновляет запас. Узнать это нетрудно, работая с ним в одном Управлении... Столь же легко установить и аптеку (ближайшую к дому Рубцова), где он покупает лекарства. И что дальше? Проникнуть в аптеку, подложить отравленные капсулы и ждать, пока Рубцов купит такую упаковку? Чепуха. Отравленные капсулы находились не во всех упаковках, а после первых же смертей и экспертной констатации их причин коранол был изъят. Преступники не могли быть уверены, что упаковка с отравленной капсулой попадет именно к Рубцову. И эти бандероли на коробках... Бандероли особенно беспокоили Свиридова.

— Спасибо, Иван Владимирович, — прервал он доктора, — вы мне очень помогли.

— Ох, простите, — спохватился врач, — я тут растекаюсь мыслью по древу, а вы...

— Нет, нет, все в порядке. Но напоследок одна просьба, Иван Владимирович... Сохранить факт нашей беседы в тайне. Кто бы ни спрашивал, даже люди из ФСБ.

— Даже так? — удивился доктор. — Но почему? Я вам никаких секретов не выдал.

— Видите ли, я на службе, и у меня есть инструкции...

— Понимаю. — Иван Владимирович наклонил голову. — Обещаю.

14

К себе домой Свиридов приехал на такси. Разговор с доктором укрепил его в подозрениях, дал важную деталь: коранол — не то лекарство,

которое принимают от случая к случаю, как валидол или аспирин. Его принимают постоянно, в изрядных количествах. И значит, каким бы способом Рубцову ни подсунули яд, преступники не сомневались в его скорой гибели. Но почему, почему такое хитроумное убийство? Панина попросту застрелили... Ответ только один: цель — не допустить установления связи... Даже догадки не допустить о возможности связи между гибелью Панина и устранением Рубцова.

Войдя в квартиру, Свиридов достал из шкафа длинный щуп с треугольной сеткой на конце, напоминающий миноискатель. Тонкие провода соединяли щуп с напичканной электроникой коробочкой. Он принялся тщательно, не пропуская ни одного закоулка, обследовать квартиру. Коробочка ни разу не запищала, ни разу не мигнул индикатор. «Жучков» нет... Увы, Свиридов и теперь не успокоился полностью. Будучи специалистом по технике прослушивания, он мог с ходу назвать, по меньшей мере, пять способов аудиоконтроля, не обнаруживаемых никакими щупами. Правда, эти способы весьма сложны и дороги, так что есть надежда, что без острой необходимости к ним не прибегнут. А Свиридов вроде пока нигде не «засветился»...

В дверь позвонили трижды, после паузы — еще раз. Условный звонок Благина. Андрей прошел в гостиную, свалился в кресло и уныло проговорил:

— Я пустой, Владислав Михайлович. Как всегда, никто ничего не знает. Был там дедушка, тот вроде видел кого-то, а толку...

— Что за дедушка? — Свиридов присел на край стула, подался вперед. — Давай подробнее.

— Да ну... Дедушка парализованный, целыми днями в инвалидном кресле у окна скучает. Вот он видел парня, который точно в том доме не живет.

— Дата?

— За день до смерти Рубцова.

— А время, конечно, дедушка не засек.

— Представьте себе, засек. Точнее, не он засек, а я вычислил. Он слушал приемник, как раз начиналась его любимая передача. Я проверил по программе — девять пятнадцать.

— В девять пятнадцать этот парень вошел в подъезд?

— Да.

— А потом?

— Потом вышел... Еще минут через пятнадцать, а может, и меньше. Недолго был, в общем.

— Так. Особые приметы?

— Какие там приметы! Лица его дед не разглядел, близорукий он... Как одет — тоже не помнит... А, есть одна примета: прихрамывает! Как вам

нравится, Владислав Михайлович? Давайте арестуем всех прихрамывающих жителей Москвы и начнем с вас? Вы ведь тоже прихрамываете...

— Да-а, — протянул Свиридов, не скрывая разочарования, хотя, в общем, и не ждал серьезных результатов от поездки Благина. — Ценный источник информации дедушка твой... Но ты, конечно, проверил, приходил ли к кому-то из жильцов подъезда прихрамывающий парень?

— В половине квартир никого не было, а в половине остальных мне не открыли...

— Гм... Какие осторожные люди.

— Я же говорю, пусто, Владислав Михайлович.

— Пусто, пусто, — повторил Свиридов. — Вот что, Андрей, давай-ка подойдем с другой стороны. Что мы знаем... Если совершено преступление, оно выглядит очень уж изощренным. Ты читал роман Агаты Кристи «Убийства по алфавиту»?

— Владислав Михайлович, я не читаю детективов. Мне их в жизни хватает.

— А я, признаться, грешу иногда... В этой книге, Андрей, описана в чем-то схожая ситуация. Преступник убивал людей, чьи имена брал из телефонного справочника, на буквы А, В, С и так далее. Естественно, искали маньяка. На самом же деле он охотился за человеком на букву, кажется, D... И наш преступник запутывает след подобным образом, представляя Рубцова случайной жертвой слепого удара маньяка. Я так думаю, он поместил капсулы с ядом в те упаковки, что были в аптеке, а потом подбросил еще одну Рубцову.

— Владислав Михайлович! — Благин встал, дошел до окна, развернулся, держа руки в карманах. — Ведь установлено, что ни в аптеку, ни в квартиру Рубцова посторонний не проникал. И бандероли на коробках...

— Вот, вот! — Свиридов поднял указательный палец. — Значит, мы имеем идеально продуманное и столь же идеально выполненное убийство.

— Или никакого...

— Я расскажу тебе одну легенду, Андрей...

— Ох, Владислав Михайлович... То детективы, то легенды...

— Послушай, полезно. Легенда, рожденная в суеверных душах сотрудников ФСБ... Существует якобы суперкиллер, именуемый Мастером, и половина загадочных смертей в Москве на его совести. Но он никогда не попадется, потому что на порядок умнее тех, кто его ловит. Хороша легенда?

— Хороша... А откуда имя такое — Мастер?

— Да мелькало в показаниях свидетелей по некоторым делам. Но тоже... Из третьих, четвертых уст... Убийство Рубцова спланировал не распяпа, а своего рода гений. Много ли в Москве гениальных преступников?

— Как хотите, Владислав Михайлович, — проговорил Благин без воодушевления. — Давайте называть нашего гипотетического убийцу Мастером или еще как, — что это меняет?

— Пока ничего, — согласился полковник. — Пока у нас есть только прихрамывающий молодой человек. Поеду-ка я в Управление шерстить компьютерные архивы. Не проходил ли кто с травмой ноги по делам последних лет?

— Надежда хилая, — произнес Андрей, — да лучше, чем никакой... А что, если я сделаю то же самое в полиции? Только с кем же там поговорить из наших контактов...

— С майором Авдониным.

— Почему Авдонин? К нашей теме как будто ближе Палатов, Кузнецов...

— Ближе-то ближе, но Авдонин всегда знал больше, чем ему по должности полагается. Надеюсь, он не забыл, что обязан нам кое-чем... И он не болтун. Так что поезжай к Авдонину и возвращайся сюда. Я дам тебе второй ключ.

— А проверку квартир в подъезде Рубцова возобновлять не станем?

— Пожалуй, нет... Во всяком случае, пока нет. Вряд ли это что-нибудь даст, потеряем только время и привлечем лишнее внимание. Заходил, не заходил... Нам эти осторожные люди могут правды и не сказать. А если заходил к кому-то и не застал? Или просто ошибся адресом?

— Но вы-то так не думаете.

— Не думаю, — согласился полковник.

15

Самым трудным для Свиридова, приехавшего в Управление на своей машине, было остаться одному в помещении компьютерного центра. Конечно, он мог затребовать данные в свой кабинет, но тогда немалому количеству сотрудников разного ранга стало бы известно, чем он интересуется. А в компьютерном центре Свиридов сделал вид, что занят подборкой фактов по несостоявшемуся взрыву на вокзале, его непосредственному официальному заданию. Улучив момент, когда из комнаты по различным поводам разошлись все, кроме дежурного лейтенанта, он отослал парня под благовидным предлогом и залез в архивные файлы.

Лейтенант вернулся минут через двадцать, Свиридову этого времени вполне хватило. Он поднялся в кабинет генерала Шабалина, доложил сообщения по взрыву и попросил разрешения уйти сегодня пораньше, сославшись на утомление и головную боль.

— Не возражаю, полковник, — ответил Шабалин, но у дверей кабинета остановил Свиридова: — А куда это вы уходили днем, Владислав Михайлович?

Тот ждал такого вопроса, поэтому сразу ответил:

— Я был у себя дома. Должен был позвонить важный свидетель, который наотрез отказался контактировать со мной на службе.

— Дождались?

— Нет, но, думаю, дождусь.

— Не забудьте доложить.

— Не забуду. До свидания!

В машине, медленно двигаясь в плотном потоке транспорта, Свиридов обдумывал полученную в компьютерном центре информацию. Он не сразу обратил внимание на мотоциклиста в шлеме, который то приближался к его машине, то отставал. Свиридов свернул в переулок, увеличил скорость. Мотоциклист последовал за ним. Еще два поворота убедили Свиридова в том, что тот не случайно избрал такой же маршрут. Отрываться бесполезно, на «шестерке» от «Ямахи» не уйдешь... А у полковника даже нет оружия. Но, может быть, мотоциклист и не собирается стрелять, а лишь демонстрирует слежку за ним? Второе предупреждение?

Петляя по улицам, Свиридов заехал в спальный район, где прохожих было мало, а машин и вовсе почти не было, кроме оставленных у кромок тротуаров. Он стремился сюда намеренно, потому что условия здесь подходили для задуманного маневра. После очередного резкого поворота угол дома скрыл от мотоциклиста «шестерку». Свиридов загнал ее в какой-то двор, а, услышав приближающийся рокот мотора, дал задний ход и перегородил проезд.

Мотоциклист ударил по тормозам, крутанул руль, стараясь избежать столкновения. «Ямаха» пошла юзом, повалилась набок и завертелась на асфальте перед капотом «шестерки». Свиридов распахнул дверцу. Парень в шлеме, видимо, не пострадал при падении. Он вскочил и выхватил пистолет с глушителем. Полковник бросился навзничь, откатился за машину. Хлопки выстрелов прозвучали негромко и как-то безобидно для смертоносного оружия, но пули крошили бордюр в сантиметрах от головы Свиридова. Три выстрела... Акробатический прыжок — нелегкое упражнение для полковника в его возрасте, — и снова три выстрела, и снова промахи на десяток сантиметров. И вдруг киллер перестал стрелять. Кончились патроны, или понял, что полковник не вооружен, и хочет подобраться поближе?

Свиридов привстал, выглянул из-за машины. Никого у мотоцикла, вообще нигде никого. Сбежал?! Вот так взял и сбежал? Что-то сомнительно.

Подойдя к мотоциклу, он посмотрел на табличку с номером. Наверняка номер фальшивый, а мотоцикл угнан пару часов назад...

Внезапно Свиридов затылком ощутил колебание воздуха и мгновенно отклонился вправо. Вовремя: удар рукояткой пистолета пришелся не в голову, а в плечо. С разворота полковник вслепую двинул кулаком в то место, где должно было находиться лицо противника. Попасть-то он попал, да не учел шлема и лишь отшвырнул киллера метра на два с такой силой, что заныли костяшки пальцев. «Все, — сокрушенно подумал полковник, — конец! Староват я для рукопашной против такого бугая».

Нарастающий рев мотора заставил его обернуться. По улице несся огромный черный джип с затемненными стеклами. Перед машиной Свиридова он затормозил, из дверей высыпала братва.

— Эй, дед! — заорал здоровый бритоголовый детина. — Ты че, с дуба рухнул? Живо убирай свою жестянку с дороги!

— Сейчас, ребята, сейчас! — Свиридов благодарно улыбнулся, озираясь в поисках киллера. Тот исчез.

— А это что? — пнул ногой мотоцикл браток.

— Это не мой, — честно признался полковник.

— Вижу, что не твой, — хохотнул здоровяк. — Ну, шевелись!

Свиридов сел за руль «шестерки», развернулся и дал газ.

«Надо же, — пробормотал он, — такого даже в кино не увидишь... Одни бандюги от другого спасают!»

У своего дома он вышел из машины, поднялся в квартиру. Благина там не было. Он хотел вернуться обратно и перехватить Андрея неподалеку от подъезда, ибо теперь оставаться в квартире представлялось ему опасным, но, проходя мимо коридорчика, ведущего в кухню, заметил приоткрытую дверь туалета.

Свиридов потянул за круглую пластмассовую ручку. Первое, что он увидел, был раскинувшийся на полу труп Андрея Благина. Белую рубашку сплошь заливала кровь. Окаймленное красным отверстие, результат контрольного выстрела, зияло на левой стороне лба.

— Теперь я вас точно достану, — тихо и уверенно произнес Свиридов, склонившись над погибшим другом и закрывая его глаза. — Теперь точно.

16

Каюту Картунова Нежданов и Хардин раскатали, что называется, по винтикам. Как ранее Кедрин, они искали хоть какой-то намек на местонахождение груза. Как и Кедрин, ничего не нашли.

На корпусе рации Хардина подмигнул огонек, прогудел зуммер вызова.

— Здесь «первый», — откликнулся он.

— Тот гад ребят пострелял, — торопливо сообщил задыхающийся голос. — Мы упустили его...

— Как это, упустили? — с убийственной вежливостью осведомился Хардин. — Я не ослышался?

Из динамика донеслось что-то вроде виноватого сопения.

— Поймите его! Он нужен только живым! А пока приведите мне того, из ФСБ.

— Куда привести?

— Восьмая каюта, третья палуба.

Едва он отключился, вызов прозвучал вновь. Это был Шадрин.

— «Первый», на теплоходе пожар...

— Какой еще пожар?

— Горят каюты на второй палубе!

— Сейчас заглянем...

Спустившись на вторую палубу, Хардин и Нежданов увидели стелющийся по ковру коридора белесый дым и прорывающиеся через прогоревшую дверь одной из кают выхлопы пламени.

— И это весь пожар?

Шадрин спешил навстречу.

— Надо убираться отсюда!

— Да? — Хардин сунул рацию в карман. — Из-за двух загоревшихся кают?

— Вы не знаете, как горят эти чертовы посудины, а я знаю! Вентиляция раздувает огонь... Очень скоро тут будет ад...

— Прекратить панику! Возьмите огнетушители и погасите.

— Попробуем, но там пластик, химия...

— Не хнычь, а пробуй.

Хардин и Нежданов вернулись в каюту Картунова, куда было приказано привести сотрудника ФСБ (Зубарева, как прочел Хардин в удостоверении).

17

Обнаружив отсутствие гаечного ключа, Картунов мысленно воспроизвел все известные ему проклятья. Где теперь искать ключ или пассатижи? Пожалуй, возле станции электропитания с берега... Там должен быть ящик с инструментами — для ремонта, профилактики... Но как бы не пришлось туда с боем прорываться!

Он вдруг насторожился, перезарядил автомат. Шаги? Да, и они приближаются...

Это шли двое бандитов, отряженные за «сотрудником ФСБ». КОРТУНОВ захлопнул дверь каморки в надежде, что они пройдут мимо... Но дверь распахнулась, и пришлось дать очередь прямо в грудь бандита. Тот упал. КОРТУНОВ застрелил и второго, не дав ему опомниться. У первого оказалась неповрежденной маска. Второму очередь пришлась в голову, и его комбинезон был всего лишь забрызган кровью, но едва ли это выглядело подозрительно после всех событий на теплоходе. КОРТУНОВ переоделся и почувствовал себя увереннее. Но ни переодевание, ни уверенность ему не помогли. На трапе, ведущем с первой палубы на вторую, его свалил сильнейший удар по затылку. Упавшего КОРТУНОВА окружила группа КЕДРИНА.

— Один есть, — хмыкнул ДЬЯКОНОВ. — Дай бог, не последний...

СМОЛИН быстро ощупал комбинезон КОРТУНОВА и обрадовано воскликнул:

— Набит боеприпасами!

— Отнесите его автомат капитану и возвращайтесь, — сказал СЕРГЕЙ.

СМОЛИНУ не понадобилось и двух минут на марш-бросок в оба конца. Группа двинулась дальше, на вторую палубу. Здесь в коридоре трое под командованием ШАДРИНА неумело и безуспешно боролись с огнем. Вместо того чтобы заливать пламя пеной с палубы сквозь выбитые иллюминаторы, они открыли двери кают, чем усилили приток воздуха. В результате пылали уже четыре каюты.

КЕДРИН заглянул в коридор и указал на ШАДРИНА:

— Неплохо бы побеседовать вон с тем, с нашивками... Эти нашивки, наверное, означают ранг...

— Достанем, — сказал РАКИТИН. — Но, может, пусть они сначала пожар погасят?

— Да они его только раздувают. Сами справимся.

Короткая очередь, выпущенная КЕДРИНЫМ в потолок, взорвала плафоны. В коридоре стало вдвое темнее.

— Ложись! — заорал СЕРГЕЙ.

Ошеломленные бандиты повиновались. Парни КЕДРИНА извлекли из их подсумков «скорпионы» и выключили троих мощными ударами. ШАДРИНА не тронули, он лежал на полу под прицелом. ДЬЯКОНОВ умчался за подкреплением для борьбы с пожаром. С ним пришли шестеро с огнетушителями во главе с капитаном. С ходу капитан принялся распоряжаться тушением огня. Это получалось у него куда лучше, нежели у ШАДРИНА.

— Возьмем комбинезоны и маски? — предложил СМОЛИН.

— Нет, — ответил КЕДРИН, — так еще под собственные пули попадем... Кстати, и я... — Он сорвал свою маску, бросил ее на пол и добавил: — Вот теперь поговорю с этим типом...

Сергей заволок Шадрина в каюту напротив, а когда Дьяконов шагнул следом, он передал ему рацию, отобрав ее у Шадрина:

— Возьмите это, и у других отберите, у кого есть. Будем прослушивать их переговоры.

— А для вызова помощи эти рации не сгодятся?

— Нет, дальность маловата... Попытаемся добраться до рубки, но, боюсь, у них работают «глушилки»... А такие рации как раз для связи на большом расстоянии, в условиях сильных помех.

Дьяконов вернулся в коридор. Война с пожаром завершилась победой капитана и команды. Несмотря на стелющийся дым, из кают никто не выскакивал. Кто бы рискнул? Да и бандиты в основном распихивали людей по каютам первой палубы, порой набивая в одну по пятнадцать-двадцать человек, так что на второй мало кто остался.

В коридоре появился пьяненький бандит (тот, кому Хардин велел конвоировать Андрея и Надю). Он в недоумении пялился на клубы дыма, на матросов с огнетушителями, на неизвестно откуда взявшихся вооруженных людей... Ситуация изменилась стремительно, и туповатому парню оказалось не под силу ее осмыслить. Вместо того чтобы бежать за подмогой, он вскинул автомат и открыл стрельбу.

Два матроса упали замертво. Смолин дал ответную очередь. Бандит выронил автомат и рухнул на ковер, орошая его кровью.

— Все живы? — закричал Кедрин, выскакивая из каюты.

— Нет, — глухо произнес капитан. — Не все.

Он отбросил пустой огнетушитель, сорвал со стены новый и с такой яростью перечеркнул пламя пенной струей, словно там, в огне, и прятался подлинный убийца матросов.

18

Кортунов приходил в себя медленно. Сначала включилась боль. Она заполнила сознание целиком и отступала неохотно. Потом как будто возвратилось зрение, но кроме красной пелены Кортунов ничего не видел — падая, он рассек лоб о ступеньку трапа, и кровь под маской заливала глаза. Стиснув зубы, он содрал маску, отер ею кровь, пошарил руками вокруг. Ни автомата, ни патронов... Ничего. Впрочем, это и так ясно. Кто на него напал, бандиты? На человека в маске и камуфляже? Да что гадать, надо пробираться вверх, искать инструменты... Со стоном Кортунов встал на четвереньки, затем выпрямился во весь рост, преодолевая боль и тошноту.

В каюте на второй палубе Кедрин пинком поднял Шадрина с дивана, стянул с него маску.

— Твое имя?

Шадрин смачно плюнул в Сергея, промахнулся и хрипло послал его по максимуму известных пунктов назначения.

— Ладно, как хочешь... Я спешу, а потому — прощай, незнакомец... — Ствол «скорпиона» поднялся к груди Шадрина и остановился прямо в области сердца.

Тольяттинский авторитет счел за лучшее представиться.

— Это уже диалог, — довольно заметил Кедрин. — Кто возглавляет операцию, ты?

— Москвичи. Хардин Виктор Георгиевич, он главный... И Петр Михайлович Нежданов. Ребята, исполнители, все мои, из Тольятти и Самары...

— Понятно. А что нужно господам Хардину и Нежданову?

— Они ищут какой-то чемодан с иконами, что ли...

— Ага... Ну, хотя я и не думаю, что Хардин и Нежданов любезно сообщили тебе их московские адреса, ты ведь не мог не навести справки, правда?

— Мне удалось узнать только, где находится подмосковный особняк Хардина... Я нарисую план...

Кедрин взял со стола схему маршрута «Брюсова», перевернул, протянул лист Шадрину. Авторучки или карандаша он не обнаружил, зато на полу валялась косметичка, откуда он извлек тюбик губной помады.

— Рисуй!

Шадрин начал чертить помадой на бумажном листе, давая пояснения. Когда он закончил, Сергей спрятал схему в карман.

— Молодец! Сколько здесь твоих людей?

— Тридцать пять, со мной и москвичами.

— Где аппаратура глушения?

— Не знаю, клянусь... Этим занимался Званцев...

— Хардина и Нежданова можно отличить по таким же нашивкам, как у тебя?

— У Хардина одна поперек, у Нежданова одна вдоль.

— А у Званцева?

— Званцева не отличишь, у него нашивок нет...

— Так. Посиди пока здесь... — Кедрин толкнул Шадрина на стул и надежно привязал шнуром от занавесок. — Мы с тобой еще побеседуем...

Из каюты Картунова Хардин безуспешно пытался связаться по рации с посланными за сотрудником ФСБ бандитами.

— Что-то не так, — обеспокоено пробурчал он. — Пошли, посмотрим...

У двери в коридор второй палубы Хардин задержался, чтобы взглянуть на сражение Шадрина и его бойцов с пламенем, но тут же отпрянул, едва не сбив Нежданова с ног, и прошипел:

— Тревога!

— Что там?

— Какие-то партизаны, черт... — Хардин поднес рацию ко рту: — Здесь «первый», всем, всем! Тревога на второй палубе! Срочно сюда, в коридор, немедленно открывать огонь на поражение!

Бледный дым просачивался в каюту Нади и Андрея. Они слышали шум в коридоре, отрывистые команды, стрельбу, но не могли разобраться в происходящем, а высовываться наружу у них почему-то желания не было. Одно стало ясным: на теплоходе пожар.

Надя больше не плакала, но выглядела апатичной, безучастной.

— Я хочу домой, — тихо пробормотала она.

— Я тоже, — невесело усмехнулся Андрей. — Вот и ломаю голову над тем, как туда попасть...

— И ты что-нибудь придумал?

— Да что тут особенно придумаешь... Впрочем... Эта банда, не по воздуху же она прилетела. Наверное, приплыли на моторных лодках. Если мы такую лодку захватим...

— Как это — захватим? — испугалась Надя. — Что, будем воевать с бандитами?

— Да нет... Воевать мы, конечно, ни с кем не будем... Но, по-моему, бандиты очень заняты. Мы можем через окно вылезти на палубу...

— Я боюсь, они нас увидят... Тот, главный, обещал нас здесь не трогать. А если мы попытаемся сбежать, убьют.

— Не очень-то я полагаюсь на его обещание, — покачал головой Андрей. — Слышишь, что там творится?

— Я не понимаю, — недоуменно произнесла Надя, — с чего это он вдруг воспылал к нам братской любовью. О чем ты с ним говорил?

— Потом. Это долго объяснять. Сейчас решай: бежим или остаемся?

Надя беспомощно приникла к Андрею:

— Ты мужчина, ты и решай... Я с тобой куда угодно пойду.

Колебаниям Андрея положил конец оглушительный взрыв в коридоре: один из ворвавшихся по приказу Хардина боевиков бросил гранату.

— Бежим! Но тебе нужно переодеться. Джинсы... Что-нибудь спортивное...

Осколки гранаты, к счастью, не задели никого из команды теплохода: бандит перестарался, швырнул ее слишком далеко, и перед взрывом она откатилась за металлическую переборку. В задымленном коридоре вспыхнула ожесточенная пальба с обеих сторон. Команда «Брюсова» отступала. Потери противника исчислялись тремя убитыми, несколько матросов получили легкие ранения. Кедрин искал глазами людей с нашивками на комбинезонах, но тщетно. Хардин и Нежданов предпочитали руководить боем издали.

Подобравшись совсем близко, Картунов мигом оценил положение. Идет перестрелка — это отлично, это превосходно! Бандитам не до него, и можно продвигаться дальше.

Очутившись на палубе мостика, он увидел две фигуры в рубке, стоявшие к нему спиной, — рулевого и бандита, и, пригнувшись, перебежал к дымовой трубе. Где тут ящик с инструментами? Он непременно должен быть возле станции электропитания. Не этот ли железный шкаф?

Точно! Картунов схватил плоскогубцы, метнулся обратно к трапу и кубарем скатился вниз.

Стрельба на второй палубе не только не прекратилась, а, наоборот, еще больше усилилась, автоматы трещали непрерывно. Спотыкаясь на трапах, Картунов вернулся в каморку боцмана. Открутить затянутые им самим болты было не так-то легко. Стенная панель отвалилась лишь после продолжительных судорожных усилий.

Он вытащил тяжелый чемодан...

19

Выбив группу Кедрина со второй палубы, бандиты сослужили себе плохую службу. Матросы не успели полностью погасить огонь, и он разгорелся с новой силой. Самым страшным было то, что вентиляционная система распространяла пламя по теплоходу и раздувала его. Пожар полз не только вверх, но и вниз, к первой палубе, трюму и машинному отделению: по вентиляционным трубам летели раскаленные искры и полыхающие обрывки горючих материалов. На первой и третьей палубах, охваченных огнем от носа до середины, люди выламывали запертые двери кают, вышибали окна, спасаясь от ревущего пламени. Вся команда «Брюсова» покинула трюм. Около тридцати человек с огнетушителями пытались сдерживать огненный напор, другие спасали пассажиров, отводили их в пока еще безопасные места.

— Конец, — сказал Нежданов, издали наблюдая за пожаром. — Надо уходить.

— Без груза я не уйду, — решительно ответил Хардин. — И нужно найти и прикончить Шадрина, он много знает.

— И Званцев.

— Тьфу, дьявол, забыл! И Званцев знает кое-что...

О Шадрине Виктор Георгиевич беспокоился напрасно. Обугленный труп тольяттинского авторитета догорал в каюте второй палубы. Шадрин задохнулся от дыма прежде, чем до него добрался огонь...

Каюта Нади и Андрея, расположенная далеко от центра пожара, до сих пор не пострадала, но температура поднималась, и дым ел глаза.

Вспомогательный дизель-генератор бортовой электростанции испустил дух в раскаленном аду. Ровно половина сети освещения перестала действовать, палубы и помещения «Валерия Брюсова» погрузились в полумрак.

На корме третьей палубы кое-кто из боевиков продолжал перестрелку с людьми Кедрина, которые захватили уже столько оружия, что чаша весов начала склоняться на их сторону. Но другие бандиты, более сообразительные или более жадные, возобновили мародерские нападения на каюты, торопясь унести все ценное, пока не поздно. В поисках Шадрина и Званцева Нежданов и Хардин потеряли друг друга, а Нежданов, вдобавок, повредил рацию и остался без связи.

Хардин понимал, что контроль над ситуацией утрачен и разыскать груз теперь вряд ли возможно. Жив ли Картунов? Имеет ли смысл надеяться на то, что он попытается спасти груз? Может быть, его удастся перехватить? Ответов на эти вопросы не было.

«Валерий Брюсов», превратившийся в гигантский факел, шел прежним курсом. То, что было некогда шикарными ресторанами, барами, дискотеками и фешенебельными каютами-люкс, теперь полыхало. Горящие трупы наполняли воздух запахом паленого мяса. Слышались стоны и вопли раненых и просто до смерти перепуганных людей, вперемежку с автоматными очередями и пистолетными выстрелами...

20

Сидя за рулем «шестерки», полковник Свиридов в очередной раз вспоминал подробности выуженных в компьютерном центре сведений. Его заинтересовала информация о трех людях. Первым был некто Махарадзе, пытавшийся устроить покушение на депутата Государственной Думы. При задержании ему прострелили колено. С помощью сообщников-земляков Махарадзе умудрился сбежать из мест не столь отдаленных... Свиридову представля-

лось, что это не тот человек, которого он ищет. Преступление свое Махарадзе спланировал на редкость бездарно (оно и сорвалось), кроме того, после огнестрельного ранения колена человек должен не то что слегка прихрамывать, а прямо-таки хромать. Далее, Махарадзе едва ли осмелился бы скрываться и тем более действовать в Москве. К тому же он не был наемником... И, слава богу, потому что Свиридов понятия не имел, где его ловить.

Вторым в списке полковника значился Фадеев, тот изуродовал ногу, по его словам, на баскетбольной площадке. Привлекался он свидетелем по делу о террористическом акте в метро, и одно время его серьезно подозревали в соучастии. Доказательств не нашлось, и Фадеев был отпущен восвояси. С тех пор он жил тихо и мирно, ни в чем таком, что могло бы насторожить, замечен не был. Версию о Фадееве Свиридов не отвергал. Правда, сигнализацию в аптеке мог отключить лишь человек, сведущий в электронике. Разбирался ли в электронике Фадеев, неизвестно, зато уж точно разбирался третий номер в списке, Олег Дмитриевич Букин, сотрудник электронной фирмы «Вега Лайт». Он также проходил свидетелем (дело об убийстве заместителя министра, замешанного в темных махинациях), но в отличие от Фадеева его никто и ни в чем не подозревал. Однако скрупулезность работы ФСБ требовала пристального внимания и к свидетелям по таким делам. Травма ноги указывалась в графе «Особые приметы».

К Олегу Букину и ехал сейчас Свиридов, предварительно позвонив в «Вега Лайт» и убедившись, что того нет на работе. Что полковник имел против Букина? Два факта: Олег Дмитриевич был специалистом-электронщиком, и он прихрамывал.

Наконец «шестерка» остановилась у дома Букина. Свиридов поднялся по лестнице, надавил кнопку звонка. За сеточкой переговорного устройства послышалось тихое шипение, на его фоне прозвучал мужской голос:

— Кто это?

— Полковник Свиридов, ФСБ. Я хотел бы видеть Олега Дмитриевича Букина.

— Поднесите, пожалуйста, удостоверение к дверному «глазку».

Полковник показал удостоверение, и дверь медленно уехала в стену. Шагнув в прихожую, Владислав Михайлович лицом к лицу встретился с довольно молодым человеком заурядной наружности.

— Букин Олег Дмитриевич?

— Он самый. Проходите.

В гостиной Свиридову бросилось в глаза обилие зеркал. Странно, Букин не похож на Нарцисса.

— Итак, чем обязан? — осведомился хозяин квартиры, жестом приглашая посетителя сесть.

— Я вас долго не задержу, Олег Дмитриевич... У меня к вам только один вопрос...

Полковник назвал дату, когда в доме Рубцова был замечен неизвестный. Ни один мускул не дрогнул на лице Букина.

— Ну и что?

— Где вы были в этот день, от девяти пятнадцати до половины десятого утра?

— Простите, полковник, — смущенно улыбнулся Букин. — Я, вообще-то, ужасно рассеян... Если вам очень нужно, постараюсь припомнить... Погодите, погодите... А, ну да! У меня как раз испортился телефон, а мобильник был разряжен, и я...

— А что с ним случилось? — перебил Свиридов.

— С телефоном? Да я сам виноват. Перебрал накануне, задел аппарат, свалил на пол... Плата треснула. Потом я, конечно, запалял, но с утра-то руки тряслись...

— Могу я взглянуть на треснувшую плату?

— Полковник, а какова цель ваших расспросов? Что-нибудь стряслось? — удивленно посмотрел на Свиридова Букин.

— Возможно... Но, как вы видите, я один, неофициально... Если я буду удовлетворен ответами, вас больше никто не потревожит.

— Гм... Тайны кремлевского двора? Ладно, мне скрывать нечего... — хмыкнул Букин, достал из ящика отвертку, быстро и ловко отвинтил поддон телефонного аппарата. — Вот эта трещина. — Его палец прикоснулся к плате: — А здесь запаяно, и здесь...

— Спасибо, — кивнул полковник. — Собирайте телефон и продолжайте.

— Так вот, с похмелья голова трещала... А мы с подругой о встрече условились, да какая там встреча, пивка бы... Забежал к соседям напротив, от них позвонить... Пенсионеры, милые такие старички. Позвонил, наплеал Тане что-то про шефа...

— Вы уверены, что это было именно в девять пятнадцать? Ваша рассеянность плюс похмелье...

— Уверен, полковник. Тут, понимаете ли, такое дело. Я поигрываю в телевизионное лото, в «Золотой шар». И пока болтал с подругой, время передачи подошло. Я попросил стариков включить телевизор, посмотрел у них... Ну, может, это было не точно в девять пятнадцать, чуть позже, я ведь передачу не с начала смотрел, но в пределах двух-трех минут. До секунды не надо?

— До секунды не надо, — сказал Свиридов. — Этого достаточно.

— Но все-таки... Почему вы мной заинтересовались?

— Беспокоиться вам не о чем. Вот только загляну к вашим соседям — напротив, говорите? Как их зовут?

— Дедушку — Михаил Дмитриевич, а бабушку — Мария Михайловна. Вы очень-то стариков не волнуйте...

— Не буду, — пообещал Свиридов, направляясь к выходу. — Да, и еще... Номер телефона подруги, если можно.

— Тут уж извините! — натужно засмеялся Букин. — Таня не простит, если я натравлю на нее ФСБ.

— «Натравлю»? — На лбу Свиридова собрались укоризненные складки. — Что мы, собаки? Не хотите, как хотите, без нее все ясно. До свидания, вернее, прощайте, так как маловероятно, что мы снова увидимся.

— Надеюсь, полковник. Удачи вам.

Пенсионеры впустили Свиридова после долгих переговоров через дверь. Они полностью подтвердили рассказ Букина. Отказавшись от предложенного чая, полковник вернулся в машину и поехал к Фадееву. Ему открыла молодая женщина.

— Фадеев? — переспросила она. — Боря? Вы ничего не знаете?

— А что я должен знать?

— Он умер...

— Умер?!

— Разбился. Автомобильная катастрофа.

— Простите... Когда это случилось?

— Сегодня ровно месяц...

Выйдя на улицу, Свиридов вновь закурил возле машины. Его попытка расследования закончилась, в сущности, и не начавшись. Таинственный посетитель дома Рубцова — не Букин и не Фадеев. Его следов не найти среди миллионов людей... Если он вообще имеет отношение к убийству Рубцова!

21

Танкер «Волгонефть-240» опаздывал на сутки из-за ремонта главного двигателя. Теперь как ни гони, вздыхал капитан, вчерашний день не догонишь, срывается график...

Предутренняя мгла окружала танкер. Ни одного судна в виду, ни одного огонька на берегу. Нет, не совсем так... Какой-то проблеск вдаль, прямо по курсу.

В рубке появился первый помощник механика, Саша Дроздин.

— Что это там, Виктор Федорович? — обратился он к капитану. — На ходовые огни не похоже...

— Не похоже, — согласился капитан. — Дай-ка бинокль... — Он поднес бинокль к глазам, отрегулировал окуляры и, всмотревшись, воскликнул: — Черт возьми! Это пассажирское судно... И вроде бы у них там пожар.

— Пожар?! Но тогда капитан обязан был пристать к берегу, высадить людей...

— Не понимаю... Вызови-ка их по радио.

— Названия не видно?

— Нет пока, далеко... Вроде бы по расписанию здесь не должно быть никаких пассажирских судов...

— Вне расписания? Что же это, корабль-призрак?

— Да не рассуждай, включай радио...

Дрознин защелкал тумблерами, взял микрофон.

— «Волгонефть-240» вызывает пассажирское судно. Ответьте «Волгонефти-240», что у вас происходит? — Он повернулся к капитану: — Молчат...

— Продолжай вызывать.

Команде «Брюсова» удалось потеснить пламя и остановить его распространение, но еще раньше огонь ворвался в каюту, где находился генератор помех, доставленный на борт Званцевым. «Глушилка» вышла из строя сразу же. В рубке с полуслова ожило радио: «...сорок, ответьте. Что у вас происходит? Ответьте «Волгонефти-240»...

Рулевой вздрогнул, потянулся к микрофону. Гюрза рванулся вперед с намерением то ли выключить приемник, то ли разбить передатчик, и на мгновение матрос оказался сбоку от бандита. Своего шанса рулевой не упустил. Сокрушительным ударом он отправил Гюрзу на пол, подобрал его автомат и тут же схватился за микрофон:

— «Волгонефть-240», говорит «Валерий Брюсов». Теплоход захвачен бандитами, на борту перестрелка, пожар... Повторяю, здесь вооруженная банда. Ни в коем случае не приближайтесь, разворачивайтесь... Сообщите...

Растянувшийся на полу Гюрза вынырнул из небытия. Превозмогая боль, он выбросил правую руку, вцепился в ногу рулевого и повалил парня мощным рывком. Оба откатились к стене. Бандит нащупал выпавший «скорпион», вскочил и направил ствол на матроса:

— Быстро выключай эту штуку! Что ты успел передать?!

Рулевой поднялся, шатаясь, лицо его было разбито, не хватало двух передних зубов. Он поспешно выполнил приказ. Раз бандит спрашивает, значит, находясь в отключке, не слышал его сообщения для «Волгонефти»... И незачем его просвещать.

— Что будем делать, Виктор Федорович? Поможем? — взволнованно повернулся к капитану Дрознин.

— Да как мы поможем, перебьют нас... Разворачиваемся. И надо срочно связаться с... Черт, с кем же? А, сразу с Москвой!

Тем временем Гюрза, уставившись сквозь лобовое стекло рубки на огни «Волгонефти», выхватил рацию и произнес:

— «Первый», говорит рубка... Вижу какое-то судно... По-моему, они поворачивают, хотят уйти...

— Понятно, — прозвучал в ответ неестественно спокойный голос Хардина.

22

— Все, пора, — сказал Андрей, застегивая куртку.

— Я боюсь... — Эти два слова Надя выговорила как-то особенно жалобно.

— Я тоже. — Он высунулся из окна, посмотрел направо и налево. — Никого. Скорее! Идем...

Крепко ухватив ее за руку, Андрей осторожно вывел Надю из каюты и повел к трапу. Девушка шла за ним безвольно, на лице застыло выражение полной обреченности. Вдруг он остановился и быстро втолкнул ее в дверь, ведущую во внутренние помещения.

— Что? — шепнула Надя.

— Тихо! — Он зажал ей рот ладонью и тут же отпустил.

А причиной этому стал появившийся на палубе Кортунов. В руке он нес огромный чемодан. Настроение у него было приподнятое, и не без причины. Груз у него, любой катер в его распоряжении — бандиты так заняты, что им пока не до катеров... Что дальше — там видно будет, а сейчас...

— Здравствуйте, сэр, — неожиданно послышался за его спиной чей-то иронический голос, и Кортунов замер, как изваяние. — Что же вы не здороваетесь? — Хардин, усмехаясь, покачивал стволом автомата. — Это невежливо... А в чемоданчике, наверное, наш знаменитый плутоний? Молчите? Ну и ладно, я знаю, что так оно и есть... И все же откройте-ка чемодан. Ну! — Он нажал на спусковой крючок, и пули со звоном прочертили дорожку у самых ног Кортунова.

Тот охнул, опустил чемодан на палубу, завертел диски цифровых замков и откинул крышку. В чемодане вплотную были уложены два прямоугольных блестящих контейнера (внешняя оболочка из жести, внутренняя — из бериллия). Извлеченный Хардиным из кармана дозиметр оживленно застрекотал.

— О, зер гут, колоссаль! — одобрил он. — А где документы?

Кортунов со стоном расстегнул кнопки на внутренней стороне крышки. Стала видна кожаная коричневая папка.

— Посмотрим. — Хардин наклонился, протянул руку, и тут Кортунов коброй бросился на него. Падая, Хардин все же успел выпустить очередь из автомата. Все пули нашли цель — попали в грудь Кортунова, раздробили ребра, пробили легкие и сердце. Куратор атомного груза свалился рядом с открытым чемоданом.

Но последний в жизни удар Кортунова — за миг до очереди — оказался настолько сильным, что отшвырнул Хардина к фальшборту. Столкновение со стальным кронштейном мгновенно погасило сознание...

Из темноты за этой сценой внимательно наблюдал Кедрин. Он медленно подошел к чемодану, вынул папку, перелистал документы. Чертежи, схемы, расчеты... Возвратив папку на место, запер чемодан, и тут внезапно вспыхнувшая боль в правой руке отозвалась в голове миллионами ослепительных искр. Когда они погасли, оружия у Сергея уже не было.

— Эй, умник! — громынуло за его спиной.

Он резко обернулся. Вот дьявол, этого только не хватало! Лжешахматист, «Аль Капоне»!

— Вот мы и встретились, умник, — оскалив зубы в радостной ухмылке, проговорил «Капоне». — Я тебя спокойненько пришибу, и ничего мне не будет, все на банду спишется... А тарактелка мне ни к чему, разберемся как мужчины, — и быстро принял боксерскую стойку...

Это была смесь бокса, карате, самбо, греко-римской и, бог знает, какой еще борьбы. Противники то обменивались сногсшибательными в буквальном смысле ударами, то катались по полу в объятиях, то вскакивали и вновь кидались друг на друга. Кедрин выдыхался, «Капоне» обладал поистине медвежьей силой и выносливостью...

Свидетелем этой схватки был Зорин. Он осторожно выглянул из-за двери и прошептал на ухо Наде:

— Пошли, быстрее!

— Но там эти...

— Пошли, им не до нас... Другого шанса может не представиться...

Андрей потащил ее к месту, где был пришвартован один из катеров, — там к ограждению палубы крепился штормтрап. Подняв тяжеленный чемодан, бросил его в катер и приказал ей:

— Лезь!

Девушка перекинула ногу через фальшборт и принялась неловко спускаться, нащупывая деревянные перекладыны.

— Стойте!! — хрипло выкрикнул Кедрин.

Но Андрей не узнал его в темной, облаченной в камуфляж окровавленной фигуре, и призыв остановиться прозвучал для него как выстрел стар-

тогового пистолета. Разжав руки, он прыгнул с метровой высоты и очутился на переднем сиденье катера рядом с Надей. Достал складной нож — свое единственное оружие — и передал его девушке:

— Режь канаты!

А сам зажег лампочку над пультом, пытаюсь разобраться в системе управления. Где тут у них стартер? Ага, вот он! Оборвать провода, соединить накоротко? Возни много, нельзя ли проще? Скважины для ключа зажигания не видно. Наверное, запускается кнопкой, но какой? Вон их сколько... Попробуем по очереди.

Первая, вторая, третья... Мотор взвыл. Надя рассекла ножом последний трос, и Андрей сжал ручку газа. Великолепный, идеально отлаженный мотор «Меркюри» отозвался победным ревом. Катер неудержимо ринулся вперед, удаляясь от злополучного «Валерия Брюсова», ставшего кошмарным аттракционом смерти.

— Ура! — завопил Андрей во всю глотку. — Мы свободны, мы спасены! Я люблю тебя! Я люблю жизнь!

Надя обнимала его за шею и что-то бормотала, срывалась в истерический хохот, переходивший в рыдания, впадала в ступор, после чего цикл повторялся...

Тем временем на борту «Брюсова» схватка Кедрина с мстительным громилой продолжалась. Здоровяк прижал Сергея к полу, занес кулак для финальной серии убийственных ударов... И вдруг обмяк, осел на него рыхлой массой.

Часто и тяжело дыша, Кедрин выбрался из-под огромного тела и увидел Дьяконова, который со всей силы ударил «Капоне» автоматом по затылку.

— Спасибо, — коротко поблагодарил Сергей.

— Как вы? — спросил Дьяконов.

— Как видишь, живой...

— Скорее на третью палубу, там люди отрезаны огнем... Я собираю, кого могу...

Они пробежали в двух шагах от Хардина, не заметив его в полутьме.

23

Способность двигаться постепенно возвращалась к Виктору Георгиевичу. Сначала он подтянулся к стене и сел, потом с невероятными усилиями поднялся на ноги. Голова сильно болела и кружилась, по виску стекала струйка крови. Так, надо вспомнить... Точно вспомнить слова молодого

человека. «Я — Андрей Зорин, джазовый пианист... Ее зовут Надя Вержина... Она из квартета Альбани, мы из Самары...» Имена известны, ничего не стоит установить и адреса. Но надо отловить их скорее, пока они не обратились к властям! Как они поступят, куда направятся в первую очередь? Ведь не в Самару же помчатся на катере. В ближайший населенный пункт, какой увидят, а в их направлении это Колдино. Есть ли у них мобильники? Должны быть, но вряд ли они их заряжали, до того ли им было... Да и связь в этой Тьмутаракани, наверное... Но в Колдино они найдут телефон или заявятся к участковому... А если нет? Если этот пронырливый юноша затеет собственную игру с плутоном? Ведь сумел он разгадать Картунова. Необходимо разыскать кого-то из квартета Альбани, выколотить дополнительные сведения... Хардин достал рацию:

— Здесь «первый». «Третий», «второй», на связь... Где вы?

— Здесь «третий», — послышалось не из динамика, а из-за спины Хардина. Он оглянулся. В двух метрах от него стоял Нежданов с черным от копоти лицом.

— Разбил рацию, — пожаловался Петр Михайлович. — Шадрин, кажется, мертв... Обгорел так, что не узнать, но вроде он...

— Ясно... Нужно срочно найти музыкантов квартета Альбани...

— Зачем?

— Наш плутоний уехал на катере.

— Что?!

— Не дергайся, достанем... Пошли искать музыкантов.

— Да где их искать в этой преисподней?!

— Везде. Там, где наши добрые самаритяне прячут пассажиров от огня и от нас. Идем, идем...

Возле одной из кают нижней палубы, куда не добрался огонь, стоял матрос с автоматом. Хардин жестом остановил Нежданова:

— Смотри-ка, стойкий оловянный солдатик... Сними его!

Короткий всплеск автоматной очереди уложил матроса на пол. Парень был жив, только ранен, и Нежданов собирался сделать контрольный выстрел.

— Не надо, — сказал Хардин. — Все мы божьи твари... Он вне игры, чего еще?

Подобрав «скорпион», он резко распахнул дверь в каюту, в которой тесно сгрудились человек двенадцать, мужчины и женщины. Увидев людей в масках, какая-то девушка взвизгнула.

— Тихо, тихо! — поднял руку Виктор Георгиевич. — Тот, кто покажет мне любого из музыкантов квартета Альбани, останется в живых. Может быть, вы? — Он направил ствол пистолета в лоб немолодого, тучного мужчины.

— Я не знаю их...

— Жаль.

Хардин быстро опустил пистолет и выстрелил. Мужчина с воем упал — пуля попала в ногу.

— Первый уровень игры, — хладнокровно произнес бандит, — второй будет покруче.

— Я могу их опознать, — засуетился долговязый джентльмен в измятом, некогда белом костюме. — Здесь нет никого из них...

— Ну, тогда пойдёмте с нами. А остальным — сидеть смирно!

В каюте напротив добровольный доносчик указал на альтиста Игоря Дворецкого:

— Вот этот!

— Хвалю за доблесть, — презрительно обронил Хардин. — А не хотите лично пристрелить юношу? Я дам вам двадцать долларов.

Несчастный «джентльмен» в полнейшей растерянности раскрыл рот, да так и не придумал подходящего ответа.

— Я пошутил, — сказал Виктор Георгиевич и обратился к Нежданову: — Подежурь в коридоре...

А сам завел Игоря в пустую каюту, усадил его на диван и, пристально глядя ему в глаза, произнес:

— Расскажите мне о Вержиной и Зорине, друг мой... Только подробнее... За каждую неточность я буду отрезать вам по одному пальцу...

Игорь хлопал глазами и молчал, парализованный страхом.

— У меня мало времени, — поторопил Виктор Георгиевич.

— С Зориным я не знаком... — Голос альтиста дрожал на высоких нотах. — А Вержина... Что вам рассказать о Вержиной?

— Прежде всего, ее самарский адрес.

— Записывайте...

— Я запомню.

Игорь назвал адрес.

— Понимаете, — вкрадчиво заговорил Хардин, — ваша Вержина вместе с Зориным обидели меня. Я спас им жизнь, а они в награду похитили принадлежащее мне ценное имущество и удрали с теплохода на катере. Ну, не свинство ли? Я человек незлопамятный, но имущество надо вернуть, согласны?

— Чем же я могу помочь? — пискнул альтист.

— Подумайте, куда они могли направиться отсюда в первую очередь... — Хардин неожиданно вынул нож и с многозначительным видом пригрозил: — У вас одна минута, и палец долой.

— Господи, да почему я знаю! — всплеснул руками Игорь.

— Пятьдесят секунд...

— Стойте! Я вспомнил...

— Что вспомнили?

— Село Колдино... Там есть дом, в нем жила когда-то тетка Вержиной, а сейчас он пустует. Бог мой, да ведь мы туда ездили отдыхать... Если им нужно спрятаться, то...

— Отлично. Как найти этот дом?

— Нетрудно. Он стоит поодаль от других, одиноко. Близко к реке... Если смотреть с Волги — справа...

— Спасибо вам. — Хардин потряс руку Игоря. — Люди должны помогать друг другу, верно? Прошу вас, посидите пока в каюте...

Он вышел. Нежданов жестом заверил его, что никаких инцидентов в коридоре не произошло.

— Подследственный сообщил, — сказал Виктор Георгиевич, — что в селе Колдино имеется дом, фактически принадлежащий Вержиной... То есть девушке, укравшей плутоний...

— Девушке?! — поразился Нежданов. — Но как... Что случилось?!

— Случилось недоразумение между мной и куратором груза... Он немного умер, но и я был не в форме... Вдобавок нарисовался наш исчезнувший «фээсбэшник», тоже со своими проблемами, я не стал дожидаться их разрешения. А девушка и ее приятель уселись в катер и были таковы.

— Но мы могли немедленно устроить погоню!

— Все наши катера, — устало произнес Хардин, — оснащены абсолютно одинаковыми моторами «Меркюри». И скорость, стало быть, одинаковая. К тому же, учитывая их фору, как бы мы искали их в темноте? А теперь нам известно про дом. Я и без того предполагал, что им некуда деваться, кроме Колдино, но дом привлечет их туда на сто процентов. Пока они отдыхают, мы...

— Конечно, — скривился Нежданов, — «отдыхают»! Возле дома нас будет ждать полицейская засада...

— Какая там засада в деревне, — небрежно бросил Хардин. — Анискин без Фантомаса... Но есть у меня такая мысль, что они и вовсе к властям не пойдут... Петр Михайлович, нам выходить из игры и поздно, и рано. Разыщите пару ребят — и на катер.

— Где-то тут еще бродит Званцев...

— Если жив... Увы, нам некогда... Положимся на судьбу.

Через двадцать минут катер отвалил от борта «Валерия Брюсова». В нем находились Хардин, Нежданов и два бандита по кличкам «Шило» и «Кривой». Им были обещаны золотые горы в случае успешного исхода операции.

В легенду о Мастере полковник Свиридов верил, а в то, что суперкиллер способен действовать в течение сколько-нибудь длительного времени и ни разу не попасться на глаза ФСБ — нет, в такое он поверить не мог. Коль скоро Мастер существует, что-то о нем должно быть в архивах! Просто Свиридов где-то ошибся, где-то свернул не туда...

Полковнику неоднократно приходило в голову, что хромота человека, которого он разыскивает, — лишь элемент маскировки. Тогда совсем никаких зацепок не остается... Но он настойчиво возвращался в мыслях к Олегу Букину. «Алиби Фадеева... Гм... Лучше не придумашь, а вот алиби Букина... Так ли оно неуязвимо? Можно ли создать подобное алиби искусственно, например, подкупить стариков? Можно, конечно, но опасно: что стоит вытряхнуть из них правду? Предположим, что преступник — именно Букин. Тогда его визит к старикам, разумеется, преследовал цель создания себе алиби... Телевизионное лото, совпадение времени... Но как он это сделал (если это он)?»

Полковник решил проконсультироваться со специалистом, Глебом Лариным. Тот раньше работал в ФСБ, а теперь возглавлял службу безопасности крупного банка. К нему-то и ехал теперь Свиридов, предварительно созвонившись.

В новой квартире Ларина полковник до того не бывал. Увидев новейшую видеосистему с громадным телевизором, дорогой компьютер, сделанную на заказ мебель, он усмехнулся:

— Черт возьми, красиво жить не запретишь... Слушай, в вашем банке не найдется местечка для стареющего шпиона?

— Не найдется, трепач... Все не могут быть богатыми, ведь мы, олигархи, жируем за счет тотального обнищания масс... Выкладывай, зачем пришел...

— Ловлю убийцу.

— Вот неугомонный, когда ты только наловишься... Давай, время дорого, у меня встреча...

— Условия задачи таковы, — начал Свиридов. — Алиби моего парня строится на том, что в момент совершения преступления, в девять пятнадцать утра, он сидел у соседей и смотрел по телевизору лото «Золотой шар». Как, по-твоему, мог он это подстроить, учитывая, что он квалифицированный электронщик?

— Мм... — Ларин задумался. — У соседей, говоришь? В его же доме или в другом?

— В одном подъезде, на его этаже, напротив.

— У этих соседей телевизор кабельный?

— Какое там... Дедушка с бабушкой.

— Значит, их телевизор подключен к общей антенне на крыше?

— Наверное... Это обычный многоквартирный дом.

— Тогда так и есть, — заключил специалист. — Знаешь, я бы поступил так. Во-первых, установил бы в своем видеоманитоне блок дистанционного радиуправления. Во-вторых, залез бы на крышу, и кое-что подключил бы там к антенне. В-третьих, с помощью таймера записал бы «Золотой шар». Потом в нужный момент из квартиры соседей, по радио — пульт легко поместится в кармане — перемотал бы пленку и включил сначала.

— Но такая передача пойдет на все телевизоры в доме?

— Да ладно тебе, сейчас у всех кабельное. Твои старички, наверное, одни в прошлом веке живут. Да если и нет... День какой был, рабочий?

— Да.

— Так кто же станет в девять утра смотреть телевизор?

— Здорово, но не годится, — покачал головой Свиридов.

— Почему?

— А откуда он мог знать, что старики уже не смотрят телевизор? Тогда получилось бы два «Золотых шара» подряд?

— Вздор! — отмахнулся Ларин. — Нетрудно поставить маленькую штучку, она забьет сигнал, вроде как телевизор испортился. Затем она отключается по радио... И вуаля.

— Вуаля, вуаля, завтра грабим короля, — машинально пробормотал Свиридов.

— А о часах ты подумал?

— О каких часах?

— Есть же в квартире у стариков часы на стене? Будильник, на худой конец? И что же получается? По телевизору — передача, идущая в девять пятнадцать, а на часах — другое время?

— Да зачем старикам смотреть на часы? Я спросил, когда у них был подозреваемый. Дедушка ответил не «в девять пятнадцать», а «аккурат это жульническое лото по телевизору крутили»... Элементарный психологический расчет. Некоторый риск тут есть, но самый минимальный. Ну и поглядели бы дед с бабкой на часы — так могли спутать сослепу или потом забыть, а телепередачу не спутаешь и не забудешь.

— Пожалуй, — согласился Ларин. — К тому же твой подозреваемый не мог не изучить привычки, образ мыслей, особенности поведения своих соседей... С таким знанием риск вообще сводится почти к нулю.

— Спасибо, Глеб. Ты мне вставил мозги на место...

От Ларина Свиридов поехал к себе домой. В кухне он приподнял плинтус, достал из тайника пистолет, зарядил и сунул в карман. Из кухонного

шкафчика, где хранились всевозможные хозяйственные мелочи, вынул моток капронового шнура. Впервые в жизни он намеревался не просто нарушить закон, а встать по другую сторону закона.

Спустившись к машине и усевшись за руль, полковник повернул ключ зажигания. Он возвращался к Букину...

25

На сей раз Букин открыл дверь без предварительных расспросов. Он улыбался.

— Что-нибудь забыли, полковник?

— Да, еще одна вещь, — входя, ответил Свиридов. — Вопрос, который я не задал вам в прошлый раз.

— Охотно отвечу. Проходите, располагайтесь...

Букин сел в кресло, а полковник, вроде бы заинтересовавшись висевшим на стене рекламным плакатом фирмы «Вега Лайт», отступил на шаг назад. Выхватив пистолет, он с размаху опустил рукоятку на голову Букина. Тот поник в кресле. Свиридов привязал его шнуром и приступил к обыску.

Начал он с видеомонитора — поработав отверткой Букина, снял кожух. Следы недавней работы паяльником он заметил сразу. Вероятно, значок электронных устройств, тот же Глеб Ларин, мог бы подсказать ему, что тут переделывалось, как и для чего, но полковнику и этого хватило. Затем настала очередь зеркал, наглухо прикрепленных к стенам. Полковник долго искал способ вынуть их, но не нашел и принял радикальное решение: разбил первое зеркало пистолетом. Понадобилось пять сильных ударов рукояткой... Да, это зеркало сделано не из обычного стекла! За ним Свиридов увидел укрепленную в нише видеокамеру. За другими зеркалами полковник обнаружил аналогичные камеры и автоматические фотоаппараты. Простукивая стены, полковник определил расположение пустот и столь же грубым методом (любопытно, как это делает хозяин?) выгреб диктофоны. Но вся извлеченная аппаратура не содержала никаких записей.

Содрав со стены плакат «Вега Лайт», Свиридов обнажил дверцу встроенного сейфа. Он потянул за утопленную в металл ручку, и дверца открылась с мягким щелчком. Вот как, не заперто...

На полках сейфа лежали деньги — доллары и рубли, не слишком большая сумма, вполне соответствующая уровню жизни сотрудника крепкой фирмы. В нижнем отделении покоился травматический пистолет и отдельно — патроны к нему, а также разрешение на приобретение травматического оружия, выданное Олегу Дмитриевичу Букину в прошлом году.

Свиридов опустился на колени и занялся исследованием пола, искал тайники. Когда он продвинулся до окна, сзади прозвучал насмешливый голос:

— Вам не надоело, полковник?

Резко выпрямившись, Свиридов обернулся.

— Я давно за вами наблюдаю, — продолжал Букин, не меняя тона. — Жаль, что вы разгромили мою квартиру. Вы огорчены, что ничего не нашли? А здесь ничего криминального и нет.

— Эти камеры, магнитофоны — по-вашему, ничего?

— А что такое? — удивился Букин. — Разве есть закон, запрещающий покупать такую аппаратуру и пользоваться ею дома?

— Конечно, такого закона нет... Но я не инкриминирую вам наличие аппаратуры, я пришел поговорить о том, как вы убили генерал-майора Рубцова...

— О! — Букин делано засмеялся. — У вас нет доказательств, полковник. И не будет. Их вообще нет, нигде. Я законопослушный гражданин, а вот вы — преступник. Вы напали на меня в моем доме, погром тут устроили... Уж я постараюсь, чтобы вы получили срок.

— Нет, не постараетесь, — произнес Свиридов, поднимая пистолет, — потому что вы умрете.

— Эй! Не порите горячку...

— Я объясню. Те люди, которые заказали вам убийство Рубцова, организовали также убийство моего друга, Андрея Благина. Для меня эти люди недосыгаемы. В моих глазах их представляете вы. Поэтому и умереть придется вам, а им жить и процветать. Вы понимаете меня, Мастер...

Палец Свиридова сдвинул спусковой крючок с мертвой точки лишь на четверть миллиметра, но от Букина не укрылось и это. Он, всегда рассматривавший убийства как решение занятых и в известной степени абстрактных головоломок, внезапно с ужасом ощутил дыхание смерти. Он, интеллеktуал и аналитик, погибнет в собственной квартире от пули этого сумасшедшего?! Нет, он не может, не должен умереть...

Букин испытал сильнейшее желание провести ладонью по лбу, но Свиридов привязал его на совесть.

— Не стреляйте, полковник, — едва разлепил пересохшие губы Мастер. — Давайте договоримся. Какие у меня гарантии?

— Гарантии чего?

— Неприкосновенности.

— Да никаких... Вы сейчас расскажете мне об убийстве Рубцова, о других совершенных вами преступлениях, выдадите видеоматериалы, аудиозаписи, назовете имена заказчиков. А я передам вас в руки властей и сохраню вам жизнь.

— Это же пожизненное заключение!

— Пожизненное заключение — не отдых в отеле на Канарах, — почувствовал Свиридов, — но, знаете, все же лучше немедленной смерти...

— Я предлагаю другое... Вы ничего не выиграете, если застрелите меня... Я выдам материалы, а вы позволите мне уехать за границу. Соглашайтесь, полковник, это честная сделка. Я дам вам ключи не только к этому делу, но и к другим. Целый муравейник подлинных негодяев за шкуру одного наемного киллера. К тому же, во-первых, вашего друга... Благина, убил не я. О нем я даже не слышал... Во-вторых, в России я больше не объявлюсь. Считайте, что я осужден на пожизненное изгнание...

В иных обстоятельствах Свиридов категорически отверг бы любую возможность сделок с убийцей. Но сейчас, когда дорог не только каждый день, но и каждая минута...

— Согласен, — сказал полковник. — Где материалы?

— На даче, в тайнике... Если вы освободите мою руку, я начерчу план.

— Подождите! — Подняв телефонную трубку, Свиридов позвонил Ларину: — Глеб, это снова я... Не в службу, а в дружбу, мне нужна помощь... Да, очень нужна... Прямо сейчас. Записывай адрес, я встречу тебя у подъезда.

Полковник намеревался просить Ларина съездить на дачу Букина и привезти содержимое тайника. Другого выхода он не видел, так как должен был оставаться в квартире Мастера до тех пор, пока не просмотрит материалы. Свиридов ослабил путы на правой руке Букина, примостил на ручке кресла лист бумаги и сунул ему в пальцы карандаш:

— Рисуйте и комментируйте.

— Все понятно? — спросил Букин, закончив рисовать план.

— Все... Теперь подождем человека и отправим на вашу дачу.

— А что потом?

— Потом я уйду.

— Если вы сразу пустите материалы в ход, у меня будут сложности... Дайте хотя бы сутки...

— Даю — по всем эпизодам, кроме убийства Рубцова. Мне надо знать имя заказчика, но тут вам едва ли стоит переживать. Сложности будут не у вас, а у него.

— Имя я вам и без этих записей назову. — Четко выговаривая каждый звук, Букин произнес фамилию Советника.

— Проклятье! — не сдержался Свиридов.

26

Рассвет над Волгой теснил ночь, прогонял мрак в небытие. Андрей Зорин сбросил газ, чтобы рев мотора не мешал разговаривать, но все равно приходилось повышать голос.

— Мы выбрались, — сказал он. — И вроде бы за нами никто не гонится... А дальше что?

— Где твой мобильник?

— В кармане, но он, наверное, разряжен...

— Мой остался на теплоходе... Да здесь, скорее всего, и связи-то нет...

— А куда ты хотела звонить?

— Как куда?! Мы же должны связаться с...

— Ни с кем мы связываться не будем.

— Как... Почему?!

— Из-за этого дерьмового чемодана.

— Может быть, ты что-нибудь объяснишь, наконец?!

— Сперва соображу, куда мы едем...

— Ближе всего Колдино. Помнишь, я говорила тебе? Там жила моя тетка...

— Ах, да... Слушай, а мы могли бы оккупировать ее дом на некоторое время?

— Конечно. Я знаю, где ключ... Но зачем?

— Боюсь, нас будут искать, и очень упорно... Вообще боюсь, что мы здорово влипли. Отсидеться надо.

— Андрей...

— Погоди. Вон избушки показались. Это Колдино, верно?

— Да.

— И где теткин дом?

— Тот, с краю... Не туда смотришь... Там, за высоким забором...

Катер описал дугу и, пройдя последние метры по инерции, уткнулся в песок. Андрей вытащил чемодан на берег, помог Наде сойти на пологий песчаный откос и проговорил:

— Катер придется отпустить в свободное плавание. Постой! — вдруг встрепнулся он. — А деньги у тебя есть?

— Откуда?

— У меня аналогично. Но они нам понадобятся... Там в катере свалены какие-то мешки. Если это добыча бандитов, там могут быть и деньги.

Действительно, небрежно завязанный рюкзак оказался доверху набитым деньгами. Доллары Андрей проигнорировал, выдернул толстую пачку рублей. Затем возвратился на берег и, оттолкнув катер, пробромотал:

— Счастливого пути!

Слегка покачиваясь на волнах, катер удалялся, подхваченный течением. Надя и Андрей направились к дому. Зорин костерил тяжелый чемодан, то и дело меняя руку и останавливаясь передохнуть.

— Что там, кирпичи? — нетерпеливо спросила Надя.

— Ты еще не поняла? Ты ведь слышала там, на палубе...

— Думаешь, мне до того было?

— Уф, пришли...

Небольшой домик в три окна пребывал в запустении. Веранду опутывали шершавые ветви дикого винограда, ступеньки крыльца провалились. На двери висел здоровенный ржавый замок. Надя пошарила под нижней ступенькой, достала ключ. В скважине он поворачиваться не хотел. Андрей подобрал валявшийся у крыльца железный обломок какого-то некогда полезного в хозяйстве инструмента, вставил в ушко ключа, приналег на импровизированный рычаг. С протестующим визгом ключ дважды провернулся.

В доме царил стойкий нежилой запах.

— Добро пожаловать в отель «Калифорния»! — произнес он, ставя чемодан у печки и опускаясь на шаткий табурет. — Подвожу итоги. Жрать нечего. Курить нечего... Впрочем, у меня осталась пара сигарет... За нами охотятся бандиты, и защиты просить не у кого...

— Да почему не у кого? Пойдем к местному милиционеру, все ему расскажем. Он позвонит в район, а они...

— Стоп, стоп! Никуда мы не пойдем, и никто никуда не позвонит. В этом чемодане плутоний, Надя.

— Плутоний? — Девушка непонимающе посмотрела на Андрея.

— Проще говоря, атомная бомба.

— Что за... Ох, Господи!

— Не бойся, не взорвется.

— Но как...

— Как я узнал? Не все ли равно... Зубарев — тот человек, с которым я рвался поговорить тогда... Это сотрудник ФСБ. Он предостерегал меня, чтобы я ни в коем случае не пытался выходить на контакт с властями. Кому нужно знать, те знают, сказал он. Но есть и другие. Теперь видишь, к чему может привести наша болтовня? Погибнет и Зубарев, и мы с тобой, а бомба попадет к террористам или черт знает к кому.

— Что же нам делать?

— Если бы я знал! Этот плутоний искал главарь бандитов. Из-за него тебя чуть не убили... Они не отступятся. Та драка на палубе, и тип в камуфляже, который нам кричал... Он видел, как мы удрали, видел, как я взял чемодан. Они станут рыскать в окрестностях... Вот почему нам нельзя показываться кому-либо на глаза.

— Они начнут как раз с Колдино!

— Сначала, наверное, прочешут пересеченную местность, но быстро сообразят, что леса тут хилые, в них только мышам прятаться... Потом придут сюда. Но не обыскивать же им каждый дом! Расспросят жителей... А подрулили мы аккуратно, никто нас не заметил, катера нет... Тут мы

в безопасности. Они отправятся дальше, мы дадим им время наворотить на наш счет невероятных гипотез и заняться их проверкой где-нибудь... Словом, не здесь. И вот тогда мы...

— Андрей, но как же не сообщить о нападении на теплоход... Там же бандиты убивают людей!

— До тебя на вторые сутки доходит, — покачал головой Зорин. — Весь этот бардак с ограблением теплохода — сплошная лапша на уши! Бандитам был нужен плутоний. Будь уверена, они все уже покинули теплоход и ищут нас.

— Утешил...

— Как сумел.

— И зачем ты только связался...

— О, вот как! Так ведь еще не поздно.

— Что не поздно?

— Выйти на берег, дожждаться их. Сказать — вот ваш чемодан, взрывайте что хотите, а моя хата с краю... Нет, правда, она и в самом деле с краю! — Андрей нервно засмеялся. — Хотя вру, поздно. Застрелят, как пить дать.

— Андрей... — Надя наклонилась к нему, обняла, заглянула в его глаза, — ну придумай же что-нибудь! Ты умный...

— Я надеюсь на Зубарева. Если он жив, рано или поздно найдет управу и на бандитов, и на заговорщиков.

— Но мы-то как об этом узнаем?

— Это задача номер два. Номер один — продержаться здесь тише воды ниже травы...

27

Завидев дома селения Колдино, Хардин свернул к берегу, под прикрытие крон нависающих над рекой деревьев, и заглушил мотор.

— Садитесь на весла, — приказал он бандитам. — Дальше пойдем без шума. Да снимите эти идиотские маски! Мы теперь рыбаки, а не гангстеры.

— Рыбаки в камуфляже? — высказался Нежданов.

— Камуфляж теперь не носят только священники.

Маски были сняты, автоматы уложены в подсумки. Шило и Кривой налегли на весла.

— Их катера нигде не видно, — сказал Кривой.

— Конечно, не видно, — отозвался Хардин. — Не такие они дураки... Вон тот дом, — вытянул он руку. — Причаливаем и выгружаемся.

Четверо спрыгнули на берег и направились к дому...

Андрей стоял перед Надей с чайником в руке.

— Так как же мы будем кипятить воду?

— Под верандой есть что-то вроде кладовки, — вспомнила Надя. — Может быть, там найдем электроплитку...

— В отель проведено электричество? Плоды прогресса?

Надя вышла, обогнула дом, открыла ветхую деревянную дверцу, ведущую под веранду, забралась внутрь в полусогнутом положении. Она не продвигалась дальше, давая глазам привыкнуть к темноте.

— Вон он! — послышалось вдруг со двора.

Андрей вздрогнул, вскинул голову. В окно он увидел во дворе фигуры в камуфляже... Прятаться поздно! Их нашли!

Первым в комнату вошел Хардин. Впервые посмотрев ему в лицо, не скрытое маской, Зорин поразился тому, насколько этот человек не похож на бандита. А ведь это именно он — главарь, тому доказательство — нашивка на комбинезоне... Вполне интеллигентно выглядел бы и Нежданов, если бы не жесткие складки в углах рта и немигающий змеиный взгляд. Зато двое появившихся следом персонажей едва ли снискали бы лавры в передаче «Спокойной ночи, малыши».

— Здравствуйте, юноша, — мирно приветствовал Андрея Хардин. — Так, так... И чемодан здесь, вот хорошо... Спасибо, что сохранили... А где девушка?

— Откуда я знаю, — огрызнулся Андрей.

— Ну, ну... У вас были такие славные отношения, вы так самоотверженно ее спасали...

— Она струсила и удрала. Наверное, на железнодорожную станцию или еще куда... Ловите ее сами, меня она не интересуется.

— Зачем же лгать, господин Зорин? — отечески упрекнул его Хардин. — Здесь все свои... Мы не причиним ей вреда.

— Вот как? Так вы ищете ее, чтобы наградить?

— Посмотрите-ка во дворе, а мы с тобой, Петр Михайлович, обойдем дом, — повернулся Хардин к бандитам. — Хотя я почти уверен, что ее здесь нет. Господин Зорин — человек энергичный. Полагаю, он услал ее на некое, гм, спецзадание... И все же осмотреться надо.

У Андрея противно заныло в желудке. Бандиты не скрывают лиц, этот к подручному по имени-отчеству обратился... Приговор подписан. Неужели нет способа выкрутиться, найти единственно верные слова?!

— Никого, — вскоре вернувшись, доложил Хардину Шило. — Тут и прятаться негде. Под верандой есть кладовка, да там один мусор.

— Я так и думал. Теперь выйди. Тебя, Петр Михайлович, тоже попрошу...

Шило и Нежданов покинули комнату.

— Вы собираетесь меня убить, — с горечью вымолвил Зорин. — Что помешало вам сделать это на теплоходе?

— Объясню, как человеку неглупому. На теплоходе у меня не было времени побеседовать с вами подробно. Я намеревался позже расспросить вас в деталях о подслушанном разговоре с господином Картуновым. Потом, уж не обижайтесь, я бы вас убил. Вы не можете не понимать, что представляете для меня источник опасности. Вам известно о существовании плутония. И когда об этом от вас узнают власти — а они узнают, даже против вашего желания, — они всю Россию вверх дном перевернут. Сами посудите, мне это нужно?

— А если я дам слово...

— Перестаньте, мы не дети! Выбор у вас один: либо вы говорите мне, где девушка, и умираете легко и быстро, либо я отдаю вас костоломам, и тогда вы тоже говорите мне, где девушка, но такой смерти я врагу не пожелаю.

— Вы опоздали. Надя сейчас у местного участкового, они звонят в район, а, возможно, в Москву...

— Снова ложь. — В голосе Виктора Георгиевича прозвучал мягкий убеждающий укор. — Если бы вы хотели известить участкового, отправились бы к нему сразу, вместе, и с чемоданом. Поверьте, Андрей, мне безразлично, как вы планировали распорядиться плутонием, раз ваша затея все равно лопнула. Но я не имею права оставить в живых ни вас, ни девушку. Делайте выбор...

— Зовите костоломов. Ни черта я вам не скажу. Но напоследок ответьте на один вопрос. Как случилось, что вы, человек явно незаурядный, вляпались в эту грязь?

— Как случилось? — Хардин усмехнулся. — Да бог его знает. Я так понимаю, вам, юноша, хочется немного потянуть время и послушать мои философствования. Что ж, извольте. Я ведь, в сущности, равнодушен к таким категориям, как богатство, власть, могущество... Меня привлекает игра, захватывающая смена ситуаций на шахматной доске. Всю жизнь я отвечал себе отнюдь не на тривиальный вопрос, сколько я заработаю. Нет, меня будоражил другой вопрос: смогу ли я?

— Вот и играли бы в шахматы, — буркнул Андрей.

— Я играю. Мои фигуры — люди, доска — реальная жизнь... Сколько денег необходимо человеку, чтобы безбедно дожить до старости? Ну, миллион долларов — этого более чем достаточно. Так почему составляются миллиардные состояния, почему люди безумно рискуют ради лишнего десятка миллионов, который им совершенно не нужен? Ответ все тот же. Нет в мире наркотика более острого, нежели игра... Знаете, Андрей,

честное слово, вы мне импонируете. Мне доставляет удовольствие разговаривать с вами. Вы и я — два противоположных полюса, как плюс и минус. Не сложились обстоятельства так трагично для вас, мы могли бы наслаждаться интересными беседами... Увы! Ход сделан, и взятая фигура должна быть убрана с доски...

— Я совсем не «плюс», — возразил Зорин, — и вы меня таковым не считаете. Вы минуту назад намекали, что я задумал какой-то трюк с плутоном...

— Да я не о том, — с досадой бросил Хардин и повернулся к двери: — Петр Михайлович!

На пороге показался Нежданов.

— Зови наших друзей.

Шило и Кривой вошли в комнату.

— Господа, — обратился к ним Виктор Георгиевич, — займитесь молодым человеком по развернутой программе. Вопрос один: где девушка? А мы с Петром Михайловичем выйдем покурить. — И они с Неждановым вышли из дома на крыльцо, оставив дверь приоткрытой...

28

Страх, предсмертный ужас заполнял все существо Андрея Зорина, не оставляя ни малейшего пространства для иных чувств и мыслей. Вовсе не для того, чтобы разобраться в психологии Хардина, затеял он последний разговор. Проблемы палача вообще-то не часто кажутся жертве очень важными, особенно на плахе. Нет, Андрей надеялся достучаться до глубины темного сердца, хотя с каждой секундой надежда таяла... А потом он просто боролся за время. Еще немного жизни, еще несколько глотков воздуха...

Он не был героем, смелостью и несгибаемостью духа совсем не отличался. И он не знал, как поведет себя, когда за него примутся эти два равнодушных чудовища. Едва ли он выдержит... Нет. И ему, и Наде придется умереть.

Шило оглядел комнату, содрал со стены электропроводку, ножом освободил концы проводов от изоляции.

— Хочешь его поджарить? — поинтересовался Кривой.

— Да, только с фокусами...

Шило взял валявшиеся на подоконнике ржавые ножницы, разломил, получив, таким образом, два колющих инструмента. К ним он прикрутил оголенные концы электрических проводов. Затем поставил в центре комнаты стул, усадил на него Андрея и ножом разрезал сверху донизу плотную

ткань джинсов на его правой ноге. Лезвие оставило глубокую борозду на коже, закапала кровь, но это пока не было болью, настоящей болью...

Настоящая пришла, когда бандит вонзил острие половины ножниц в ногу Андрея выше щиколотки, а вторую половину воткнул между бедром и коленом.

Андрея подбросило, словно кто-то огромный и могучий ударил его под ребра. Ему представилось, что он истошно кричит (на самом деле из открытого рта не вырвалось ни звука). Двести двадцать вольт сквозь кровоточащие раны!..

— Не подойдет? — забеспокоился Кривой, наблюдая за конвульсиями Андрея.

— Не... Вот если я ему в пасть вторую железку суну, тогда подойдет.

— Хорошо, мало ли чего...

— Пока хорош, — согласился Шило и, вытянув половину ножниц из верхней раны, зловеще спросил: — Где девка, ну, быстро!

— Где? — вдруг отчетливо повторил Андрей. — Ну-ка, подойди ближе, я скажу...

Ухмыляющийся бандит наклонился над Зориним:

— И где же?

— В городе Халде, на речке Балде, вот где...

Шило заревел в ярости. Острие снова погрузилось в рану, на сей раз до кости. Комната завертелась перед глазами Андрея, свет померк. Он мешком свалился со стула.

— Подох! — перепугался Кривой.

Шило убрал орудия пытки, нащупал пульс на запястье Андрея.

— Живой...

В комнату вернулись Хардин и Нежданов.

— Ну, как? — Виктор Георгиевич бросил взгляд на растянувшегося на полу Андрея и нахмурился: — Э, да вы перестарались, братцы... Сказал он что-нибудь?

— Хамил, — угрюмо буркнул Шило.

— Ничего нельзя поручить! — всплеснул руками Хардин. — Я вам что велел, за хамство его наказывать?! Эх вы, доктора франкенштейны, безумные изобретатели... — и, приподняв веко Андрея, притронулся к слабо бьющейся артерии на шее.

— Как он? — спросил Нежданов.

— А как бы ты себя чувствовал на его месте? Часов пять отдохнет...

— Вы предлагаете торчать тут пять часов?!

— Нет, — ответил Хардин после небольшой паузы. — Возьмем его с собой. На катере до базы, там на машину. Мы не можем терять из-за него время.

— А девчонка?

— Думаю, она вернется сюда, куда бы ни отправилась... Посему вы, — обратился он к Шило и Кривому, — остаетесь здесь на сутки и ждете. Прежде чем убивать, спросите фамилию — Вержина. Вот вам номер телефона... Не записывать — запомнить! — Хардин медленно назвал цифры. — По этому номеру звоните мне, ни в коем случае не по мобильнику, со станции или еще откуда. Звоните, когда дождетесь ее, или через сутки, если она не придет. Я объясню, что делать дальше. Привезете мне ее голову — получите по пять тысяч долларов, приедете пустые — по две.

— Голову?

— Условно, условно!

Конечно, никаких долларов они не получают, у них другая перспектива — уютные квартиры в паре метров под землей...

— А если полиция или что? — проворчал Шило. — Тут такое дело...

— Не шумите, и все будет в порядке... В крайнем случае, убивайте, но опять же тихо. Да, у вас нет денег на дорогу... Петр Михайлович, принеси из катера. Хотя постой... — Хардин посмотрел на оттопыренный карман куртки Андрея, вытащил оттуда пачку денег, швырнул на стол. — Здесь хватит. Теперь доставьте парня в катер.

Шило подхватил Андрея за руки, Кривой — за ноги, Хардин взял чемодан. По пути им никто не встретился, что неудивительно: местным жителям попросту нечего было делать возле пустующего одинокого дома.

Когда Зорина погрузили в катер, Виктор Георгиевич крикнул бандитам напоследок:

— Желаю удачи, франкенштейны!..

Не оглядываясь, Кривой и Шило побрели к дому. Нежданов занял место за штурвалом, Хардин оттолкнул катер от берега и запрыгнул на борт.

— Вы не перемудрили, Виктор Георгиевич? — Нежданов выглядел как человек, от которого ускользает точка опоры. — Захватят ребят, а вы им телефон дали...

— Не захватят. А и захватят, что у них есть против нас? Телефон? Ерунда, мало ли откуда. Мы тобой уже неделю в загуле, полный ресторан свидетелей я обеспечу...

— Но если девушка все же не вернется в дом...

— Для этого мы и увозим господина Зорина. Он скажет, где ее искать, некуда ему деваться. А мы сразу по прибытии свяжемся с сеньором Санчесом.

— Да, насчет прибытия... На машине в Москву — с нашим грузом?

— В Москву? Это было бы безумием. А до моей дачи доберемся как-нибудь.

— Дача, — усмехнулся Нежданов. — Мило вы именуете вашу крепость.
— Ну, уж, крепость... Заводи мотор.

Нежданов нажал кнопку, и катер быстро набрал скорость. Хардин откинулся на спинку сиденья, ветер трепал его волосы. Он отнюдь не был так беспечен, как хотел показаться Нежданову. Но не сходить же с дистанции на финишной прямой?.. Игра продолжается, и карты пока недурны, правда?

29

Тарахтящий «скорпион» трясся в руках Кедрина. Бандиты отстреливались с ожесточением смертников. Схватка настолько превосходила по накалу все предыдущие, что, казалось, была поставлена опытным режиссером, стремящимся во что бы то ни стало затмить соперников обилием спецэффектов.

Кедрина прикрывали Дьяконов и Ракитин, поодаль трещали автоматы Пономарева и Смолина. Бандиты напали внезапно, едва удалось погасить пламя на третьей палубе. Они прорывались к катерам на правый борт, куда им преграждали путь выставленные капитаном Борисовым посты. Катеров было теперь всего три, но и бандитов осталось меньше... Им был дорог каждый ствол. Даже Гюрза покинул рубку, предварительно всадив очередь в радиопередатчик. Рулевой, получивший удар по голове, лежал без сознания, и теплоход мало-помалу сбивался с курса, приближаясь к берегу.

Нападение на посты Борисова было отражено, так как на помощь кинулись все, кто имел оружие. Постепенно бандитов оттеснили от борта, а потом и вовсе загнали в «Магнифико». Взяли в кольцо, держа под прицелом окна и дверь.

Борисов поднес ко рту мегафон.

— Прекратить сопротивление, оружие выбрасывать в окна! — раскатился по всей палубе металлический голос. — Выходить по одному с поднятыми руками, иначе бросаем гранаты! У вас тридцать секунд...

Через пятнадцать секунд после ультиматума Борисова в баре произошла стычка — раздались короткие очереди, вопли. Судя по автоматам и пистолетам, выброшенным из окна, победили сторонники капитуляции.

Один за другим бандиты показывались на пороге. Их ставили лицом к стене, обыскивали. Кедрин с тревогой заметил, что на комбинезонах захваченных бандитов нет белых нашивок... Где же главари? Он отправил на их поиски Дьяконова, Ракитина, Пономарева и Смолина, а сам быстро зашагал к каюте, где допрашивал Шадрина. Еще не дойдя до нее, он понял, что обреч этого человека на страшную смерть... Каюта выгорела дотла.

Поисковая команда вернулась ни с чем, обнаружить людей с нашивками не удалось — ни живых, ни мертвых. Предполагать можно было что угодно, но Кедрин привык ориентироваться на худшие варианты. В одном случае вариант выглядел так — Хардин и Нежданов продолжают охоту за плутоном. Куда могли уплыть на катере Надя и Андрей, где их искать? Будут ли они пытаться установить контакты с властями? Сергею припомнился случайно услышанный на палубе обрывок их разговора. «Село Колдино, — говорила Надя, — домик моей тетки... На отшибе, крайний справа... Тетя Аня там давно не живет...» Почему бы им не укрыться в этом домике, чтобы отдышаться, прийти в себя, наметить план действий? Начать, видимо, нужно оттуда...

— Все закончилось, Юрий Георгиевич... — подошел он к капитану. — Вы снова командуете.

— Да, — устало улыбнулся тот. — Все под контролем. Теперь только сдать этих молодчиков...

Вдруг Кедрин уловил далекий рокот и прислушался.

— Полагаю, это летят за ними... — указал он на пять увеличивающихся точек в рассветном небе. — Скоро сюда высадятся профессионалы... А я прощаюсь с вами, капитан. И знаете... Не обязательно упоминать в официальных беседах, что на борту находился сотрудник ФСБ Зубарев.

— Я ведь представил вас экипажу.

— Да, верно... Ну что же, скажете, что вас обманул неизвестный с фальшивым удостоверением.

— Но я назвал вашу фамилию, Виктор Петрович.

— Она не настоящая.

— Вот как? — протянул Борисов с изменившимся выражением лица. — Выходит, меня действительно обманул неизвестный с фальшивым удостоверением?

— Я действительно выполняю задание ФСБ, — обтекаемо ответил Кедрин.

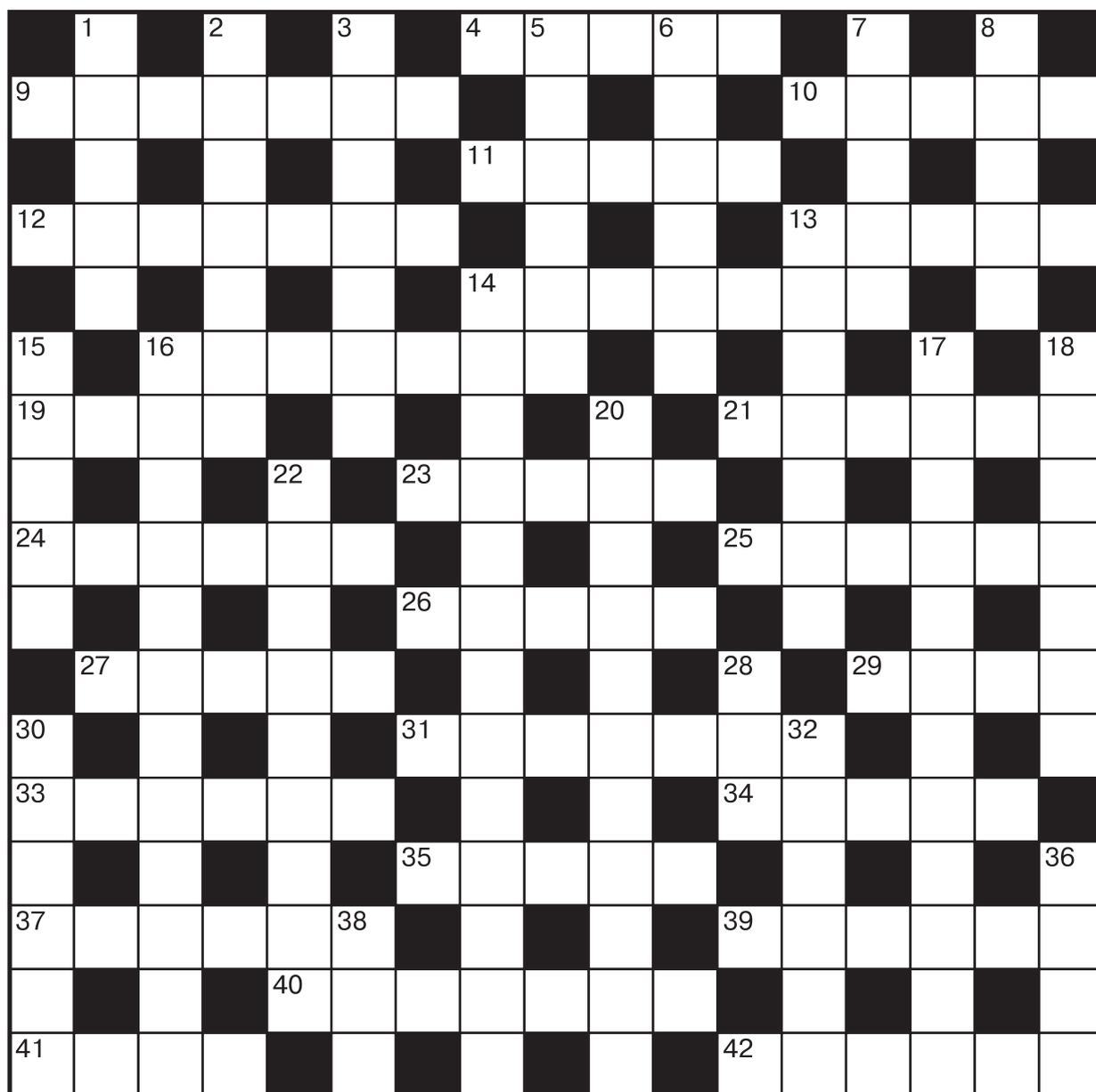
— Минуту, — произнес капитан, когда Сергей уже повернулся и сделал шаг. — Вы, получается, знали о... бандитах?

— Если бы я знал о них, их бы переловили задолго до нападения. До свидания, Юрий Георгиевич, может быть, и суждено будет нам увидеться...

Капитан Борисов долго стоял на палубе, глядя Кедрину вслед. А Сергей, вернувшись на палубу, без особого труда отыскал пистолет «снэйк», из которого успели выстрелить лишь четырежды, положил его в карман, спрыгнул в катер и отчалил... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Киногерой Сергея Столярова с гусями. **9.** «Мы должны воспитывать нашего зрителя. Его голыми ногами не воспитаешь. Костюмы надо заменить, ноги изолировать» (один из героев «Карнаваль-ной ночи»). **10.** Какой будущий секс-символ впервые попал «на широкий экран» в клипе «She Bangs» на песню

Рики Мартина? **11.** Где выросла дис-неевская Рапунцель? **12.** Какому ку-тьюрье певец Элтон Джон посвятил свой альбом? **13.** Кто из министров финансов ввел в России золотую ва-люту? **14.** В какой области свари-ли первое немецкое пиво? **16.** Чи-новник первого класса, согласно Та-бели о рангах Российской империи.

19. Планета, где лето длится 21 год.
21. Тончайшая материя имени фламандского ткача. **23.** «Вы мой каприз, вы мой ..., вином любви наполним чаши». **24.** Выставка зверей. **25.** Кто из хоббитов написал книгу «Туда и обратно»? **26.** В каком единоборстве не 10 данов, как принято считать, а двенадцать? **27.** Один из предметов, классически сданных в багаж дамой из детского стишка Самуила Маршака. **29.** «Танцевальная тряска». **31.** «Вооруженное» название гладиолуса. **33.** Строй по росту. **34.** Окошко, чтобы расплатиться. **35.** «Как старый посох, стерт» в «Песенке о ночной Москве» Булата Окуджавы. **37.** Смешной аристократ с лицом Хью Лори. **39.** Финансовый крах. **40.** Где отбывали лагерный срок сыновья профессора Градова из телесериала «Московская сага»? **41.** Детский бас. **42.** В какой стране живут бирманцы?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Неизвестный член уравнения. **2.** Голливудский секс-символ, которому инопланетяне из фантастической комедии «Марс атакует!» отрезают голову. **3.** Кто вы-

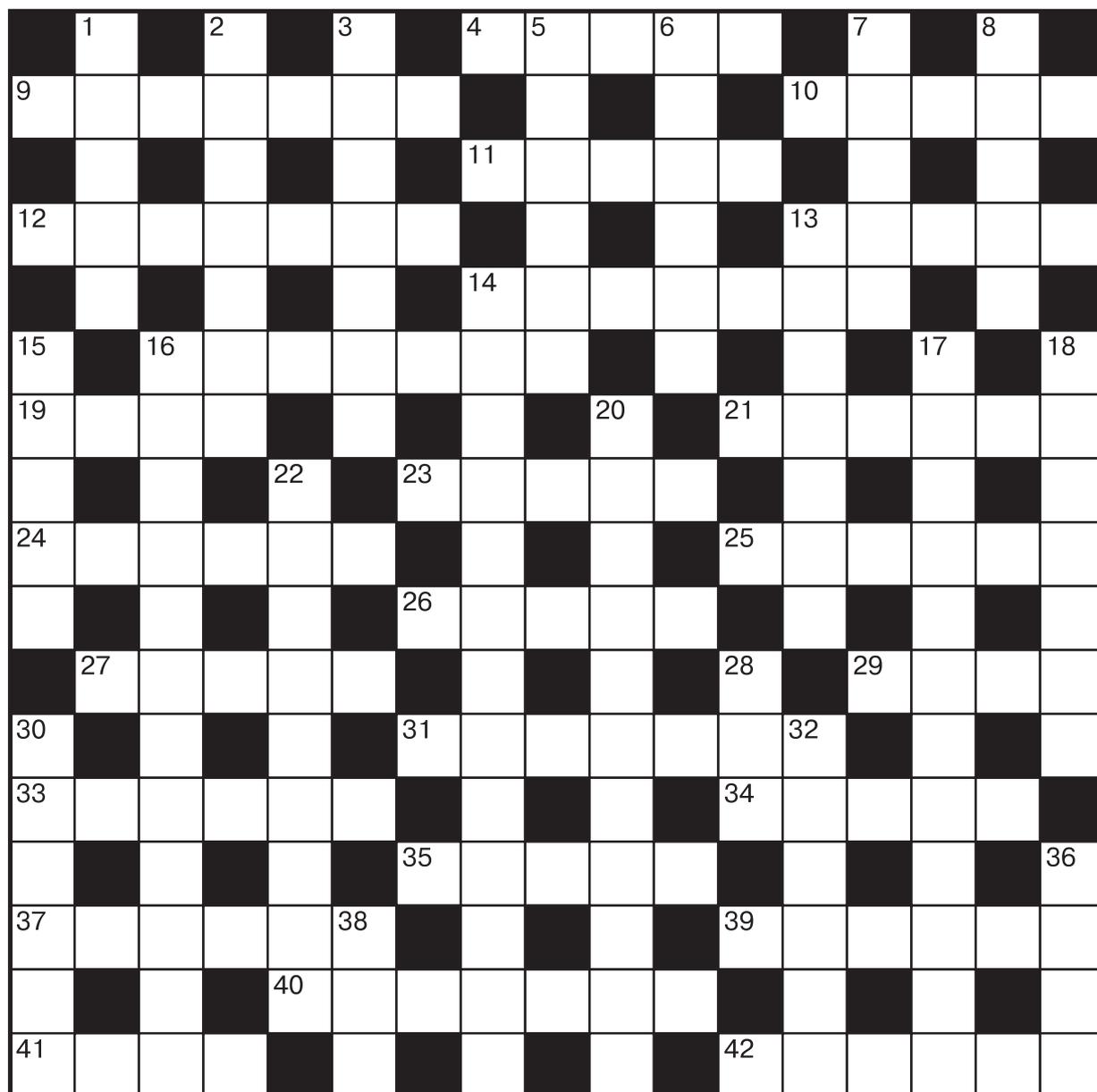
кормил близнецов Рема и Ромула? **5.** Какой блокбастер обогнал в 2009 году «Титаник» по кассовым сборам? **6.** Какой из гвинейских городов подарил свое имя фривольному танцу? **7.** Откуда приехал лохматый профессор из «Осеннего марафона»? **8.** Кто первым предпринял поиски нефти на прибрежном шельфе и нашел ее? **13.** Какой термин появился в медицине в тот год, когда затонул «Титаник»? **14.** Розничная точка топливной компании. **15.** Второе имя Мадонны. **16.** «Индикатор» в диетологии. **17.** Какая звездная красотка кинула Адама Сэндлера со свадьбой? **18.** «Итог работы» для швейной машинки. **20.** Что отличает коррумпированного чиновника? **22.** Какой шут стал героем последней пьесы Григория Горина, работу над которой он закончил за несколько часов до ухода в лучший мир? **28.** Кто в 1931 году выпустил первую электрическую бритву? **30.** Что спортсмену карьере ломает? **32.** «В горах не надежны ни ..., ни лед, ни скала». **36.** Вулкан в честь сицилийской нимфы. **38.** Комариное стадо.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Шпилька. **7.** Опыт. **10.** Бутсы. **12.** Правопорядок. **13.** Ленин. **15.** Деревня. **16.** Качели. **19.** Кон. **20.** Гарпун. **24.** Гете. **25.** Гамбургер. **27.** Айва. **28.** Водоем. **29.** Болдуин. **30.** Карьер. **31.** Комикс. **33.** Бок. **36.** Конец. **37.** Коридор. **40.** Банан. **42.** Товар. **43.** Ауканье. **44.** Ткань. **45.** Огонь. **46.** Дальтон.

ПОВЕРТИКАЛИ: **1.** Ручей. **2.** Аспид. **4.** Паркет. **5.** Ливень. **6.** Кипр. **8.** Подберезовиков. **9.** Таксидермист. **11.** Орлан. **14.** Недуг. **16.** Конев. **17.** Огласка. **18.** Гравюра. **21.** Набор. **22.** Ябеда. **23.** Артишок. **26.** Родонит. **29.** Бетон. **32.** Медуза. **34.** Кольцо. **35.** Садко. **36.** Казнь. **38.** Долги. **39.** Раунд. **41.** Даль.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Итальянский город, где разыгрывают Гран-при Сан-Марино в гонках «Формула-1». **9.** Кто лично курировал провокатора Евно Азефа после отставки полковника Сергея Зубатова? **10.** Звезда нашего кино, чью ногу спасла жена академика Сергея Королева, укоротив ее на восемь сантиметров. **11.** Любимая римская кофейня для Николая

Гоголя. **12.** Титан, заточенный в пещере под школой Тибидохс. **13.** Первый русский исследователь Антарктиды, принимавший участие в экспедиции норвежца Руаля Амундсена. **14.** Волк из украинского фольклора. **16.** Едкий пародист среди сатириконцев. **19.** «Петр Великий» на уровне Бретани. **21.** Порода голубей родом с Востока. **23.** Немец, выделив-

ший первый синтетический кофеин. **24.** Геральдический лев с перекрученным хвостом, позаимствовавший передние лапы у орла. **25.** Какой игрок из сетевых шутеров предпочитает сидеть в засаде? **26.** Шалаш охотника, чтобы поджидать дичь. **27.** Сброженные бобы у японцев на завтрак. **29.** Древний танец в честь Вакха. **31.** Русский революционер, идеолог терроризма. **33.** Какая актриса основала первый в России детский театр? **34.** «Зверь из Корлеоне» среди глав Коза Ностра. **35.** Сок из корней молодых кокосовых пальм. **37.** Какой русский поэт обрел покой рядом с Иваном Крыловым? **39.** Изобретатель калориметрической бомбы. **40.** Вариант алмазной огранки. **41.** Демон смерти из иранских мифов. **42.** В каком кафе снимали ресторанный сцену из комедии «Афоня»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Каждый из шнурков бахромы. **2.** Чем Ящер из фильма «Новый Человек-паук» заражает окружающих? **3.** Кто ставит веру над разумом? **5.** Наша станция в

Антарктиде. **6.** Частица с нулевой массой покоя. **7.** Какая птица украшает эмблему турецкого футбольного клуба «Денизлиспор»? **8.** Какой аристократ подписал брачный контракт с опереточной «королевой чардаша»? **13.** Шерстяная ткань на пошив солдатских мундиров в русской армии. **14.** Какую медицинскую науку изучал в университете Михаил Булгаков? **15.** Чашка для японской чайной церемонии. **16.** Популярное в Третьем рейхе «учение о вечном льде». **17.** Какая ересь «уютно разместились» между убеждениями докетов и тринитариев? **18.** Дипломат, удостоившийся двух эпитаграмм от Александра Пушкина. **20.** Акробатика на доске с плавником. **22.** Скандинав, спасшийся во время гибели мира. **28.** Кто из разбойников в мультфильме «Рапунцель: Запутанная история» мечтает посвятить себя флористике? **30.** Человек, вытирающий пыль с чужих идей и творений. **32.** «Авраамово дерево». **36.** Первенец Пабло Пикассо. **38.** Африканская страна, чей представитель плавал с Туром Хейердалом на плоту «Ра».

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Икскуль. **7.** Агух. **10.** Калки. **12.** Ашшурбанипал. **13.** Аркад. **15.** Модулор. **16.** Магриб. **19.** Пас. **20.** Аутлук. **24.** Конг. **25.** Триптолем. **27.** Бадр. **28.** «Ракета». **29.** Халлуми. **30.** Гангут. **31.** Кьянти. **33.** Янг. **36.** Чорон. **37.** Дамуазо. **40.** Чубук. **42.** Сумба. **43.** Абураге. **44.** Мурья. **45.** Сафра. **46.** Джульба.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мавры. **2.** Оккам. **4.** Кашрут. **5.** Крупон. **6.** «Люба». **8.** Гипермодернизм. **9.** Халибография. **11.** Ункас. **14.** Донут. **16.** Мазер. **17.** Казбеги. **18.** Штудент. **21.** Кроат. **22.** Ополе. **23.** Бозмунд. **26.** Мальтус. **29.** Хулок. **32.** Бомбаж. **34.** Габгаб. **35.** Мухус. **36.** Чульо. **38.** Аурат. **39.** Оберс. **41.** Урал.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Знаки судьбы».**

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

